

Россия и Азия

№ 3 (29), 2024

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (29), 2024 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

Содержание**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Пак Х., Глинская М. В. Двусторонняя торговля Ирана и России в XXI веке: тенденции, особенности, роль западных санкций	6
Савинский А. В. Роль культурных аспектов в китайско-африканском экономическом сотрудничестве	19
Марьясис Д. А., Якимова Е. А. Особенности отношений Израиля с Республикой Корея в области обороны и безопасности	28

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Петров Е. С., Николаева Е. А. Перспективы экономики и внешней торговли Египта: прогнозные оценки на основе математического моделирования	37
Исаев М. Н. Демографические процессы и развитие рынка труда в странах ССАГПЗ	47
Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Внешнеторговый потенциал российских регионов в условиях внешних ограничений	59

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Шкваря Л. В. Глобальные экономические тенденции и проблемы деглобализации	68
Соловьёва Ю. В., Бадалзода С. «Зеленая» энергетика как тренд развития в мире и в России: перспективы и возможности	89

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

- Pak Kh., Glinskaya M. V.** Bilateral trade between Iran and Russia in the 21st century: trends, features, and the role of Western sanctions **6**
- Savinsky A. V.** The role of cultural aspects in Chinese–African economic cooperation **19**
- Maryasis D. A., Yakimova E. A.** Peculiarities of Israel's Relations with the Republic of Korea in the Field of Defense and Security **28**

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Petrov E. S., Nikolaeva E. A.** Prospects for the Egyptian economic and foreign trade: forecast estimates based on mathematical modeling **37**
- Isaev M. N.** Demographic processes and labor market development in the GCC countries **47**
- Andreeva E. L., Ratner A.V.** Foreign trade potential of Russian regions under external constraints **59**

GLOBAL TRENDS

- Shkvarya L. V.** Global economic trends and challenges of deglobalization **68**
- Solovieva Yu. V., Badalzoda S.** «Green» energy as a development trend in the world and in Russia: prospects and opportunities **89**

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**Двусторонняя торговля Ирана и России в XXI веке: тенденции,
особенности, роль западных санкций**

Пак Хоссейн¹

Глинская Мария Вячеславовна²

В статье проанализировано современное состояние российско-иранской торговли в двустороннем формате. В последние годы совокупность обстоятельств и тенденции в сфере взаимной торговли двух стран быстро меняется при увеличении ее влияния на социально-экономическую динамику как России, так и Ирана. Также эта торговля выступает значительным фактором стабилизации ситуации в Евразии. Поэтому важность исследования современного состояния взаимной торговли Российской Федерации и Исламской Республики Иран, определение ее характеристик и ограничений актуализируется. Цель статьи — выявить современную динамику, тенденции и значимость взаимной торговли России и Ирана в 2013–2023 гг. в сегменте товаров. Авторами выделены факторы эволюции взаимной торговли Ирана и России — исторический, экономический, организационный, политический, международный. В статье показана объективность углубления двусторонних хозяйственных связей Ирана и России, делается акцент на высокой важности торговых отношений Российской Федерации и Исламской Республики Иран в условиях роста нестабильности во всем мире и, в частности, в Евразии. В проведенном исследовании анализируются динамика и отраслевая структура взаимной торговли товарами Российской Федерации и Исламской Республики Иран на современном этапе в условиях западных санкций против каждой страны и угрозы «вторичных санкций» по отношению к третьим государствам, выявлены ее основные характеристики: устойчивый рост стоимостных и физических объемов торговли товарами, рост доли национальных валют в оплате импорта, низкий уровень диверсификации торговли, ее несбалансированность и не соответствие имеющемуся торговому и экономическому потенциалу, а также не соответствие стоящим перед странами задачам. Авторами сформулированы основные проблемы, тормозящие развитие взаимной торговли Ирана и России, в том числе информационные, экономические, организационные, транспортно-логистические, при необходимости для обеих стран наращивать взаимную торговлю на основе обеспечения экономических интересов обеих сторон и обоюдной выгоды, а также экономической безопасности. В статье использованы статистические данные международных организаций (МВФ, ЮНКТАД). Исследование опирается на аналитические материалы отечественных и зарубежных экспертов-иранистов.

¹ Пак Хоссейн — генеральный директор ООО «Виктория», Москва–Тегеран, Россия–Иран.

² Глинская Мария Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Ключевые слова: Россия, Иран, двусторонняя торговля, экономическое сотрудничество, глобальная нестабильность, экономические санкции, экономические интересы, торговые потоки, торговые ограничения.

JEL коды: F02, F12, F14, F52.

Введение

Российско-иранские торгово-экономические отношения, особенно в последние годы, привлекают внимание многих авторов, исследующих различные исторические периоды этих отношений (Шукунов, 2019), различные аспекты двустороннего взаимодействия (Цветков и др., 2017), влияние на экономическое развитие и социальные процессы как обеих стран, так и их коллаборации на мировых рынках, риски (Бурцева, 2020), с которыми сталкиваются национальные экономические системы и их взаимодействие, а также изменение как этих, так и других параметров внутреннего экономического развития и внешнеэкономической деятельности России и Ирана в условиях санкций и роста глобальной нестабильности (Костенко и др., 2024). Так, Р. Резаинежад высказывает точку зрения, что «Высокая инфляция, растущий уровень безработицы и сокращение производства являются очевидными характеристиками текущего состояния экономики Ирана. В связи с этим изучение подходов к улучшению отношений с другими странами и более широкому участию в международной торговле имеет решающее значение. Однако в условиях санкционной ситуации немногие страны могут установить свободные экономические отношения с Ираном, и Россия является одной из важнейших стран в этом контексте» (Rezaeinejad, 2023). Таким образом, обзор имеющейся научной экономической литературы позволяет отметить значительную широту сфер интереса отечественных и зарубежных экспертов в данном направлении.

Исследовательский интерес к Исламской Республике Иран в России растет по разным направлениям: особенности экономической политики в условиях санкций (Глинская, Полежаев, 2024), социально-экономическая динамика (Мамедова, 2024; Мамедова, 2022), экономическая диверсификация (40 лет..., 2020), влияние санкций на внутреннюю хозяйственную динамику и внешнеэкономическую деятельность (Зыченко, 2023), технологические возможности, международное экономическое сотрудничество в современных условиях, в том числе в международных организациях и др.

Особое внимание уделяется ирано-российским торгово-экономическим связям, которые неуклонно укрепляются под воздействием как внутренних задач, так и внешнего негативного воздействия (Мамедова, 2023; Rezaeinejad, 2023; Karami, et al., 2019), формируя определенную специфику, но сохраняя, однако, ряд проблем и нерешенных вопросов. Подчеркивается, что «...торгово-экономическое сотрудничество Ирана и России является перспективным и выгодным для обоих государств», в том числе и в военно-технической сфере и соответствующем сегменте взаимной торговли (Хафизова, 2017).

В XXI в. ситуация в сфере взаимной торговли двух стран быстро меняется под влиянием внешних вызовов и угроз для мира и обеих стран, включая события так называемой «Арабской весны», западные санкции в отношении обеих стран и их беспрецедентное ужесточение, глобальную нестабильность, постоянно растущую и уже срывающуюся к реальным угрозам миру, экономический и торговый протекционизм, «торговые войны», все шире практикуемые коллективным Западом в отношении все более широкого круга стран для

обеспечения собственной гегемонии и сохранения «порядка, основанного на правилах» и выгодного лишь Западу. При этом влияние двусторонней торговли России и Ирана на социально-экономическую динамику обеих стран неуклонно растет. Оба государства прекрасно понимают необходимость обеспечения экономической безопасности и защиты своих национальных экономических интересов. В этом вопросе обе страны, как представляется, выступают естественными партнерами. Кроме того, взаимная торговля Ирана и России, безусловно, выступает и значительным фактором стабилизации ситуации в Евразии. Поэтому важно исследовать современное состояние взаимной торговли, выявить ее характеристики и ограничения.

Однако в последние 5–7 лет двустороннее торгово-экономическое сотрудничество России и Ирана приобрело новые характеристики, интенсивность, результаты и получило новое значение для каждой из стран-партнеров. Эти аспекты изучаются в данной статье.

Цель статьи — проанализировать современную динамику, тенденции и значимость взаимной торговли стран в 2013–2023 гг.

Результаты исследования

Иран (Исламская Республика Иран) по классификации ЮНКТАД относится к развивающимся странам Южной Азии с высоким уровнем дохода, имеет выходы к Каспийскому морю, а также — через Персидский и Оманский заливы — в Индийский океан. Высокий уровень дохода обеспечивается прежде всего за счет наличия крупных запасов углеводородов, а также и других природных ресурсов.

Так, по данным *The Energy Institute Statistical Review of World Energy 2024*, Иран остается крупным и очень важным производителем углеводородов в мире (табл. 1). Темпы роста их добычи, особенно нефти, растут, как и нефтеперерабатывающие мощности Ирана, которые сегодня могут переработать уже свыше ½ объема отечественной добычи «черного золота» (*The Energy...*, 2024), что обеспечивает национальный экономический рост и позволяет Ирану не только наращивать экономический потенциал, но и предоставляет стране возможность проводить диверсификацию национального хозяйства и решать ряд важных социальных, экономических и технологических задач.

Также Иран активно экспортирует нефть, несмотря на санкции, и не только в КНР (которая сегодня остается крупнейшим рынком сбыта для иранской нефти), хотя экспорт и нестабилен (рис. 1). Различные источники подтверждают данный вывод.

Так, опубликованный в 2024 г. японской ежедневной газетой *Nikkei* отчет показал, что поставки иранской нефти за рубеж достигли в среднем 1,3 млн баррелей в сутки в 2023 г., что почти на 50% больше по сравнению с предыдущим годом и является рекордным показателем за последние 5 лет. Цифры подтверждают более ранние сообщения СМИ и заявления иранских правительственных властей о том, что в 2023 г. произошел значительный всплеск добычи и экспорта иранской нефти, несмотря на тот факт, что на страну по-прежнему распространялся жесткий режим санкций США (*Iran's oil exports increased 50% last year despite US sanctions: Report*, 2024).

Таблица 1.

Производство нефти и газа в Иране в 2013–2023 гг.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темпы роста в год, %		Доля в мире, %
												2023	2013–2023	2023
Нефть, тыс. баррелей в день	4939	3609	3714	3853	4578	4720	3510	3230	3766	3945	4662	18,2	2,6	4,8
Нефтеперерабатывающие мощности, тыс. баррелей в день	2075	2075	2075	2075	2220	2330	2495	2475	2520	2550	2604	2,1	2,3	2,5
Природный газ, млрд м ³	157,5	175,5	183,5	199,3	213,0	218,9	220,1	228,3	235,8	247,7	251,7	1,6	4,8	6,2

Источник: составлено по: The Energy Institute Statistical Review of World Energy 2024.

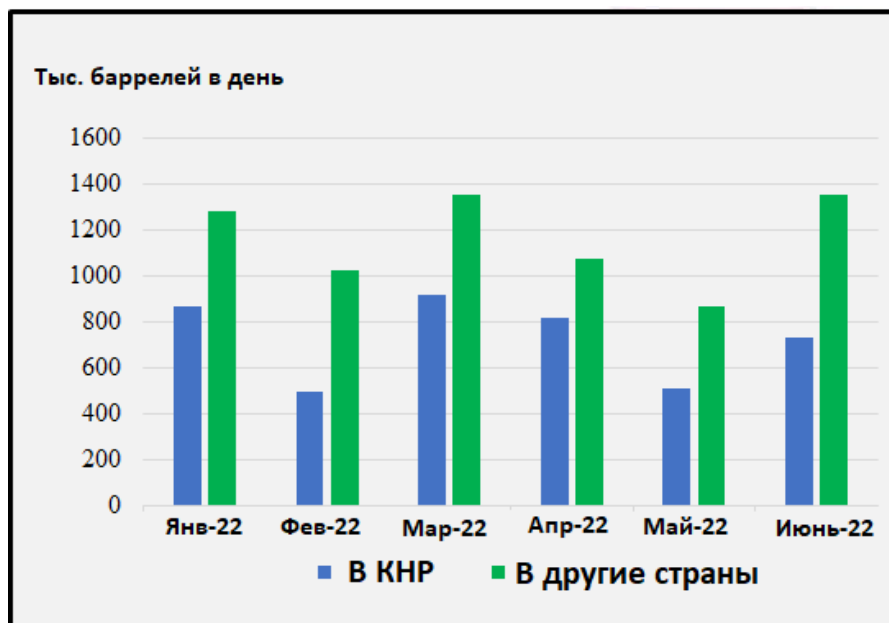

Рис. 1. Объемы экспорта нефти из Ирана в 2022 г., тыс. баррелей в сутки.
Источник: Rome, 2022.

По мнению экспертов МВФ, нефть выступает катализатором экономики Исламской Республики Иран (рис. 2).

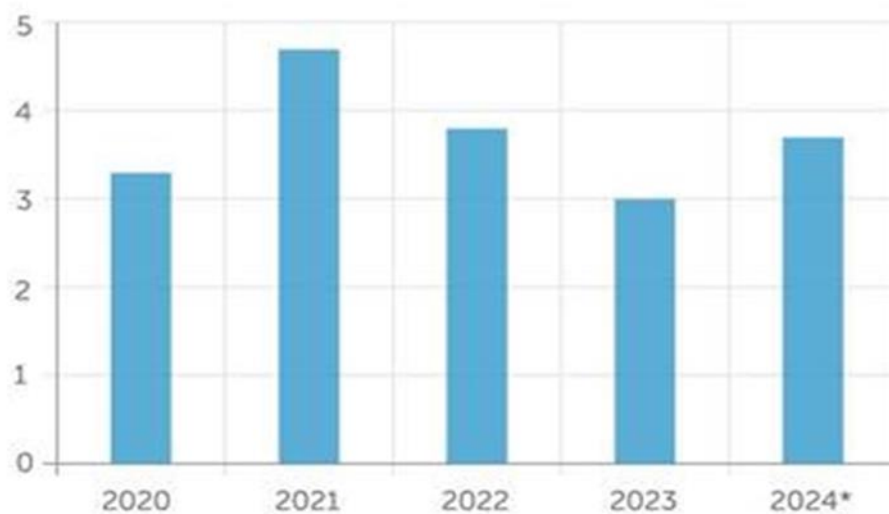

Рис. 2. Динамика производства ВВП в Иране в 2020–2023 гг., % и прогноз на 2024 г.
Источник: Islamic Republic of Iran and the IMF, 2024.

«МВФ спрогнозировал рост экономики Ирана на 3,7% в 2024 г. Эксперты объясняют это резким увеличением темпов добычи нефти — за прошлый год на 23%. Так, в феврале 2023 г. Иран добывал 2,5 млн баррелей сырой нефти в сутки, к сегодняшнему дню этот показатель возрос до 3,4 млн б/с, несмотря на членство Ирана в ОПЕК+. Экспорт нефти в 2023 г. также существенно увеличился — на 50%, основным и почти единственным импортером остается Китай» (Islamic Republic of Iran and the IMF, 2024).

Развивая традиционные виды деятельности и диверсифицируя экономику, Иран активизируется и в современных технологиях, в том числе цифровых. В частности, источники сообщают о том, что «Центральный банк Ирана объявил о начале важного этапа в процессе цифровизации национальной экономики. С 21 июня 2024 г. стартует пилотное тестирование цифровой версии иранского риала (CBDC) в реальных условиях. Этот шаг знаменует собой значительный прогресс в развитии финансовой системы страны и ее адаптации к современным технологическим тенденциям» (Страна с огромным количеством санкций..., 2024).

С точки зрения темы настоящего исследования, с большой долей вероятности можно предположить, что цифровизация упростит возможности международной торговли и международных расчетов для Ирана, что положительно может сказаться и на российско-иранской торговле.

Важными факторами развития российско-иранской торговли выступает прежде всего исторический и географический.

История российско-иранской торговли, стран-соседей, насчитывает как минимум столетия. Москва и Тегеран всегда были важными друг для друга торговыми партнерами (Шукунов, 2019), хотя динамика и интенсивность взаимной торговли существенно различались по периодам. Благодаря территориальной близости, еще в прежние века началась двусторонняя торговля между странами по Волге, впадающей в Каспийское море, что обусловило формирование исторических традиций и определенной взаимодополняемости как базы современного сотрудничества. Это взаимодействие небезуспешно продолжалось и в советское время, осуществляется и сегодня, причем по нарастающей. Кроме того, некоторые авторы высказывают точку зрения о наличии некоторых параллелей развития обеих стран, особенно в XX в. (Юртаев, 2012).

Глобальные факторы, прежде всего рост международных вызовов и рисков, в том числе в Евразии, требуют от обеих стран серьезных усилий, а также зачастую их координации, чтобы уменьшить негативное влияние имеющихся глобальных угроз и рисков на национальные экономики. В условиях продолжающейся санкционной практики Запада российское правительство продолжает в целом процесс переориентации внешней экономической деятельности на сотрудничество с дружественными странами Востока, в том числе с Ираном, также имеющим огромный опыт «санкционной борьбы» (Глинская, Полежаев, 2024).

Экономические факторы, формирующиеся на национальном уровне, в том числе необходимость диверсификации, технического развития и обновления, наличие социальных проблем требуют и от России, и от Ирана развития внешнеэкономического сотрудничества и, в частности, внешней торговли, с дружественными странами для обеспечения взаимной выгоды и экономического роста. Кроме того, «...Исламская Республика Иран представляет одну из древнейших цивилизаций планеты и важную экономическую и геополитическую силу в центре Евразии. Страна с населением 89,2 млн человек раскинулась на площади в 1,65 млн км². Оценка ВВП на душу населения — 18,2 тыс. долларов (по ППС)» (Никонов, 2024). Другими словами, Иран обладает достаточно емким внутренним рынком и высоким экономическим и производственным потенциалом, что небезынтересно и может быть выгодно для России.

Политические факторы также имеют большое значение в развитии двусторонней торговли: правительства обеих стран нацелены на увеличение масштабов и глубины взаимного торгового взаимодействия, а взаимное понимание руководства стран сегодня

находится на достаточно высоком уровне. Однако исследователи отмечают: «Главная проблема второго десятилетия XXI в. для Ирана и соседних государств, в том числе и России, заключается в недостатке доверия и невысоком уровне сотрудничества» (Юртаев, 2012), хотя за последнее десятилетие эта проблема постепенно «разруливается». Кроме того, у обеих стран существует оппозиция, имеющая свои собственные взгляды на внешнеэкономическую деятельность и выбор внешнеэкономических партнеров.

Среди **организационных факторов** можно подчеркнуть следующее: во-первых, Иран стал полноправным участником ШОС и БРИКС. Причем многие авторы отмечают высокую важность Ирана как участника столь весомых и значимых организаций.

Было принято временное соглашение Ирана с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), которое с 27 октября 2019 г. вступило в силу сроком на 3 года с последующим продлением в 2021 г. еще на 3 года. Как считают эксперты, «... тенденции многостороннего партнерства России и Ирана в рамках ЕАЭС стремительно переформируются в мировом сообществе в направлении политической многополярности и перехода к формированию крупных региональных экономических партнерств» (Шнайдер, 2020). В 2023 г. было заключено соглашение о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС, причем «условия договора предусматривают тарифные преференции Тегерану на более чем 95% текущего российского экспорта в страну» (Гасымов, 2024).

В 2024 г. между странами ожидается подписание договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве России и Ирана. Было подписано соглашение о свободной торговле Ирана со странами Евразийского экономического союза.

Все эти факторы переплетаются между собой и вызывают синергический эффект. Очевидно, что есть и стимулирующие, и тормозящие взаимную торговлю факторы, но в целом, если рассмотреть практическую плоскость, можно отметить следующее. Сегодня двусторонние торговые отношения стран находятся на этапе роста (табл. 2 и рис. 3), что имеет важное значение для обеих государств.

Рис. 3. Динамика взаимной торговли Ирана и России в 2013–2023 гг., тыс. долларов. Источник: составлено по данным табл. 2.

Таблица 2.

Внешняя торговля Исламской Республики Иран с Российской Федерацией в 2013–2023 гг., тыс. долларов

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт Ирана в РФ, всего	508220	401771	341597	370063	458673	566687	737819	1570318	1970566	2271222	2156584
Продовольствие	332733	261007	248366	268451	309970	422466	583791	516745	440365	1696411	1667602
Химическая продукция	65504	68919	36512	46235	55781	40667	67060	163181	14288	290228	247220
Текстильная продукция и одежда	11700	6454	6467	6220	5787	15317	15521	17380	46201	66631	63764
Транспортные средства (СИТС 7)	10819	7915	20177	10566	10577	15152	12346	11620	14288	38604	37528
Прочие машинотранспортные средства	10787	7570	19854	9642	8840	14612	12167	11616	13863	37880	36713
Импорт Ирана из России, всего	860848	873640	681988	1459553	945488	1273100	1339596	1366245	2770882	1605521	1620090
Продовольствие	284606	404730	336780	3217360	388425	778884	1048301	433427	867384	1361134	1300449
Транспортные средства (СИТС 7)	90084	59042	67621	589307	169862	220692	78211	49821	70668	68476	99010
Прочие машинотранспортные средства	56045	52116	59534	167500	122294	166533	50791	49119	39984	44672	65637
Химическая продукция	20327	20613	20402	18407	33883	32711	45267	27802	39436	45926	58960
Товарооборот	1369068	1275411	1023585	1829616	1404161	1839787	2077415	2936563	4741448	3876743	3776674
Сальдо	-352628	-471869	-340391	-1089490	-1404161	-706413	-601777	204073	-800316	665701	536494

Источник: UNCTADstat.

В 2023 г. стоимостной объем взаимного товарооборота стран оказался значительным, хотя и не достиг исторического максимума, зафиксированного в 2019 г. Этот объем взаимной торговли товарами не включает ту ее часть, которую осуществляют российские и иранские компании через страны-посредники.

Как видно из табл. 2, взаимная торговля обеих стран практически исключает их основную экспортную позицию — углеводороды. Возможно, это одна из причин достаточно ограниченного пока объема взаимной торговли. Одной из основных групп взаимно торгуемых товаров у обеих государств сегодня выступает продовольствие, что ранее было менее характерно. Как отмечает известный эксперт-иранист Мамедова Н. М., «... постепенно все больший удельный вес в поставках Ирану стала занимать сельскохозяйственная продукция, что в значительной мере было вызвано растущей из-за засухи потребности иранского рынка в пшенице и в продукции масличных культур. Уже в 2020 г. доля зерна в российском экспорте в Иран поднялась до 50%, масличных — до 22%. Экспорт мяса и овощей в 2020 г. практически сравнялся с экспортом в Иран оборудования, превысив 42 млн долл. (3,5 % экспорта)» (Мамедова, 2023). В 2023 г., согласно данным ЮНКТАД (которые отличаются от национальных, как российских, так и иранских), свыше 77% экспорта Ирана в Россию составляют продовольственные товары, и более 80% достигает их импорт из России в ИРИ. Второй важной позицией во взаимной торговле выступает промышленная продукция, прежде всего машиностроительная, транспорт и оборудование, а также продукция химической промышленности (включая фармацевтику). Как Россия, так и Иран заинтересованы в развитии своей промышленности, находящейся под санкциями.

Заключение

На основе проведенного исследования представляется возможным сформулировать некоторые особенности двусторонней торговли товарами России и Ирана:

1. Товарооборот значительно увеличился за исследуемый период: экспорт Ирана в Россию по стоимости вырос более чем в 4 раза, а иранский импорт — практически в 2 раза.

2. Сальдо почти всегда складывается в пользу России в условиях западных санкций и членства России в ВТО, а российские и иранские экспортные поставки явно не отличаются разнообразием. Также сохраняются транспортные, банковские, визовые и таможенные проблемы во взаимной торговле. Однако официальные лица обеих сторон полны серьезной решимости развивать отношения друг с другом.

3. Наличие значительной доли торговли через посредников, включая Турцию, ОАЭ, страны ЕАЭС. Это усложняет, удорожает и увеличивает время прохождения внешнеторговых сделок, снижая их эффективность.

4. Значительное влияние западных санкций и в целом глобальной нестабильности. Санкции США и других западных стран против банковской системы Ирана и России продолжают оставаться серьезным «камнем преткновения», ключевым для развития торговли России и Ирана, хотя многие компании подтверждают на практике, что этот барьер преодолим, а банковское взаимодействие стран впечатляет.

5. Около 70% коммерческого обмена между Россией и Ираном, скорее всего, уже осуществляется в национальных валютах.

6. Взаимная ирано-российская торговля не является значительной для обеих стран по стоимостному объему товарооборота. Это связано с тем, что основным экспортным товаром у обеих стран выступают углеводороды, а «комплиментарность» экономик все еще невысокая.

Но можно согласиться с точкой зрения о том, что «... экономическое сотрудничество между Россией и Ираном все-таки вышло на новый уровень. Несмотря на имеющиеся очевидные проблемы, социально-экономические отношения между двумя странами развиваются хоть и медленно, но «верно»: страны постоянно ищут новые точки соприкосновения и сотрудничества друг с другом, углубляя при этом взаимодействие в рамках уже осуществляемых совместных проектов» (Зыченко, 2023).

Проведенное исследование также позволяет говорить о том, что между Россией и Ираном сохраняются и проблемы двусторонней торговли:

1. Возможности осуществлять международные платежи серьезно ограничены в связи с тем, что обе экономики находятся под экономическими санкциями западных стран. С отдельными странами Россия осуществляет расчеты по карте Мир. Однако в отношениях с Ираном пока не определено, в какой степени может быть обеспечена возможность внешней торговли для субъектов хозяйствования Ирана и России с использованием карты Мир.

2. Сохраняются проблемы в области таможенных процедур, несмотря на проводимую работу в этой области, что требует серьезной совместных и последовательных усилий сторон по их уменьшению.

3. Спрос на товары Ирана в России и России в Иране пока весьма незначителен, а товарооборот, несмотря на его рост, остается низким. Это объясняется низкой степенью комплиментарности экономик двух стран, что отмечают и иранские авторы (Karami, et al., 2019). Следовательно, страны выступают скорее конкурентами, чем партнерами на мировом рынке, что требует более внимательного подхода к формированию двусторонних и многосторонних форматов торговли и экономического сотрудничества в целом.

4. Логистические проблемы сохраняются несмотря на то, что строительство железнодорожной линии в порту Энзели завершено, и в настоящее время также завершено строительство железнодорожной линии Порт Амирабад.

5. Отсутствие в широком доступе информации об экономических возможностях Ирана и России, а также особенностях ведения бизнеса между двумя странами, и, в частности, взаимной торговли, а также полноценной правовой базы в сфере взаимной торговли.

Эти и другие вопросы требуют дополнительной проработки и взаимовыгодного решения для активизации стратегического сотрудничества в перспективе. разработка четкой программы содействия двусторонней торговле является стратегическим приоритетом, который должен быть реализован политиками.

Список литературы

1. Бурцева К. Ю. (2020) Анализ рисков сотрудничества Ирана, России и ее союзников // Экономические науки. № 191. С. 181–185. [Burtseva K. Yu. (2020) Analysis of the risks of cooperation between Iran, Russia and its allies // Economic sciences. No. 191. Pp. 181–185. (In Russian).] DOI: 10.14451/1.191.181

2. Гасымов Н. (2024) Что значит договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве России и Ирана. [Gasymov N. (2024) What does the Comprehensive Strategic Partnership Agreement between Russia and Iran mean? (In Russian).] URL:

www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/24/1051736-cto-znachit-dogovor-o-vseobemlyuschem-strategicheskom-partnerstve-rossii-i-irana

3. Глинская М. В., Полежаев М. А. (2024) Влияние западных санкций на динамику экономического развития: опыт Ирана для Российской ФЕДЕРАЦИИ // Россия и Азия. № 1 (27). С. 16–30. [Glinskaya M. V., Polezhaev M. A. (2024) The impact of Western sanctions on the dynamics of economic development: Iran's experience for the Russian Federation // Russia and Asia. No. 1 (27). Pp. 16–30. (In Russian).]

4. Зыченко А. И. (2023) Российско-иранское экономическое сотрудничество в условиях санкционного давления // Вестник СНО ДОННУ. Вып. 15. Том 2: Социально-гуманитарные науки (Исторические науки и политология), часть 1. С. 134–138. [Zychenko A. I. (2023) Russian–Iranian economic cooperation under sanctions pressure // The bulletin of the SNO DONNU. Is. 15. Vol. 2: Social and Humanitarian Sciences (Historical Sciences and Political Science), part 1. Pp. 134–138. (In Russian).]

5. Костенко А. Н., Поплавский С. П., Борисова Е. В. (2024) Современные геополитические процессы и тенденции мирового развития // Вестник ученых-международников. № 1 (27). С. 34–46. [Kostenko A. N., Poplavsky S. P., Borisova E. V. (2024) Modern geopolitical processes and trends in world development // Bulletin of International Scientists. No. 1 (27). Pp. 34–46. (In Russian).]

6. Мамедова Н. М. (2024) Экономическая ситуация в Иране накануне выборов 2024 года // Восточная аналитика. Т. 15. № 1. С. 77–88. [Mamedova N. M. (2024) The economic situation in Iran on the eve of the 2024 elections // Oriental Analytics. Vol. 15. No. 1. Pp. 77–88. (In Russian).] DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-077-088

7. Мамедова Н. М. (2023) Российско-иранские экономические связи в настоящее время — состояние и проблемы // Мировое и национальное хозяйство. № 4 (64). С. 2–15. [Mamedova N. M. (2023) Russian–Iranian economic relations at the present time — the state and problems // World and national economy. No. 4 (64). Pp. 2–15. (In Russian).]

8. Мамедова Н. М. (2022) Исламская экономика Ирана: теория и практика. М.: ИВ РАН. 324 с. [Mamedova N. M. (2022) The Islamic economy of Iran: theory and practice. M.: IV RAS. 324 p. (In Russian).]

9. Никонов В. А. (2024) Исламская Республика Иран — новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. № 103. С. 7–41. [Nikonov V. A. (2024) The Islamic Republic of Iran is a new member of the BRICS // State Administration. Electronic bulletin. No. 103. Pp. 7–41. (In Russian).] DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-7-41

10. Страна с огромным количеством санкций Иран запускает пилотное тестирование цифрового риала (2024) [A country with a huge number of sanctions, Iran, launches pilot testing of the digital rial (2024) (In Russian).] URL: www.ixbt.com/live/crypto/strana-s-ogromnym-kolichestvom-sankciy-iran-zapuskayet-pilotnoe-testirovanie-cifrovogo-riala.html

11. Хафизова Э. И. (2017) Торгово-экономическое сотрудничество Ирана и России в 2013–2017 гг. // Общество: политика, экономика, право. № 9. С. 42–45. [Hafizova E. I. (2017) Trade and economic cooperation between Iran and Russia in 2013–2017 // Society: politics, economics, law. No. 9. Pp. 42–45. (In Russian).] DOI: 10.24158/pep.2017.9.9

12. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А., Зоидов З. К. (2017) Современные инфраструктурно-интеграционные инициативы развития торговых путей и интересы России // Сегодня и завтра Российской экономики. № 83–84. С. 5–34. [Tsvetkov V. A., Zoidov K. H., Medkov A. A., Zoidov Z. K. (2017) Modern infrastructural integration initiatives for the development

of trade routes and the interests of Russia // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 83–84. Pp. 5–34. (In Russian).]

13. Шнайдер В. В. (2020) Основные тенденции многостороннего партнерства России и Ирана в рамках ЕАЭС // Экономические науки. № 192. С. 295–298. [Schneider V. V. (2020) The main trends of the multilateral partnership between Russia and Iran within the framework of the EAEU // Economic sciences. No. 192. Pp. 295–298. (In Russian).] DOI: 10.14451/1.192.295

14. Шукунов В. Н. (2019) Торгово-экономические отношения Российской Империи с сопредельными странами во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Саратов. 479 с. [Shukunov V. N. (2019) Trade and economic relations of the Russian Empire with neighboring countries in the second half of the XVIII — first half of the XIX century. Saratov. 479 pp. (In Russian).]

15. Юртаев В. И. (2012) Россия и Иран: исторические параллели развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 2. С. 48–61. [Yurtaev V. I. (2012) Russia and Iran: historical parallels of development // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. No. 2. Pp. 48–61. (In Russian).]

16. 40 лет Исламской Республике Иран / Арабаджян З. А., Бехештипур Х., Гладкова Е. Л., Дружиловский С. Б., Дунаева Е. В., Евсеев В. В., Каменева М. С., Карасова Т. А., Мамедова Н. М., Мохагег А., Мирмусави С. А., Обухова А. Н., Полищук А. И., Сажин В. И., Талатчян Ю. А., Федорова И. Е., Хагигат С. С., Юртаев В. И. Москва. 358 с. [40 let Islamic Republic of Iran / Arabajian Z. A., Beheshtipur H., Gladkova E. L., Druzhilovsky S. B., Dunaeva E. V., Evseev V. V., Kameneva M. S., Karasova T. A., Mamedova N. M. Mohageg A., Myrmusavi S. A., Obukhova A. N., Polystuk A. I., Sajin V. I. Talatchian Yu. A. Fedorova I. E., Hagigat S. S., Yurtaev V. I. Moscow. 358 pp. (In Russian).]

17. Iran's oil exports increased 50% last year despite US sanctions: Report (2024). URL: <https://irannewsdaily.com/2024/02/irans-oil-exports-increased-50-last-year-despite-us-sanctions-report/>

18. Islamic Republic of Iran and the IMF (2024). URL: www.imf.org/en/Countries/IRN

19. Karami J., Rasoulinezhad E., Shokri S. A. (2019) Discussion on Russia–Iran Bilateral Trade in the Modern Era with emphasis on Russia's Economy // Journal of World Sociopolitical Studies. Vol. 3. No. 1. Pp. 161–198. DOI: 10.22059/wsps.2019.272325.1079

20. Rezaeinejad I. (2023) Analytical Study of the International Economic Policies of Iran and Russia: A Move to Bilateral Cooperation under Sanctions // SSRN Electronic Journal. Pp. 34–44. DOI: 10.2139/ssrn.4352780

21. Rome H. (2022) Iran & Russia: Growing Economic Competition. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2022/jul/18/iran-russia-growing-economic-competition>

22. The Energy Institute Statistical Review of World Energy (2024). URL: www.energyinst.org/statistical-review

23. UNCTADstat (2024). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>

**Bilateral trade between Iran and Russia in the 21st century: trends, features,
and the role of Western sanctions**

Hossein Pak,

CEO of Victoria LLC, Moscow–Tehran, Russia–Iran.

Maria V. Glinskaya,

*PhD of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
Russia.*

The article analyzes the current state of Russian–Iranian trade in a bilateral format. In recent years, the combination of circumstances and trends in the sphere of mutual trade between the two countries has been changing rapidly with an increase in its impact on the socio-economic dynamics of both countries. This trade is also a significant factor in stabilizing the situation in Eurasia. Therefore, it is important to investigate the current state of mutual trade between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran, to identify its characteristics and limitations. The purpose of the article is to identify the current dynamics, trends and importance of mutual trade between Russia and Iran in 2013–2023 in the goods segment. The authors highlight the factors of the evolution of mutual trade between Iran and Russia in modern conditions — historical, economic, organizational, political, and international. The article shows the objectivity of deepening bilateral economic ties between Iran and Russia, and focuses on the high importance of trade relations between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran in the context of growing instability around the world and, in particular, in Eurasia. The study analyzes the dynamics and structure of mutual trade in goods between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran at the present stage in the context of Western sanctions against each country and the threat of "secondary sanctions" against third countries, and identifies its main characteristics: a steady increase in the value and physical volumes of trade in goods, an increase in the share of national currencies in paying for imports, low level of trade diversification, its imbalance and inconsistency with the existing trade and economic potential, it also does not correspond to the tasks facing the countries. The authors have formulated the main problems hindering the development of mutual trade between Iran and Russia, including information, economic, organizational, transport and logistics, if necessary for both countries to increase mutual trade based on ensuring the economic interests of both sides and mutual benefit. The article uses statistical data from international organizations (IMF, UNCTAD). The research is based on analytical materials of domestic and foreign Iranian experts.

Keywords: *Russia, Iran, bilateral trade, economic cooperation, global instability, economic sanctions, economic interests, trade flows, trade restrictions.*

JEL codes: *F02, F12, F14, F52.*

Роль культурных аспектов в китайско-африканском экономическом сотрудничестве

Савинский Андрей Владимирович¹

Роль культурных аспектов в как одного из инструментов «мягкой силы» в международных отношениях в XXI в. неуклонно увеличивается в результате усиливающейся фрагментации и «деглобализации» мира. Отдельные страны, прежде всего Китайская Народная Республика, разрабатывают собственные — и весьма успешные — стратегии формирования межгосударственных отношений и международного взаимодействия с развивающимися странами на новых принципах и с учетом мультикультурных особенностей партнеров. Актуальность исследования вызвана необходимостью дальнейшего изучения положительных примеров как разработки, так и реализации таких стратегий с опорой на «мягкую» силу и «победу идей, а не идеологии» и возможной их адаптации и применения другими странами, в том числе Российской Федерацией. Цель статьи — исследование роли культурных аспектов в международном сотрудничестве Китая и Африки в современных условиях и анализ соответствующей китайской стратегии проникновения в Африку и ее нынешних результатов. В статье представлены основные элементы стратегии Китая по развитию международных отношений с Африкой и подчеркнута важность и роль культурного фактора в международных отношениях КНР и Африки. Выделены принципы китайского сотрудничества с Африкой, важнейшим из которых остается «дружба и партнерство без эксплуатации». Автор приходит к выводу о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода (2000–2023 гг.) Китайская Народная Республика полагался на культурный фактор для создания позитивного и конструктивного образа себя в Африке, чтобы облегчить свое присутствие и привлечь к себе людей, а также старался максимально использовать культурный фактор для углубления своего присутствия. Исследование основано на системном подходе (что позволяет дать всесторонний анализ китайско-африканского взаимодействия) с применением статистических методов и охватывает период 2000–2023 гг.

Ключевые слова: культурная дипломатия, «мягкая» сила, международные отношения, межкультурные коммуникации, экономическое сотрудничество, Африка, Китай.

JEL коды: E71, F42, F5, O53, O55.

Введение

В последние годы большое внимание в развитии международных отношений уделяется культурным и другим неэкономическим аспектам хозяйствования, менталитету, религиозным особенностям, институтам и необходимости (и важности) учета этих особенностей для налаживания устойчивого хозяйственного взаимодействия на международном уровне. На

¹ Савинский Андрей Владимирович — доцент кафедры политической экономии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

самом деле, эти аспекты всегда лежали в основе внешнеэкономической хозяйственной деятельности (Trager, Hall, 1954), и сегодня они актуализируются, так как декларируемая западом «вестернизация» и нивелирование национальных особенностей больше не представляет привлекательную для различных стран практику (Samovar, 2013). Все более важным становится необходимость понимать те критерии, которые обеспечивают готовность той или иной страны к сотрудничеству, позволяют (или не позволяют) доброжелательно воспринимать иностранного партнера и его товаров/услуг, формируют его образ как положительный, конструктивный и заслуживающий доверия. Это дает возможность лучше осознавать цели и задачи партнера, обеспечить безопасность сделки и в целом формирует возможность устойчивого развития взаимовыгодной международной деловой коллаборации (Тромпенаарс, Хэмпден–Тернер. 2004).

И хотя классический (а на самом деле, западный) подход к международным отношениям основывается на том, что «ничего личного, только бизнес», современная мировая практика, а также и исследовательские подходы, все чаще обращают внимание на необходимость учета не только «жесткой» силы и богатства для более успешных связей, но и «мягкой» силы, включая культурную составляющую и другие неэкономические факторы (см., например: Братерский, 2014; Филимонов, 2013), культурную дипломатию и др.

В этом направлении КНР давно и эффективно сотрудничает с африканскими странами, пытаясь использовать «мягкую» силу, учитывая мультикультурные, исторические и другие особенности экономической истории континента и на основе лозунга «Дружба и партнерство без эксплуатации» формируя то, что можно даже назвать «новой культурно-экономической реальностью» для обеспечения экономических интересов и создания положительного имиджа Поднебесной как страны-партнера.

В статье представлено исследование роли культурных аспектов в международном сотрудничестве Китая и Африки в современных условиях.

Результаты исследования

Культурная дипломатия означает использование нескольких элементов, таких как искусство, образование, идеи, история, наука и религия, для воздействия на общественное мнение страны-партнера, и она стала одним из элементов теории «мягкой силы», которую предложил (как и само определение данной категории) Джозеф Най (2004). С его точки зрения, «мягкая сила» означает способность привлекать и убеждать вместо принуждения следовать определенной политике. Важными элементами привлечения служат идеология, культура или статус государства. Так, США на протяжении всей своей истории использовали в качестве элементов «мягкой силы» привлекательные в глазах международной общественности идеи ценностей свободы, демократии и прав человека для формирования, а также глобализации для формирования системы однополярного мира (Conway, 1998. P. 100).

Но другие страны, например, исламские, используют «мягкую силу» в виде религиозной, исторической, культурной общности для привлечения инвестиций (Шкваря, 2011), продвижения идей «исламских финансов» (Айдрус, 2014), расширения торговли, использования иностранной рабочей силы и формирования интеграционных и иных межгосударственных альянсов, в том числе со странами Африки.

При этом индикаторами эффективности «мягкой силы» стали: уровень и качество образования, привлекающие в страну иностранных студентов, привлекательность

экономической модели (в частности, ее эффективности, в том числе с социальной точки зрения), технологические инновации, распространение интернета, уровень международного хозяйственного взаимодействия страны и ее дипломатическая активность на международной арене, как и в целом культурная идентичность как совокупность институтов, духовных ценностей, моральных принципов, стандартов поведения и исторического опыта, которые она несет (Декань, Чемезова, 2019).

Сегодня культурная дипломатия КНР во многом опирается на национальную культурную идентичность. Культурная идентичность Китая, включающая такие особенности, как стремление к добродетели, миролюбию, трудолюбию, вера в добрососедство и гордость за дружбу со всеми странами мира, приверженность семье и семейному бизнесу и др. представляют собой основные столпы традиционной китайской культуры, а китайский народ во внешнем общении проповедует и практикует толерантность, призывает к миру, уважению различий и стремится к общей гармонии (Уцзун, 2012). Эти особенности стали основными принципами международных отношений, на базе которых Поднебесная разработала и реализует свою стратегию сотрудничества с Африкой. Также в международных отношениях Китай опирается на принцип невмешательства во внутренние дела и прагматический подход.

Китай заинтересован в сотрудничестве с Африкой, где располагаются многочисленные запасы природных ресурсов, сформировался значительный и емкий рынок, а потенциал континента оценивается как весьма обширный (Подбиралина, Азиагба, 2018). Однако с учетом социалистической специфики Китая, не всегда с пониманием воспринимаемой в Африке, языковыми трудностями (многочисленность языков в Африке и сложность восприятия китайского в Африке), а также сильными связями с бывшими метрополиями и в условиях американской гегемонии, Китаю сложно было проникнуть в Африку. Поэтому стране пришлось разработать специальную стратегию проникновения на «Черный континент», основанную на «мягкой силе».

Так, Китай воспользовался растущей критикой политики западных держав в Африке, основанной на грабеже и эксплуатации, и сосредоточился на своих культурных инструментах для мягкого и последовательного проникновения и взаимодействия на африканском континенте в качестве надежного экономического и политического партнера, уважающего культурную и социальную специфику и неприкосновенность партнеров, тогда как африканцы десятилетиями жили в условиях болезненного западного колониализма, сохранявшегося даже после обретения формальной независимости как неоколониализм для эксплуатации ресурсов бывших колоний. Китай, как развивающаяся страна, также испытывавшая эксплуатацию со стороны англосаксонского империализма и трудности, связанные с этим в прошлом, вызывал понимание и сочувствие со стороны Африки.

Таким образом, Китаю удалось подчеркнуть общие исторические факторы и параллели между Китаем и африканскими странами и на этой основе предложить китайскую модель сотрудничества, основанную на этических принципах. Характерной чертой китайской дипломатии стало сотрудничество со всеми африканскими странами, большими и малыми, в отличие от западных держав, которые предпочитали вести дела через ведущую страну в каждом географическом регионе. В 2000-е гг. привлекательность Китая для африканских партнеров усиливали высокие темпы экономического роста, которые обеспечивались не столько вследствие, сколько вопреки взаимодействию Поднебесной с западными странами (Хэ, 2020), а сама страна умела отстаивать свои экономические интересы в противостоянии с западно-ориентированными международными организациями, например, ВТО, которую

страна рассматривала как инструмент своей внешнеторговой экспансии на рынки стран Запада и готовила базу выхода из организации, в случае необходимости (Хэ, 2011).

Китай уважал обычаи и традиции африканских стран и проводил африканские выставки в Китае для ознакомления своих граждан с африканской культурой. Он также открыл в Африке множество структур по обучению китайскому языку, например, Институт Конфуция, повысил уровень научного обмена и образовательных миссий с африканскими странами, сосредоточив внимание на культурной дипломатии и подчеркивал уважение к культурной самобытности африканских стран, зачастую оказывая им поддержку. При этом Китай внимательно отслеживает изменения, происходящие в экономике и политике стран Африки, оперативно используя их в практике, не вмешиваясь непосредственно или опосредованно во внутренние и внутриконтинентальные дела африканских стран.

Китай придерживался принципа невмешательства в дела африканских стран, всегда призывал к разрешению споров мирными средствами, участвовал в миротворческих миссиях ООН в Африке и поддерживал позиции африканских стран на международных форумах.

Первый Форум китайско-африканского сотрудничества состоялся в 2000 г. В 2006 г. на Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества Китай предложил установление нового типа стратегического партнерства между Китаем и Африкой; в 2015 г. на Йоханнесбургском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества было зафиксировано установление всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Африкой; в 2018 г. на Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества было установлено более тесное китайско-африканское сообщество Судьбы, так как провозглашена общность судьбы Китая и Африки, которые идут рука об руку.

За этот период Китай активизировал инвестиции в Африку, китайско-африканскую торговлю (рис. 1), при содействии Китая в Африке были построены десятки километров железных и автомобильных дорог, новые заводы, более 24 объектов в сфере сельского хозяйства и в социальной сфере.

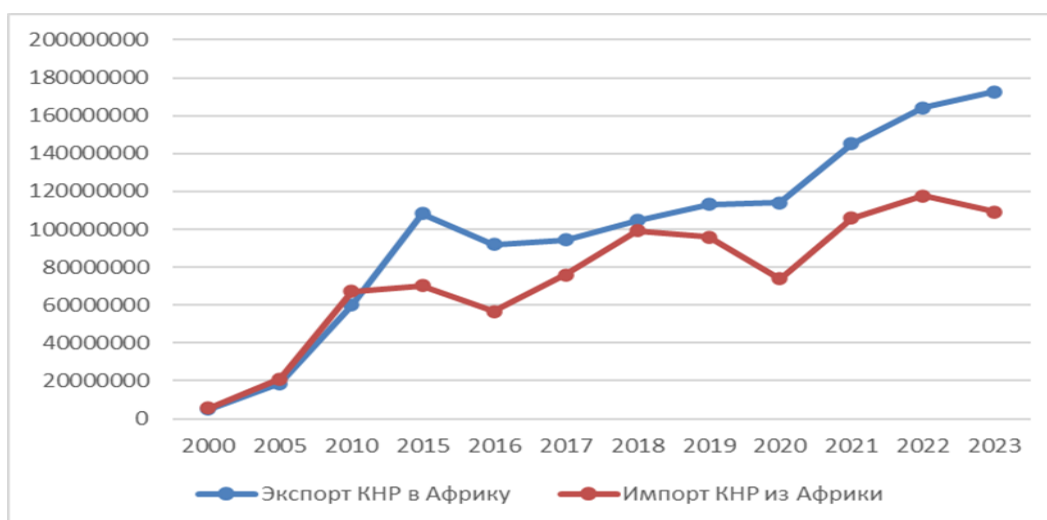

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта КНР в Африку в 2000–2023 гг., тыс. долларов. Источник: составлено по данным: UNCTADstat.

Китай предоставил техническую помощь и передачу технологий, и благодаря этому смог продемонстрировать степень своей способности реально помогать африканцам и

поддерживать их. Китай занимал 2-е место по величине экспортера оружия в Африку после Российской Федерации в период с 1996 по 2003 гг., опережая как США, так и страны Европы по этому показателю. Китай также стремился обеспечить множество образовательных стипендий и культурный и образовательный обмен для большого числа африканских студентов, а также проводить совместные семинары и совместное обучение.

Сегодня Китай активно содействует в развитии процессов цифровизации в Африке, будучи одним из мировых лидеров в этой сфере (Цифровое государство..., 2022).

Все это обеспечило рост доверия африканских стран к Китаю и сотрудничеству с ним. В результате товарооборот Китая и Африки вырос с начала нынешнего века весьма значительно с преимущественным ростом китайского экспорта (рис. 1).

Китай сохраняет свой статус крупнейшего торгового партнера Африки 15 лет подряд. Объем торговли между Китаем и Африкой в 2023 г. достиг 2282,1 млрд долларов, увеличившись почти на 11% по сравнению с 2021 г. Объем торговли между Китаем и почти половиной африканских стран увеличился более чем на двузначные цифры в годовом исчислении. Китай вообще является одной из крупнейших мировых торговых держав (Хэ и др., 2020; Соловьёва, Хэ, 2022). Расширению китайского присутствия в Африке в торговле и инвестиционной сфере способствовало отсутствие условий, подобных тем, которые предлагает Международный валютный фонд, или условий по обеспечению прав человека или демократии, на которых традиционно настаивают США и другие западные страны.

При этом Китай стремился сосредоточиться на сотрудничестве и инвестициях с теми африканскими странами, которые имеют негативный опыт взаимодействия с Западом, такими как Судан, Зимбабве и Ангола. Так, в 2019 г. Си Цзиньпин и президент Судана Омар аль-Башир обменялись поздравлениями по случаю 60-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Си Цзиньпин отметил, что Судан является одной из первых африканских стран, которые установили дипломатические отношения с КНР (Си Цзиньпин..., 2019).

Стоит отметить, что Китай был одной из первых стран, которая признавала независимость многих Африканских стран в период крушения мировой колониальной системы, поэтому 60-летию установления дипломатических отношений с Китаем отмечают или уже отметили многие страны Африки, в том числе Зимбабве, Конго, Танзания, Кения и др., поэтому делегация Поднебесной в 2023 г. участвовала в церемонии празднования 60-го Дня Африки (День Африки, 2023).

В результате продвижения такой стратегии международных отношений африканские страны постепенно стали рассматривать китайскую политическую и экономическую систему как пример для подражания, на основе которой они стремились достичь процветания и развития и создания уникальной африканской экосистемы, а Китай — как надежного и конструктивного партнера.

Этот вывод подтверждает проведение в Пекине с 4 по 6 сентября 2024 г. саммита Китайско-африканского форума сотрудничества 2024 г. Сосредоточив внимание на теме «совместной работы по продвижению модернизации и созданию китайско-африканского сообщества судьбы высокого уровня», лидеры более чем 50 африканских стран-участников форума, представители африканских региональных и международных организаций, а также китайские лидеры собрались в Пекине, чтобы поделиться дружбой, обсудить сотрудничество и поговорить о будущем.

Более того, как показывают исследования швейцарского медиа-агентства *Ecofin*, в рамках «Опроса молодежи Африки (2022)» оказалось, что 76% респондентов считают Китай (а не США или другие страны Запада) тем государством, которое оказывает самое большое положительное влияние на их жизнь (*La Chine...*, 2022).

Именно это обстоятельство, на наш взгляд, можно рассматривать как основу для долгосрочного и устойчивого развития международных отношений между Китаем и Африкой.

Заключение

Китай стремится развивать дипломатические отношения, экономические и культурные связи со странами Африки и других континентов в соответствии с духом Устава ООН подходом Конфуция: «Действуя, не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе». Китай, в соответствии с особенностями своей культурной, исторической, философской и экономической традиции всегда выступает против агрессии и войны, против гегемонистских тенденций и силовой политики и подчеркивает, что китайский народ нуждается и ценит мир и развитие больше всего на свете. КНР также верит в необходимости осуществлять международное сотрудничество и взаимодействие в гармонии и терпимости с партнерами, призывает к миру и уважению различий и стремится к общей гармонии. Древняя китайская культура, имеющая пятитысячелетнюю историю, служит неиссякаемым источником мудрости для китайской дипломатии.

После распада Советского Союза Китай старался постепенно войти в Африку, чтобы не спровоцировать против себя волну враждебности со стороны африканских стран из-за опыта африканских лидеров и африканского народа с западной колониальной политикой, которая истощала ресурсы континента на протяжении многих столетий. Поэтому Китай выдвинул лозунги «дружбы и партнерства без эксплуатации».

Основными принципами китайско-африканского сотрудничества стали следующие:

- прагматизм: отношения с Африкой направлены на достижение взаимной выгоды для каждого из партнеров;
- невмешательство Китая во внутренние дела африканских стран;
- подчеркивание того, что Китай отличается от западных стран, является развивающейся страной, которая понимает потребности Африки в развитии;
- концентрация на сотрудничестве с теми странами, которые имеют негативный опыт взаимодействия с Западом.

Возможно, в международных отношениях Китая со странами Африки остаются отдельные трудности и неоднозначности, но на протяжении всего рассматриваемого периода Китай полагался на культурный фактор для создания позитивного и конструктивного образа себя в Африке, чтобы облегчить свое присутствие и привлечь к себе людей, а также старался максимально использовать культурный фактор для углубления своего присутствия.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. (2014) Развитие исламских финансов: роль Королевства Бахрейн // Финансы и кредит. № 47 (623). С. 39–47. [Aidrous I. A. Z. (2014) The development of Islamic finance: the role of the Kingdom of Bahrain // Finance and Credit. No. 47 (623). Pp. 39–47. (In Russian).]

2. Братерский М. В. (2014) Экономическая мощь в мире «жесткой» и «мягкой» силы // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 59–96. [Bratersky M. V. (2014) Economic power in the world of "hard" and "soft" power // Actual problems of Europe. No. 3. Pp. 59–96. (In Russian).]
3. Декань К. Ю., Чемезова Е. Р. (2019) Национальная идентичность в современной китайской культуре // Научные труды КубГТУ. № 4. С. 342–349. [Dekan K. Yu., Chemezova E. R. (2019) National identity in modern Chinese culture // Scientific works of KubSTU. No. 4. Pp. 342–349. (In Russian).]
4. День Африки в 60-й раз отмечают на континенте (2023) [Africa Day is celebrated on the continent for the 60th time (2023) (In Russian).] URL:<https://tass.ru/obschestvo/17837165>
5. Подбиралина Г. В., Азиагба Д. Ч. (2018) Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 38–54. [Podbiralina G. V., Asiagba D. Ch. (2018) Factors of economic growth in sub-Saharan Africa // Contours of global transformations: politics, economics, law. Vol. 11. No. 5. Pp. 38–54. (In Russian).]
6. Си Цзиньпин и президент Судана Омар аль-Башир обменялись поздравлениями по случаю 60-летия установления дипломатических отношений между двумя странами (2019) [Xi Jinping and Sudanese President Omar al-Bashir exchanged congratulations on the occasion of the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries (2019) (In Russian).] URL:
https://news.rambler.ru/asia/41665972/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
7. Тромпенаарс Ф. Хэмпден–Тернер Ф. (2004) Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск: Попурри. 162 с. [Trompenaars F. Hampden–Turner F. (2004) National and cultural differences in the context of global business. Minsk: Potpourri. 162 pp. (In Russian).]
8. Филимонов Г. Ю. (2013) Роль "мягкой силы" во внешней политике США: специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Филимонов Георгий Юрьевич. Москва. 49 с. [Filimonov G. Y. (2013) The role of "soft power" in US foreign policy: specialty 23.00.04 "Political problems of international relations, global and regional development": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences / Filimonov Georgy Yuryevich. Moscow. 49 p. (In Russian).]
9. Хэ М. (2020) КНР — ЕС: договорно-правовая база и динамика торгового сотрудничества на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 28. № 1. С. 72–82. [He M. (2020) China — EU: contractual and legal framework and dynamics of trade cooperation at the present stage // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 28. No. 1. Pp. 72–82. (In Russian).]
10. Хэ М. (2011) Вступление и выход страны из ВТО: возможность и необходимость / В сборнике: Актуальные проблемы глобальной экономики. Материалы XIII научной конференции молодых ученых экономического факультета. С. 124–131. [He M. (2011) The country's entry and exit from the WTO: the possibility and necessity / In the collection: Current problems of the global economy. Materials of the XIII scientific conference of young scientists of the Faculty of Economics. Pp. 124–131. (In Russian).]
11. Хэ М., Шкваря Л. В., Ван С. (2020) Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 11–16. [He M., Shkvarya L. V., Wang S.

(2020) China: socio-economic development and foreign trade // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 11–16. (In Russian.)] DOI: 10.31857/S032150750012178-7

12. Цифровое государство и цифровая экономика / Меланьяина М. В., Рузина Е. И., Пономаренко Е. В., Рассказов Д. А., Налбандян А. А., Шкваря Л. В., Тыркба Х. В., Оганесян А. А., Вереникина А. Ю. Москва, 2022. 195 с. [The digital state and the digital economy / Melanyina M. V., Ruzina E. I., Ponomarenko E. V., Rasskazov D. A., Nalbandian A. A., Shkvarya L. V., Tyrkba Kh. V., Oganesyanyan A. A., Verenikina A. Yu. Moscow, 2022. 195 p. (In Russian).]

13. Шкваря Л. В. (2011) Иностраннный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. № 2 (643). С. 39–46. [Shkvarya L. V. (2011) Foreign capital in the Persian Gulf countries // Asia and Africa today. No. 2 (643). Pp. 39–46. (In Russian).]

14. Conway W. Henderson (1998) International Relations: Conflicts and Cooperation at the Turn of the 21st Century. The McGraw-Hill Companies, Inc., printed in Singapore. 520 pp.

15. La Chine dépasse les USA en tant que puissance ayant la plus grande influence positive en Afrique (sondage) (2022) URL: www.agenceecofin.com/actualites/1306-98622-la-chine-depasse-les-usa-en-tant-que-puissance-ayant-la-plus-grande-influence-positive-en-afrique-sondage

16. Nye J. S. (2004) Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs.

17. Samovar L. (2013) Intercultural communication / L. Samovar, R. Porter. London: Belmont. 423 p.

18. Solovieva Y. V., He M. (2022) Features of Technology Transfer Systems of Asian Region's Technology Leaders // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches: Conference proceedings. Moscow: Springer Nature Switzerland. P. 308–314. DOI 10.1007/978-3-030-93244-2_35

19. Trager G., Hall E. (1954) Culture and Communication: A Model and an Analysis // Explorations. № 3. Pp. 157–249.

20. Yujun W. (2012) Modern Chinese National-Cultural Identity in the Context of Globalization // Journal of Global Cultural Studies. № 7. DOI: 10.4000/transtexts.456

21. UNCTADstat Merchandise trade matrix, annual (2024). UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>

The role of cultural aspects in Chinese-African economic cooperation

Andrey V. Savinsky,

Associate Professor of the Department of Political Economy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia.

The role of cultural aspects as one of the tools of "soft power" in international relations in the 21st century is steadily increasing as a result of the increasing fragmentation and "deglobalization" of the world. Individual countries, primarily the People's Republic of China, are developing their own — and very successful — strategies for the formation of interstate relations and international cooperation with developing countries on new principles and taking into account the multicultural characteristics of partners. The relevance of the study is caused by the need to further study positive examples of both the development and implementation of such strategies based on "soft" power and

the "victory of ideas, not ideology" and their possible adaptation and application by other countries, including the Russian Federation. The purpose of the article is to study the role of cultural aspects in international cooperation between China and Africa in modern conditions and to analyze the corresponding Chinese strategy of penetration into Africa and its current results. The article presents the main elements of China's strategy for the development of international relations with Africa and emphasizes the importance and role of the cultural factor in international relations between China and Africa. The principles of Chinese cooperation with Africa are highlighted, the most important of which remains "friendship and partnership without exploitation". The author concludes that throughout the period under review (2000–2023), China relied on the cultural factor to create a positive and constructive image of itself in Africa in order to facilitate its presence and attract people to itself, and also tried to maximize the use of the cultural factor to deepen its presence. The study is based on a systematic approach (which allows for a comprehensive analysis of Sino–African interaction) using statistical methods and covers the period 2000–2023.

Keywords: *cultural diplomacy, "soft" power, international relations, intercultural communications, economic cooperation, Africa, China.*

JEL codes: *E71, F42, F5, O53, O55.*

Особенности отношений Израиля с Республикой Корея в области обороны и безопасности

*Марьясис Дмитрий Александрович,¹
Якимова Елизавета Александровна²*

Статья посвящена выявлению особенностей взаимоотношений Государства Израиль и Республики Корея в сфере обороны и безопасности. Авторы анализируют сходство в процесс образования двух государств, их геополитическое положение и общность угроз, представляемых ближайшими соседями. При этом учитываются не только факторы, способствовавшие сближению Израиля с Южной Кореей, но и обстоятельства, сделавшие любые контакты ближневосточной страны с КНДР невозможными. Констатируется, что аналогичной ситуации при формулировании региональной стратегии Сеула не произошло. Однако, причиной тому послужила не южнокорейская поддержка палестинских позиций в конфликте, а ее зависимость от поставляемых арабскими странами энергоресурсов и необходимость координировать свои решения с партнерами в лице США, ЕС и Японии. Авторы подчеркивают, что уязвимость Израиля и Южной Кореи привела к созданию ими собственных военно-промышленных комплексов и послужила толчком к их дальнейшей кооперации в данной сфере. В качестве подтверждения данного тезиса в статье приводится несколько примеров сделок, заключенных компаниями из двух государств. Отдельным акцентом исследования стала атака ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последовавшая за ней операция ЦАХАЛ «Железные мечи» в секторе Газа, поставившая Сеул перед необходимостью сформулировать свою позицию применительно к новому витку конфликта на Ближнем Востоке, а также ставшая испытанием для отношений в области обороны и безопасности, включая перспективы продолжения экспорта южнокорейских вооружений в Израиль.

Ключевые слова: Государство Израиль, Республика Корея, оборона, безопасность, военно-техническое сотрудничество, кооперация, международные отношения, арабо-израильский конфликт, Ближний Восток.

JEL коды: R580.

Исследование выполнено за счет грантового проекта ИМИ МГИМО № 2025-04-02: История, современное состояние и перспективы развития взаимоотношений Израиля и неисламских стран Азии

¹ *Марьясис Дмитрий Александрович* — кандидат экономических наук, независимый исследователь.

² *Якимова Елизавета Александровна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Введение

В последние годы фиксируется растущая заинтересованность Израиля в расширении отношений с неисламскими странами Азии. Особую роль среди них, как представляется, играет Республика Корея. Это обусловлено не только потенциальной привлекательностью партнерских связей в областях, вызывающих взаимный интерес данных стран на современном этапе, но и исторически сложившимся имеющимся между ними сходством по ряду значимых направлений.

Так, становление израильской и южнокорейской государственности приходится на период конца 1940-х гг., будучи связанным с итогами Второй мировой войны. 14 мая 1948 г. был провозглашен Израиль, в Декларации независимости которого утверждается, что Катастрофа европейского еврейства «непреложно доказала необходимость [...] восстановления еврейского государства в Эрец-Исраэль» (Full Text..., 1948). Южная Корея, оказавшаяся после капитуляции Японии в зоне американского влияния, 15 августа того же года объявила о формировании независимого государства. Однако в отличие от ближневосточной страны линия преемственности была проведена не от древних корейских государств, а от Временного правительства, созданного в 1919 г.

Еще одно сходство между двумя странами может быть обнаружено в опоре на решения ООН в качестве основы суверенитета, поскольку вопросы о будущем Кореи и Палестины становились предметом рассмотрения Генеральной Ассамблеи ООН. В первом случае речь идет о резолюции Генеральной Ассамблеи № 112 от 14 ноября 1947 г. «Вопрос о независимости Кореи» (A/PV.112,1947), во втором — о резолюции ГА ООН № 181 (II) от 29 ноября 1947 г. — «Будущее правительство Палестины» (A/PV.128). Однако если состоявшиеся под патронажем ООН выборы в Южной Корее послужили основанием для ее последующего признания организацией (Weems, 1948. P. 146), то отступление Израиля от первоначального Плана раздела Палестины, наоборот, до сих пор остается предметом разногласий государства и ООН (Geronik, 2020. P. 73).

Перечисленные факторы, а также вытекающие из них близкие по сути угрозы для Израиля и Южной Кореи, как кажется, дают возможность проанализировать состояние, проблемы и перспективы их взаимодействия в области обороны и безопасности. Представляется, что анализ взаимодействия между Государством Израиль и Республикой Корея полезен для России ввиду углубления ее кооперации со странами Востока.

Соседство как фактор сближения

Важнейшим историко-географическим фактором, оказывающим влияние как на политику двух стран, так и на особенности их взаимодействия, является опасное соседство, требующее как от Израиля, так и от Южной Кореи не только учитывать динамику событий в интересующем регионе, но и формулировать собственный подход к путям урегулирования конфликта партнера с его ближайшим окружением. С точки зрения двусторонних отношений первым вопросом двугосударственного урегулирования обострился для Израиля в период Корейской войны 1950–1953 гг. На начальном этапе своего существования правительство ближневосточного государства старалось не только воздерживаться от комментариев по ситуации на Корейском полуострове, но и в принципе придерживаться нейтралитета в отношении разворачивавшейся холодной войны. Однако в начале 1950-х гг. внутри Израиля

стали разворачиваться дебаты о необходимости сближения с тем или иным блоком, которые затронули в том числе корейскую проблематику. Так, премьер-министр Давид Бен-Гурион выступил с инициативой направить контингент Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) для участия в операции США, получившей мандат ООН. В свою очередь, левые партии МАПАМ и Ахдут ха-Авода, придерживавшиеся марксистско-ленинской идеологии и потому лоббировавшие отношения с СССР выступили против такого шага (Cohen, 2006. С. 106). Ввиду невозможности оказать давление на указанные политические силы по соображениям устойчивости политической системы молодой страны Д. Бен-Гурион все же нашел промежуточный вариант выражения позиции по корейской проблеме, состоявший в выделении Сеулу гуманитарной помощи на сумму порядка 100 тыс. долларов США (Ma, 2015. С. 81). В дальнейшем вплоть до 1960-х гг. Израиль в ООН солидаризировался с американским курсом по корейскому вопросу, в то время как во внутренней политике сохраняющаяся поляризация препятствовала налаживанию дипломатических контактов.

Окончательно невозможность какого-либо взаимодействия с Северной Кореей стала очевидна Израилю в первой половине 1970-х гг. Северная Корея поддержала террористическую атаку «Красной армии Японии» в аэропорту Лода 30 мая 1972 г. (Podoler, 2023. С. 130). В преддверии нового витка ближневосточного конфликта — Войны Судного дня в августе 1973 г. израильское военное командование сообщило, что Пхеньян направил в Египет, по разным данным, от 10 до 20 своих пилотов, управлявших самолетами МИГ-21 (Israeli Forces..., 1973). В октябре того же года, то есть уже в ходе израильско-арабских боевых действий, между ВВС ЦАХАЛ и северокорейскими пилотами состоялся первый и единственный в истории воздушный бой, местом которого считается воздушное пространство над Суэцким каналом (Freund, 2014). По первоначальной информации министерства обороны США, инцидент обошелся «без потерь и попаданий» в воздушные суда друг друга (Freund, 2014), в то время как согласно более поздним сведениям, израильтяне все же сбили два самолета, управляемые пилотами из Северной Кореи (Solomon, 2019). В дальнейшем отношения с Пхеньяном последовательно накалялись, а в мае 2010 г. Северная Корея была причислена тогдашним министром иностранных дел Израиля А. Либерманом к «оси зла» на основании поставок вооружений Ирану и Сирии (Lieberman, 2010).

1970-е гг. оказались одновременно переломным моментом и для Сеула в формировании подхода к арабо-израильскому конфликту и путям его возможного урегулирования. К тому периоду Южная Корея стала находиться в серьезной зависимости от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока. В результате под воздействием двух нефтяных кризисов 1973 и 1979 гг. страна признала ООП, одновременно призвав Израиль «прекратить оккупацию» палестинских территорий для создания там суверенного государства (Cohen, 2006. С. 108).

На современном этапе южнокорейские власти в целом стараются руководствоваться более широкими внешнеполитическими соображениями при принятии решений, касающихся динамики событий на Ближнем Востоке, что проявляется, к примеру, в ООН. Так, в январе 2009 г. представители Сеула в Совете по правам человека ООН воздержались на голосовании по резолюции, осуждавшей операцию ЦАХАЛ в секторе Газа «Литой свинец», мотивировав это сближением позиции с ЕС и Японией (S. Korea..., 2009). В 2017 г. Южная и Северная Корея оказались по одну сторону, поддержав в Генеральной Ассамблее призыв к США отозвать признание израильского суверенитета над Иерусалимом (General Assembly..., 2017). Официально южнокорейская сторона объяснила свое решение «обязательством поддерживать интересы развивающихся стран по вопросам, касающимся международного мира и

безопасности» (General Assembly..., 2017). Впрочем, можно предположить, что на точку зрения Сеула в данном случае, повлияли еще два обстоятельства. Во-первых, ведущие представители ЕС и Япония вновь проголосовали аналогичным образом. Во-вторых, с приходом на пост президента США Дональда Трампа активизировались усилия Белого дома, направленные на повышение доли южнокорейских расходов на поддержание в стране американского военного присутствия (US asking S. Korea..., 2017). При этом не последнюю роль мог сыграть тот факт, что обязательства для Израиля Вашингтон при оказании военной поддержки изменять не собирался.

Военно-техническое сотрудничество

Израиль и Корея на протяжении десятилетий сталкиваются с одной задачей — обеспечить свою безопасность в первую очередь от соседей, ведущих агрессивную политику в отношении обеих стран. Ответом на этот вызов стало возникновение в них обеих развитого оборонно-промышленного комплекса. В этой связи военно-техническое сотрудничество (ВТС) с самого начала формирования структуры израильско-корейской кооперации играло и продолжает играть существенную роль во взаимодействии двух стран, хотя и не всегда это сотрудничество успешно.

Так, «*Korean Aerospace Industries*» (KAI) участвовала в тендере на поставку в еврейское государство новых учебно-боевых реактивных самолетов для Армии обороны Израиля. Конкурентами выступали аналоги производства итальянской компании, которая в итоге и получила данный заказ, что не понравилось корейской стороне, которая возлагала надежды на успех сделки (Harel, Cohen, 2012).

Однако тесное сотрудничество РК с *Israel Aircraft Industries* (IAI) продолжается. Так, в 2021 г. IAI выиграл 3 тендера на модернизацию летательных аппаратов на службе ВВС Кореи. Помимо этого, восточноазиатское государство приобрело радары системы ПРО «Хец» и БПЛА «Херон» («Израильская авиационная промышленность» ..., 2021). IAI и KAI также подписали соглашение о сотрудничестве по разработке новых барражирующих боеприпасов (Saballa, 2021).

В 2018 г. израильская «*ELTA Systems Ltd.*» предоставила РК два противоракетных радиолокационных радара *Green Pine*, известных своей способностью обнаруживать приближающиеся ракеты, подобные тем, которые могут быть запущены со стороны КНДР (Gross, 2018).

Отметим, что обе страны постепенно расширяют возможности взаимного сотрудничества, совместного производства и программ модернизации. В марте 2021 г. между «*Elbit Systems*» и KAI был подписан Меморандум о взаимопонимании (MOU) о взаимном сотрудничестве в категориях, касающихся беспилотной воздушной разведки, наблюдения, нацеливания и рекогносцировки (ISTAR). Эта инициатива, по мере реализации, скорее всего, откроет двери для международных клиентов. Стоит отметить, что основанную на совместных разработках модель ВТС, Израиль реализует также с Индией, Сингапуром и Вьетнамом (Ningthoujam, 2022).

Деликатным аспектом в сотрудничестве такого рода является опасность попадания стратегически важных для обеих сторон разработок в руки их противников. Для недопущения этого между Израилем и Кореей действует соглашение, по которому Республика Корея должна запрашивать разрешение представителей израильской стороны для продажи

результатов совместной деятельности третьим лицам, что может вызывать трения между партнерами. Так, в частности, произошло в 2021 г., когда израильтяне отказали корейцам в разрешении при проведении последними большой оборонной сделки с третьей страной (см. об этом, в частности: Dvori, 2021).

Влияние террористической атаки ХАМАС 7 октября 2023 г. на динамику отношений

Заметное воздействие на Южную Корею в контексте понимания проблемы обеспечения безопасности при неурегулированности отношений с соседом оказало нападение палестинской группировки ХАМАС на южные районы Израиля 7 октября 2023 г. и последовавшая за ним операция ЦАХАЛ в секторе Газа «Железные мечи». Южнокорейское правительство осудило убийство палестинскими боевиками мирных жителей и захват заложников, в дальнейшем призвав к скорейшему прекращению огня (Orta, 2023). Таким образом, можно сделать вывод, что Сеул избрал сдержанную позицию, во многом близкую к монархиям Персидского залива, что продемонстрировало сохранение озабоченности собственными экономическими и энергетическими интересами в условиях ближневосточной нестабильности и возникновения рисков новой поляризации Израиля и стран арабского мира.

Еще одним центром, с которым Сеул скоординировал шаги, стал Вашингтон, однако для диалога там была выбрана не администрация президента Дж. Байдена, а Сенат (Якимова, 2023). Можно предположить, что так произошло не случайно, а в силу ситуации с общественным мнением внутри Южной Кореи, где значительная часть населения, в том числе студентов, выбрали для себя сторону Палестины в конфликте.

Не менее серьезной стратегической проблемой для Южной Кореи оказались риски возможного повторения агрессии, близкой по сценарию к нападению ХАМАС 7 октября 2023 г., но уже на Корейском полуострове, что было обусловлено в том числе сообщениями Национальной разведывательной службы о фактах использования палестинскими боевиками в резне на юге Израиля оружия северокорейского производства (Kang, 2024). Министерство обороны страны, проведя оценку рисков, пришло к ряду неутешительных для себя выводов. Было высказано предположение, что при самом неблагоприятном прогнозе Пхеньян способен производить до 16 000 выстрелов в час, тем самым становясь более опасным противником, чем ХАМАС (Kim, 2023). При этом в оборонном ведомстве Южной Кореи не исключили, что северный сосед может повторить тактику палестинских боевиков в виде проникновения вглубь территории страны и захвата заложников. Кроме того, в Сеуле выразили высокую озабоченность неспособностью «умных» систем слежения предотвратить атаку (Vu, 2023). Последнее обстоятельство может быть связано с предположениями о техническом потенциале взлома подобных механизмов защиты Северной Кореей ввиду ее контактов с ХАМАС и Ираном. Данный сценарий, вероятно, сочли реалистичным и в США. Подобный вывод следует из организации в конце октября 2023 г. совместных учений, имитировавших действия в случае «внезапных артиллерийских атак противника в стиле ХАМАС» (South Korean..., 2023).

Примечательно, что вопреки самостоятельному моделированию событий Сеул потребовал удалить схожее видео, размещенное на сайте израильского посольства. В нем была частично реконструирована атака палестинских боевиков, но на южнокорейскую столицу. Официальное заявление МИД азиатской страны назвало ролик «неуместным» (Israel embassy pulls..., 2023).

Глава израильской дипломатической миссии Акива Тор оправдал публикацию тем, что с помощью нее страна хотела «помочь южнокорейцам в Восточной Азии, вдали от Израиля, понять текущую военную обстановку» (Banka, 2024). Однако в реальности предположительно ролик стал элементом противодействия пропалестинским протестам в Корее. Они в значительной степени были мотивированы не взглядами на ситуацию на Ближнем Востоке, а собственной исторической памятью южнокорейцев, проводящих параллели между действиями Израиля в отношении палестинцев и японской оккупацией (Banka, 2024).

Хотя задача сдерживания угрозы в опасной близости от границ послужила одним из толчков сначала к развитию собственных военно-технических комплексов, а затем к сотрудничеству в данной сфере, указанная атака ХАМАС на Израиль не привела к наращиванию такого рода контактов. Более того, как и во многих западных странах в Южной Корее в политических кругах и в общественной среде стали распространяться призывы полностью заморозить экспорт вооружений в ближневосточное государство, а также ограничить поставки Израилю южнокорейской продукции двойного назначения, включая строительную технику концерна Hyundai, которая, по мнению авторов указанной инициативы, может применяться не только в секторе Газа, но и для сноса палестинских домов на Западном берегу реки Иордан (Banka, 2024).

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что враждебный настрой ближайших соседей в адрес Израиля и Южной Кореи является общей чертой геополитического положения двух государств. Данное обстоятельство послужило для них также толчком к созданию собственного конкурентоспособного военно-промышленного сектора, заложив тем самым основу для двусторонней кооперации.

Впрочем, далеко не всегда данный фактор способствует их сближению, что может быть продиктовано неодинаковой позицией Израиля в отношении КНДР и Республики Корея применительно к палестинцам. Если в первом случае под воздействием различных обстоятельств контакты оказались полностью исключены, то во втором Сеул придерживается более сдержанной линии. Однако это вызвано не столько поддержкой палестинских устремлений, сколько более широкими соображениями южнокорейского руководства, которому необходимо сохранять контакты, как с арабскими странами Ближнего Востока, так и с западными партнерами. Примером тому можно считать ситуацию, возникшую после атаки палестинских боевиков на Израиль осенью 2023 г. Сходство систем безопасности двух стран привело к возникновению опасной уязвимости в их обороне ввиду предполагаемой связи между их противниками — Северной Корей, ХАМАС и Ираном. Немаловажно и то, что Сеул, приняв к сведению возможные сценарии приграничной угрозы, все же не пошел на однозначную поддержку израильских позиций, руководствуясь интересами сотрудничества с монархиями Персидского залива.

Список литературы

1. «Израильская авиационная промышленность» модернизирует ВВС Южной Кореи // NEWSru.co.il, 04.01.2021. [The Israeli Aviation Industry is modernizing the South Korean Air Force // NEWSru.co.il, 04.01.2021. (In Russian).] URL:www.newsru.co.il/finance/04jan2021/iai310.html

2. Якимова Е. А. (2023) О позиции ряда азиатских государств в отношении операции ЦАХАЛа «Железные мечи» в секторе Газы / Институт Ближнего Востока. 03.12.2023. [Yakimova E. A. (2023) On the position of a number of Asian states regarding the IDF operation "Iron Swords" in the Gaza Strip / Institute of the Middle East. 03.12.2023. (In Russian).] URL:www.iimes.ru/?p=104116
3. A/PV.112. The problem of the independence of Korea. 14.11. 1947. UNO. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/PDF/NR003819.pdf?OpenElement>
4. A/PV.128. Future government of Palestine. 29.11.1947. UNO. URL:<https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/88/PDF/NR003888.pdf?OpenElement>
5. Banka N. (2024) Why the Israel embassy in South Korea had to take down ‘imaginary Hamas attack’ video // The Indian Express. 04.01.2024. URL: <https://indianexpress.com/article/explained/explained-global/israel-embassy-south-korea-hamas-attack-video-9092555/>
6. Cohen Y. 2006. The Improvement in Israeli-South Korean Relations // Jewish Political Studies Review. Vol. 18. Is.1/2. P. 105–118.
7. Dvori N. (2021) Beikvot Halukkey Deot Al Iskat Neshek: Metichut Bein Israel Ve Drom Korea (Heb.) N12 (Mako), October 12, 2021. URL:www.mako.co.il/news-military/2021_q4/Article-84a4b2f5e457c71026.htm
8. Freund M. (2014) Fundamentally Freund: When Israel fought North Korea // Jerusalem Post. 07.10.2014. URL:www.jpost.com/opinion/fundamentally-freund-when-israel-fought-north-korea-378346
9. Full Text of Israel’s Proclamation of Independence Issued in Tel Aviv. Jewish Telegraphic Agency. 16.05.1948. URL:www.jta.org/archive/full-text-of-israels-proclamation-of-independence-issued-in-tel-aviv
10. General Assembly Overwhelmingly Adopts Resolution Asking Nations Not to Locate Diplomatic Missions in Jerusalem. UNO. 21.12.2017. URL: <https://press.un.org/en/2017/ga11995.doc.htm>
11. Geronik A. (2020) Israel–UN Relations: Three Phases and Three Questions // Israel Studies. Vol. 25. Is. 1. P. 73–98. DOI: 10.2979/israelstudies.25.1.04
12. Gross J. A. (2018) South Korea buys Israeli radar tech, likely to counter North’s missiles // The Times of Israel. November 27, 2018. URL:www.timesofisrael.com/south-korea-buys-israeli-radar-tech-likely-to-counter-norths-missiles/
13. Harel A., Cohen G. (2012) Israel Opts for Italian Training Plane Over South Korean Competitor // Haaretz, February 20, 2012. URL:www.haaretz.com/1.5187686
14. Israel embassy pulls ‘inappropriate’ video imagining Hamas attack on Seoul // Al Jazeera. 28.12.2023. URL:www.aljazeera.com/news/2023/12/28/israel-embassy-pulls-inappropriate-video-imagining-hamas-attack-on-seoul
15. Israeli Forces Say North Koreans Pilot Some Egyptian Jets // New York Times. 16.08.1973. URL:www.nytimes.com/1973/08/16/archives/israeli-forces-say-north-koreans-pilot-some-egyptian-jetsts-u-s.html
16. Kang S. (2024) South Korea Confirms Hamas Used North Korean Weapons in War // Bloomberg. 08.01.2024. URL:www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-08/south-korea-confirms-hamas-used-north-korean-weapons-in-war

17. Kim J. (2023) Seoul officials suggest North Korea capable of ' Hamas tactics ' to attack South // NK News. 11.10.2023. URL:www.nknews.org/2023/10/seoul-officials-suggest-north-korea-capable-of-hamas-tactics-to-attack-south/
18. Lieberman: Iran, Syria and North Korea Are New 'Axis of Evil' // Haaretz. 12.05.2010 URL: www.haaretz.com/2010-05-12/ty-article/lieberman-iran-syria-and-north-korea-are-new-axis-of-evil/0000017f-f79c-d47e-a37f-ffbcc8200000
19. Ma Young Sam. (2015) Israel's Role in the UN during the Korean War // Israel Journal of Foreign Affairs. Vol. 4. Is. 3. P. 81–89. DOI: 10.1080/23739770.2010.11446616
20. Ningthoujam A. (2022) The Maturation of the Israel-South Korea Partnership // The Diplomat. July 15, 2022. URL:<https://thediplomat.com/2022/07/the-maturation-of-the-israel-south-korea-partnership/>
21. Orta K. Where Does South Korea Stand on the Israel-Hamas Conflict? // The Diplomat. 19.10.2023. URL:<https://thediplomat.com/2023/10/where-does-south-korea-stand-on-the-israel-hamas-conflict/>
22. Podoler G. (2023) Israel and the Two Koreas. Between Sentiment and Pragmatism / Israel-Asia Relations in the Twenty-First Century: The Search for Partners in a Changing World. Pp. 129–145. DOI: 10.4324/9781003317142-9
23. Saballa J. (2021) Israel, South Korea Collaborate on Deadly Drone Technology // The Defense Post, October 26, 2021. URL:www.thedefensepost.com/2021/10/26/israel-south-korea-drone-technology/
24. Solomon J. (2019) The North Korean-Israeli Shadow War / The Washington Institute. 09.09.2019. URL:www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/north-korean-israeli-shadow-war
25. South Korean, US troops drill for ' Hamas-style surprise attack ' from North Korea. The Times of Israel. 27.10.2023. URL:www.timesofisrael.com/south-korean-and-us-troops-drill-for-hamas-style-surprise-attack-from-north/
26. S. Korea abstains from U.N. resolution on Israel. Hankyoreh. 16.01.2009. URL: www.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/333662.html
27. Udum S. (2018) "Fix it or nix it?" An Analysis of the Trump Administration's Policy on the Iran Nuclear Deal (JCPOA) // Turkish Studies. Is. 13/14. P. 211–231.
28. US asking S. Korea to increase defense cost share, while using funds for relocation // Hankyoreh. 16.07.2017. URL:https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/802981
29. Vu K. (2023) How vulnerable is South Korea to a " Hamas-style " attack from the North? // The Interpreter. 06.11.2023. URL:www.lowyinstitute.org/the-interpreter/how-vulnerable-south-korea-hamas-style-attack-north
30. Weems B. (1948) Behind the Korean Election // Far Eastern Survey. Vol. 17. Is. 12. P. 142–147. DOI: 10.2307/3022008

Peculiarities of Israel's Relations with the Republic of Korea in the Field of Defense and Security

Dmitry A. Maryasis,

PhD in Economics, Independent Scholar.

Elizaveta A. Iakimova,

PhD in History, Research Fellow Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

The article focuses on identifying the specifics of relations between the State of Israel and the Republic of Korea in the sphere of defense and security. The authors analyze the similarities in the process of formation of the two states, their geopolitical position and the common threats posed by their closest neighbors. At the same time, not only the factors that contributed to the rapprochement of Israel with South Korea are taken into account, but also the circumstances that made any contacts between the Middle Eastern country and the DPRK impossible. The article also states that a similar situation did not occur when formulating Seoul's regional strategy. However, the reason for this was not the South Korean support for the Palestinian positions in the conflict, but its dependence on the energy resources supplied by Arab countries and the need to coordinate its decisions with the partners like the United States, the EU and Japan. The authors emphasize that the vulnerability of Israel and South Korea led to the creation of their own military-industrial complexes and served as an impetus for their further cooperation in this area. To confirm this thesis, the article provides several examples of deals concluded by companies from the two countries. A special focus of the study was the Hamas attack on Israel on October 7, 2023 and the subsequent IDF Operation the «Swords of Iron» in the Gaza Strip, which forced Seoul to formulate its position in relation to a new round of conflict in the Middle East, and also became a test for relations in the field of defense and security, including the prospects for continuing the export of South Korean weapons to Israel.

Keywords: *The State of Israel, the Republic of Korea, defense, security, military–technical cooperation, cooperation, international relations, the Arab–Israeli conflict, the Middle East.*

JEL codes: *R580.*

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

**Перспективы экономики и внешней торговли Египта: прогнозные оценки
на основе математического моделирования**

*Петров Евгений Сергеевич¹,
Николаева Елена Анатольевна²*

В статье представлена прогнозная оценка развития национального хозяйства и внешней торговли Арабской Республики Египет до 2030 г., рассчитанная авторами на основе математического и системного анализа макроэкономических процессов и методов моделирования этих процессов. Тема представляется актуальной вследствие присоединения Арабской Республики Египет к альянсу БРИКС с 2024 г. Поэтому важно спрогнозировать возможные тренды экономического и внешнеторгового развития Арабской Республики Египет в среднесрочной перспективе, так как, по мнению авторов, эти тренды не только имеют первостепенное значение для самой Арабской Республики Египет, но и окажут непосредственное влияние на экономическую динамику других стран БРИКС и объединения в целом. Исследование актуализируется с учетом продолжающегося усиления глобальной волатильности, а также и нестабильности в арабском регионе, появления новых угроз. Рост экономического развития африканских стран, все более заметно опирающийся на новые технологические возможности, одним из лидеров которого остается Египет, также вызывает научный интерес к предлагаемой тематике. Предмет — тренды экономического развития Арабской Республики Египет как члена БРИКС. Цель статьи — разработка научно обоснованного прогноза развития экономики и внешней торговли Арабской Республики Египет в среднесрочной перспективе. В статье обозначены потенциальные угрозы развития экономики Арабской Республики Египет. Статистической основой исследования послужили преимущественно данные Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Результаты исследования могут быть использованы для понимания тенденций социально-экономического и внешнеторгового развития страны, корректировки этого развития, а также расширения и обогащения теоретических концепций мировой экономики. Исследование и авторские расчеты базируются исключительно на нынешних обстоятельствах и сегодняшних реалиях без учета каких-либо фундаментальных изменений в политике и экономике исследуемой страны.

Ключевые слова: *Арабская Республика Египет, социально-экономическое развитие, национальная экономика, внешняя торговля, ВВП, подушевой доход, социальная сфера, БРИКС.*

JEL коды: *C51, C82, F01, O11, O41, O55.*

¹ *Петров Евгений Сергеевич* — кандидат экономических наук, независимый эксперт, Москва, Россия.

² *Николаева Елена Анатольевна* — кандидат экономических наук, независимый эксперт, Москва, Россия.

Введение

Египет традиционно остается в центре внимания исследователей, экономистов-международников (Баранов и др., 2023; Баусин, 2023; Чаплюк, Аль, 2021), так как страна выступает важным актором на мировой, континентальной и региональной арене.

В целом для развивающихся стран, и для государств Африки, характерно усиление роли международного экономического сотрудничества как направления укрепления не только экономического потенциала, но и экономической безопасности в условиях растущей глобальной дестабилизации (Поплавский, 2024). С этой целью активизируется взаимодействие развивающихся стран как между собой (Содействие международному развитию..., 2022), так и с растущим альянсом БРИКС (Глинская, Абросимова, 2019). Это связано с тем, что именно взаимодействие «Юг–Юг» обеспечивает в настоящее время возможности успешной и всесторонней макроэкономической и социальной эволюции для стран Африки (Глинская, Крюков, 2023).

В частности, Египет, рассматривая себя одновременно как часть и арабского, и африканского мира, является членом Лиги Арабских Государств, тесно сотрудничая с государствами ССАГПЗ (Шкваря, 2014) и Африканского Союза. Кроме того, по мнению авторов, существует ряд объективных и важных предпосылок для акселерации взаимодействия АРЕ как участника БРИКС, в том числе — усиление сотрудничества Египта с Россией, Китаем, Индией в сфере экономики и инвестиций. В этой связи высказывается точка зрения о том, что «Благодаря развивающейся экономике Египет мог бы расширить свой экспорт в эти страны, извлекая выгоду из торговых соглашений [...] и стать центром, соединяющим Африку, Азию и Южную Америку» (Khalid, 2023). И хотя Египет остается традиционным партнером в арабском регионе (Shkvarya, et al., 2023), ожидается, что вступление в БРИКС откроет для страны новые возможности для реализации тех задач, которые ставит государство, и усилит положительные процессы в национальном хозяйстве, нивелируя сохраняющиеся негативные явления (African Economic Outlook, 2024).

Сегодня важным аспектом макроэкономического развития Египта становится активизация его взаимодействия с альянсом БРИКС как страны, ставшей членом этого альянса с 1 января 2024 г., что вызывает интерес исследователей (Okoli, 2024). Сотрудничество Египта в БРИКС, безусловно, может иметь как положительные, так и негативные последствия для АРЕ (Balbaa, 2023). Однако, по мнению экспертов, благоприятные последствия более вероятны.

В данной статье осуществляется анализ перспектив макроэкономического развития Египта до 2030 г.

Результаты исследования

Важнейшим показателем странового развития на сегодня служит валовой внутренний продукт (ВВП) и его динамика. Поэтому анализ — ретроспективный и перспективный — ВВП может дать представление об изменениях экономического потенциала Египта в среднесрочном периоде с учетом того, что «Экономика Египта зависит в основном от сельского хозяйства, экспорта нефти, природного газа и туризма. Также более 3-х млн египтян

работают за границей, в основном в Ливии, Саудовской Аравии, странах Персидского залива и Европе» (Okoli, 2024).

Опираясь на существующую ситуацию, на рис. 1 авторы представили графики фактических значений ВВП Египта по номеру наблюдений.

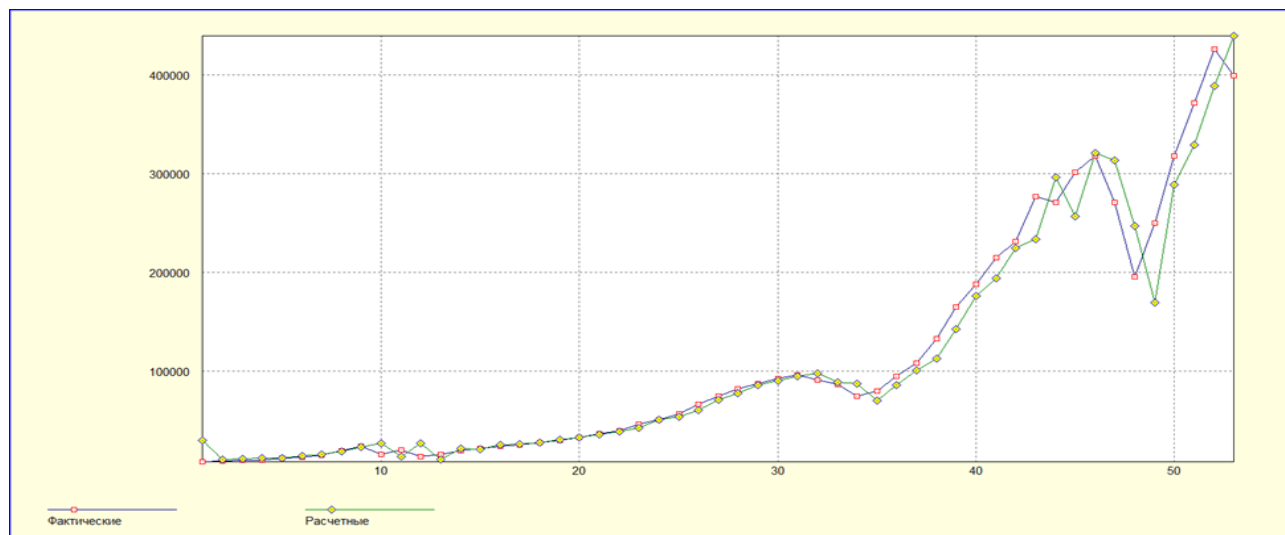

Рис. 1. Изменение фактических значений ВВП Египта в 1970–2022 гг., млн долларов. Источник: построено по данным UNCTADstat.

Как видно из рис. 1, исследуемый период в целом характеризуется заметным, хотя и неустойчивым, ростом экономики страны, особенно усилившимся с начала нынешнего века благодаря проводимым в стране реформам и развитию внешнеэкономического сектора.

Но обеспечение этого роста дается стране достаточно непросто. Так, заметные спады в производстве ВВП были зафиксированы в 2008–2009 гг., в 2014 и в 2020 гг. (рис. 1). Отмечается, что «Рост ВВП Египта снизился до 3,8% в 2022/23 гг., что отражает низкие показатели в обрабатывающей промышленности и нефтепереработке. Росту способствовали частное потребление и экспорт, несмотря на высокую инфляцию. Инфляция в 24% в 2022/2023 гг. была значительно выше целевого показателя Центрального банка Египта (СВЕ) в 7%, обусловленного ростом международных цен, потрясениями внутреннего предложения и колебаниями обменного курса» (Egypt Economic Outlook).

Следовательно, в национальном хозяйстве страны сохраняются определенные проблемы, в том числе связанные с внешнеэкономической средой (глобальной экономической системой), что отражается и на перспективных трендах макроэкономической динамики Арабской Республики Египет.

И хотя, согласно прогнозам международных организаций и отдельных экспертов, «Ожидается, что экономика вырастет на +3,5% в 2024 г. после прогнозируемых +2,8–+3% в 2023 г. Однако это происходит параллельно с очень высоким уровнем инфляции (+33,7% в декабре 2023 г., в том числе на продовольствие +79%) и очевидными трудностями в поддержании приемлемого уровня валютных резервов и рефинансировании долга» (The Sphinx's enigma). Авторское моделирование макроэкономических процессов демонстрирует возможность не столь позитивных перспектив. На наш взгляд, более вероятным может стать некоторое сокращение динамики производства ВВП страны в стоимостном выражении при

отсутствии корректировки национальных макроэкономических трендов и политики и изменения глобальной и региональной ситуации, особенно в секторе Газы.

График выборки и прогноза ВВП Арабской Республики Египет до 2030 г. представлен нами на рис. 2.

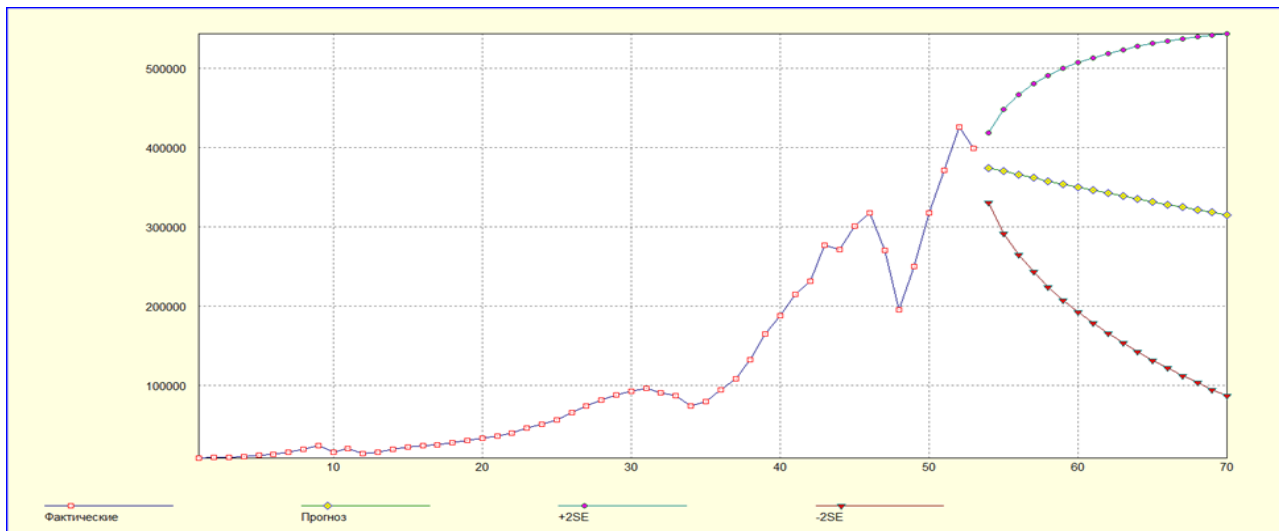

Рис. 2. График выборки и прогноза значений ВВП Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., млн долларов.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

Также ожидается и сокращение душевых доходов Арабской Республики Египет до 2030 г. (рис. 3), что связано как с возможным расчетным падением темпов роста ВВП, так и с ростом, и весьма устойчивым, количества проживающего в стране населения, замедление роста которого практически не предвидится (рис. 4).

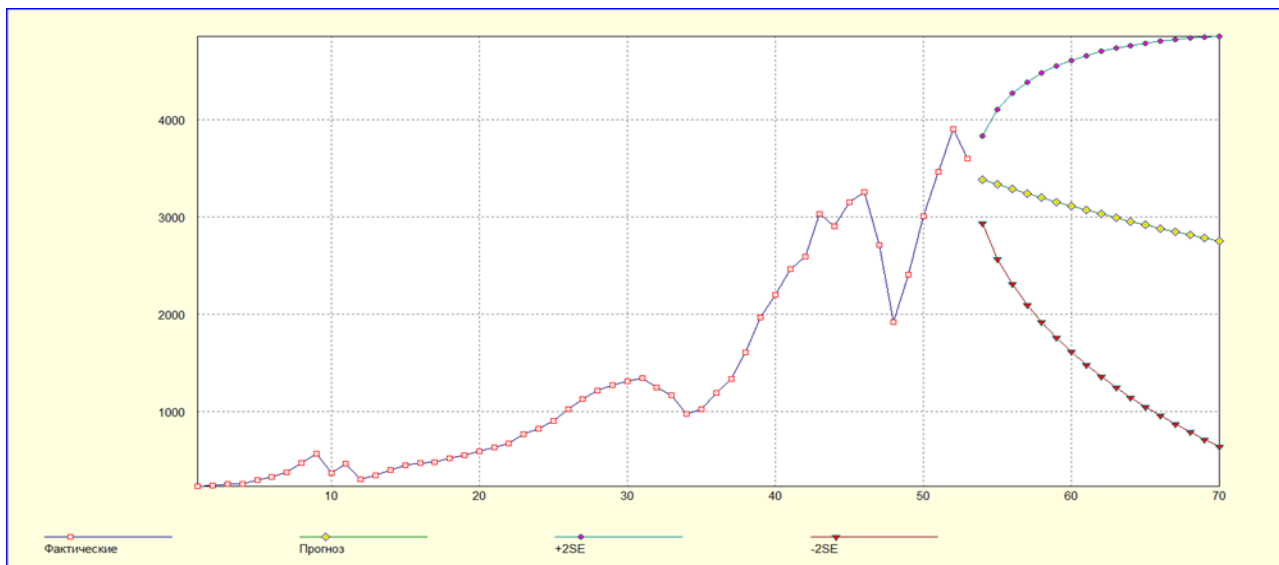

Рис. 3. График выборки и прогноза значений ВВП на душу населения Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., доллар.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

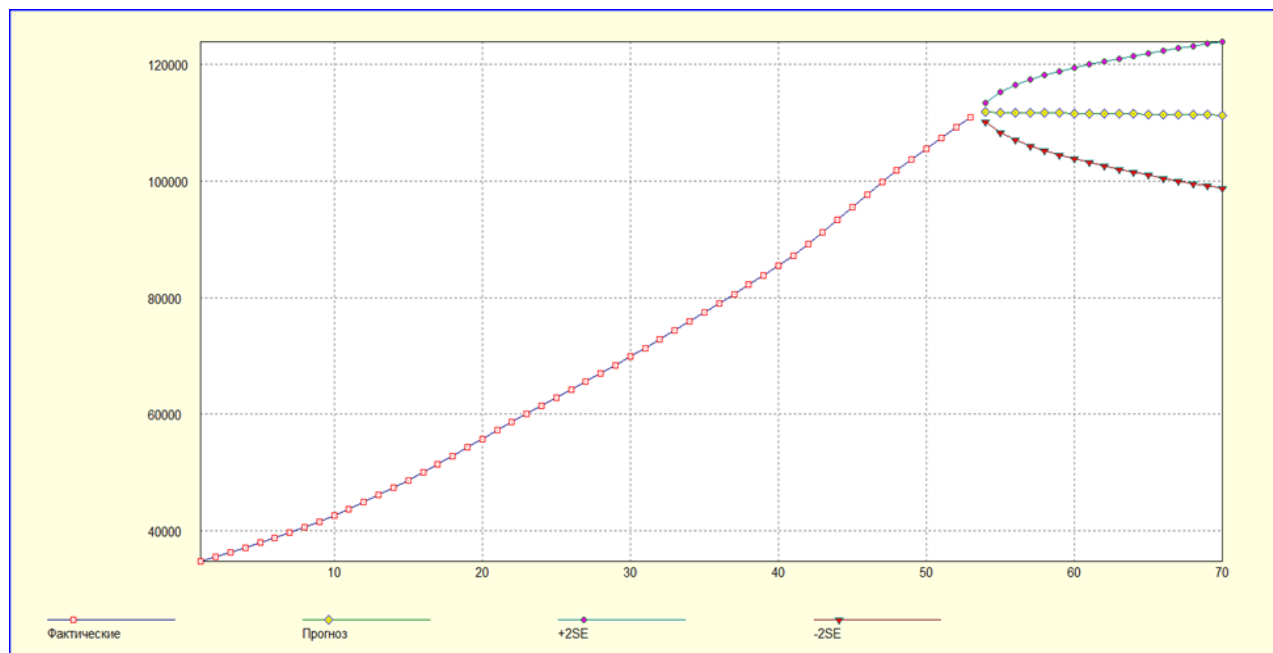

Рис. 4. Изменение параметров количества населения в Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., тыс. человек.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

Стоит отметить, что по прогнозам международных организаций, ожидается дальнейший рост благосостояния в странах БРИКС при тенденции к снижению безработицы (The BRICS Wealth Report 2024), что немаловажно для Египта в условиях роста населения страны и наличия значительного числа трудовых эмигрантов.

Как видно из рис. 4, устойчивый рост населения останется системообразующей характеристикой Арабской Республики Египет до 2030 г.

Население Арабской Республики Египет уже превышает 110 млн человек, и по этому показателю страна занимает 14–е место в мире и 3–е место в Африке.

В любом случае ожидается, что Египет сможет укрепить свои внутри–экономическую ситуацию и внешнеэкономические позиции в региональном, континентальном и глобальном пространствах, прежде всего в сфере внешней торговли. Однако достижение этого плана потребует серьезных усилий, так как применяемая авторами модель показывает вероятное сокращение объемов экспорта и импорта Египта в периоде до 2030 г. (см. рис. 5 и 6).

Многие исследователи полагают, что прогнозируемые нами тенденции в макроэкономическом развитии Египта будут переломлены именно в результате вступления страны в БРИКС, так как торговля и инвестиционное сотрудничество с этой группой государств и в целом финансовая поддержка организации обеспечит новые возможности и повысит эффективность национальной экономики за счет передачи технологий (Balbaa, 2023). Доступ на растущие рынки стран БРИКС может открыть новые возможности для египетского экспорта. Египет мог бы использовать свои конкурентные преимущества в таких секторах, как сельское хозяйство, текстильная промышленность и туризм, для выхода на эти рынки. Кроме того, Египет мог бы привлечь больше прямых инвестиций из стран БРИКС, которые уже и раньше были основными источниками его ПИИ (UNCTAD Trade and Development Report,

2024). Уже в настоящее время крупнейшими внешнеторговыми партнерами Египта выступают Китай и Индия, страны с крупными и емкими рынками, значительными технологиями и готовностью к инвестициям. Особенно если учесть, что система взаимодействия стран БРИКС между собой и с третьими странами, в том числе и в экономической плоскости, основывается преимущественно на двустороннем подходе (Соловьёва, 2015). При этом сохраняется и значимость США и стран Европы во внешней торговле АРЕ.

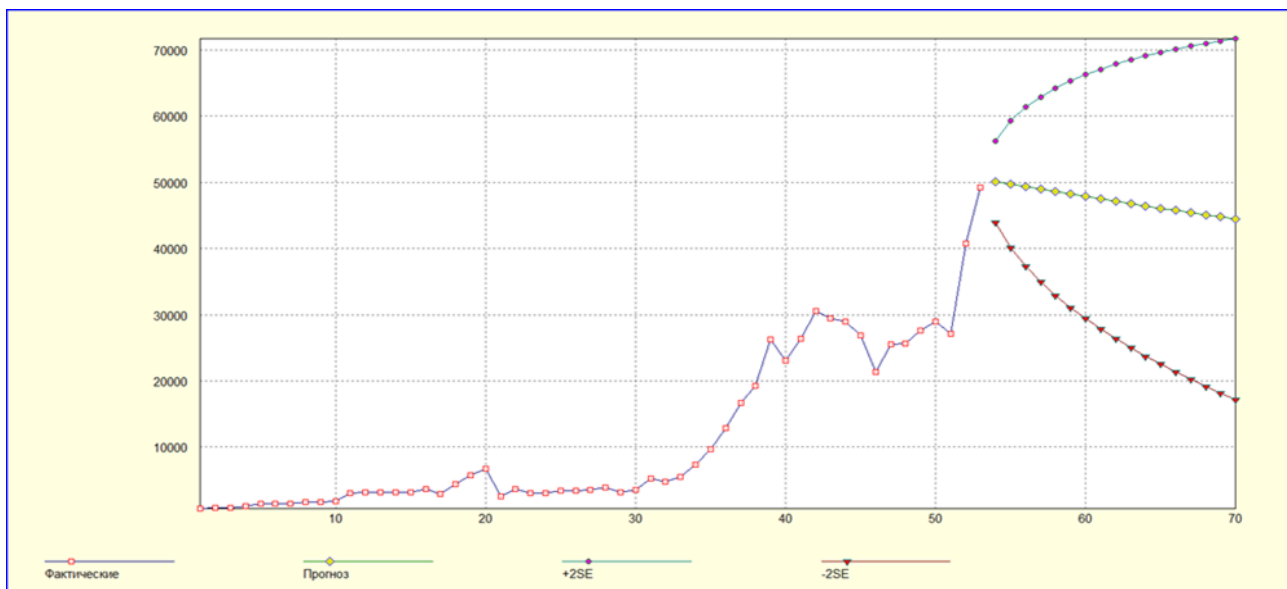

Рис. 5. График выборки и прогноза значений экспорта Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., млн долларов.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

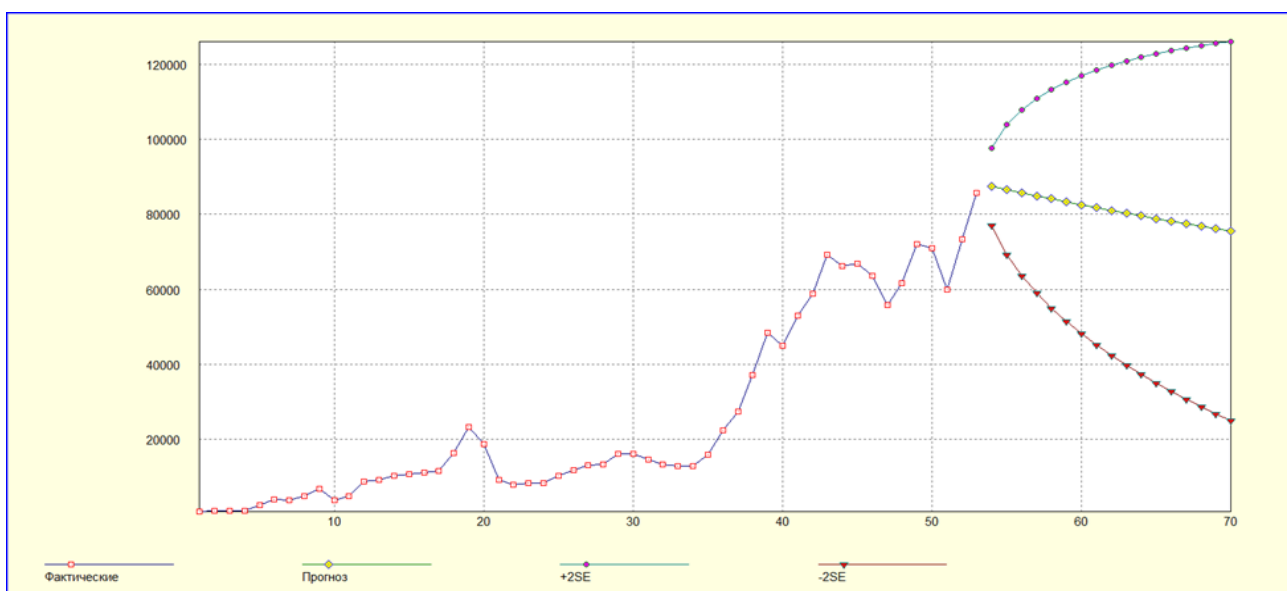

Рис. 6. График выборки и прогноза значений импорта Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., млн долларов.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

При этом действительно авторские расчеты показывают объективную возможность роста объемов привлекаемых страной ПИИ в перспективе до 2030 г. (рис. 7).

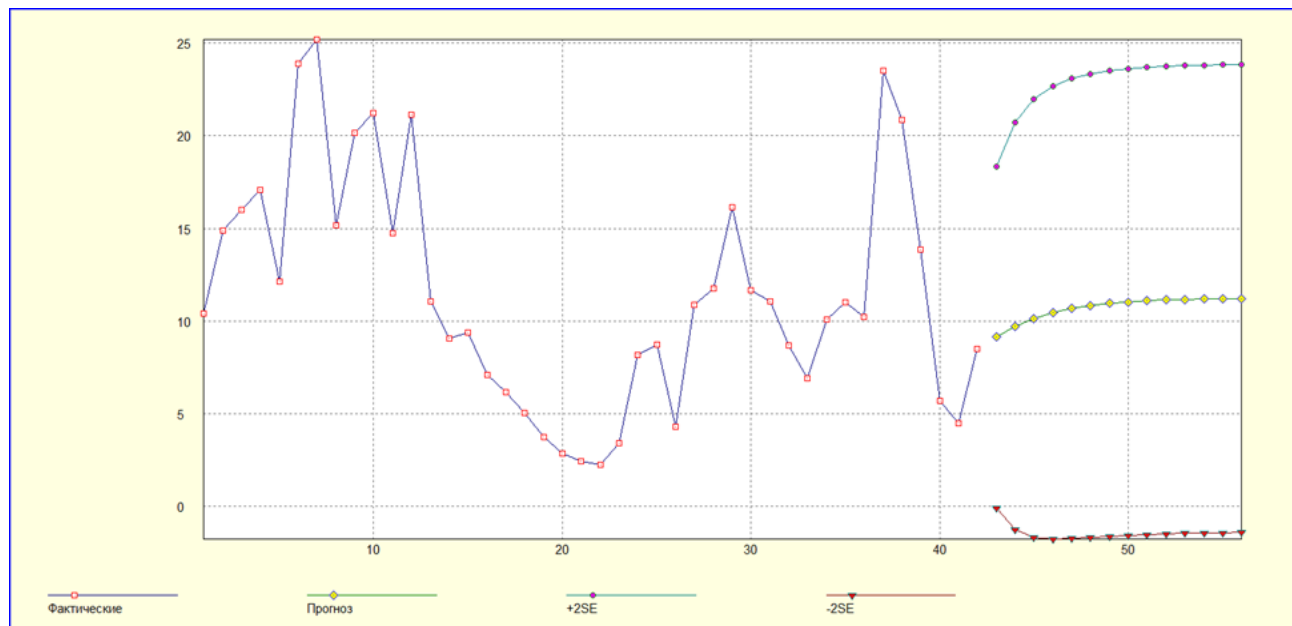

Рис. 7. График выборки и прогноза значений притока иностранных инвестиций в экономику Египта в 1970–2022 гг. и до 2030 г., млн долларов.

Источник: построено по данным UNCTADstat.

Как видно из рис. 7, динамика притока ПИИ в египетскую экономику весьма волатильна под влиянием огромного количества глобальных и внутренних рисков, ряд из которых сохраняется до настоящего времени (Factbox: Egypt's economic strategy for 2024–2030; OECD 2024). Среди возможных негативных последствий для Египта от вступления в БРИКС можно отметить такие, как высокая вероятность усиления торговых дисбалансов для Египта, а также рост конкуренции на рынках стран БРИКС, что потребует от АРЕ не только продолжать, но и активизировать процесс диверсификации национальной экономики (Ahmed, et al., 2020).

Заключение

На основе проведенного исследования, основанного на применении модели Бокса–Дженкинса (ARIMA) с применением точного метода максимального правдоподобия, авторы приходят к выводу о том, что у Арабской Республики Египет с высокой долей вероятности в среднесрочной перспективе возможен период уменьшения динамики макроэкономических показателей, таких, как ВВП, подушевой доход, экспорт и импорт. В то же время, демографический рост в целом сохранится на нынешнем уровне, а также возможен рост притока прямых иностранных инвестиций.

Однако присоединение Арабской Республики Египет к альянсу БРИКС, по мнению авторов, с высокой долей вероятности может нивелировать существующие угрозы и обеспечить стране более устойчивое экономическое положение за счет роста диверсификации,

рынков сбыта, повышения конкурентоспособности национальной экономики и трансформации системы внешнеэкономической деятельности.

Список литературы

1. Баранов А. Г., Баранова Е. В., Дьяков Н. А. (2023) Основные факторы экономического роста Египта // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. № 5. С. 615–624. [Baranov A. G., Baranova E. V., Dyakov N. A. (2023) The main factors of Egypt's economic growth // Current issues of accounting and management in the information economy. No. 5. Pp. 615–624. (In Russian).]

2. Баусин И. Л. (2023) Политические и экономические устремления Египта на африканском континенте // Проблемы национальной стратегии. № 3 (78). С. 212–233. [Bausin I. L. (2023) Egypt's political and economic aspirations on the African continent // Problems of national strategy. No. 3 (78). Pp. 212–233. (In Russian).] DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_212

3. Содействие международному развитию / Под ред. Н. В. Галищевой, Л. М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2022. [International development assistance / Edited by N. V. Galishcheva, L. M. Kapitsa. M.: MGIMO University, 2022. (In Russian).]

4. Глинская М. В., Крюков А. Н. (2023) Перспективы экономического развития государств Африканского континента и новые технологические возможности // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 4. С. 48–56. [Glinskaya M. V., Kryukov A. N. (2023) Prospects for the economic development of the states of the African continent and new technological opportunities // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 4. Pp. 48–56. (In Russian).] DOI: 10.26653/2076-4650-2023-04-04

5. Глинская М. В., Абросимова В. В. (2019) Анализ деятельности альянса БРИКС по обеспечению экономической безопасности в глобальном пространстве на современном этапе / В сборнике: Мировая экономика в XXI веке: Value and Values. сборник материалов Международной научно-практической конференции. отв. ред. И. А. Айдрус. С. 73–85. [Glinskaya M. V., Abrosimova V. V. (2019) Analysis of the activities of the BRICS alliance to ensure economic security in the global space at the present stage / in the collection: the world economy in the XXI century: Value and values. collection of materials of the International Scientific and practical conference. ed. by I. A. Aidrous. Pp. 73–85. (In Russian).]

6. Поплавский С. П. (2024) Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность / В сборнике: Проблемы развития социально-экономических систем. Материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Донецк. С. 403–405. [Poplavsky S. P. (2024) Trends in the development of the geopolitical situation in the world and international economic security / In the collection: Problems of the development of socio-economic systems. Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Donetsk. Pp. 403–405. (In Russian).]

7. Соловьёва Ю. В. (2015) Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // Экономический журнал. № 4 (40). С. 85–96. [Solovieva Yu. V. Transfer of technologies of the BRICS countries: problems and prospects // Economic Journal. No. 4 (40). Pp. 85–96. (In Russian).]

8. Чаплюк В. З., Аль Х. А. (2021) Экономическое развитие Египта в условиях региональной нестабильности // Финансовая экономика. № 4. С. 100–103. [Chaplyuk V. Z.,

Al H. A. (2021) Economic development of Egypt in conditions of regional instability // *Financial economics*. No. 4. Pp. 100–103. (In Russian).]

9. Шкваря Л. В. (2014) Внешнеторговое сотрудничество стран ССАГПЗ и БРИКС: современные особенности и тенденции / В сборнике: БРИКС: сотрудничество в целях развития. материалы IV Международной научной конференции. Национальный комитет по исследованию БРИКС; Российский университет дружбы народов. С. 33–37. [Shkvarya L. V. (2014) Foreign trade cooperation between the GCC and BRICS countries: modern features and trends / In the collection: BRICS: cooperation for development. materials of the IV International Scientific Conference. National Committee for BRICS Research; Peoples' Friendship University of Russia. Pp. 33–37. (In Russian).]

10. Ahmed S., Elshennawy A., Shaaban K. (2020) Egypt in BRICS: Challenges and opportunities for enhancing economic relations // *Journal of Economics and Political Economy*. Vol. 7. Is. 4. Pp. 413–423.

11. African Economic Outlook 2024: Driving Africa's Transformation: The Reform of the Global Financial Architecture. URL:www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-economic-outlook

12. Balbaa M. (2023) Assessment of the economic implications of the Egypt's potential membership in BRICS: opportunities, challenges and prospects // *EPRa International Journal of Environmental Economics Commerce and Educational Management*. Vol. 10. Is. 6. Pp. 8–14. DOI: 10.36713/epra13527/

13. Egypt Economic Outlook. URL:www.afdb.org/en/countries/north-africa/egypt/egypt-economic-outlook

14. Factbox: Egypt's economic strategy for 2024–2030. URL:www.sis.gov.eg/Story/191030/Factbox-Egypt's-economic-strategy-for-2024-2030?lang=en-us

15. Khalid M. (2023) Explainer: Four key benefits for Egypt as a member of BRICS. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/507128/Business/Economy/Explainer-Four-key-benefits-for-Egypt-as-a-member-.aspx>

16. Okoli M. (2024) Ethiopia, Egypt and South Africa: Pursuing Relationships Within and Beyond BRICS — Analysis. URL:www.eurasiareview.com/15082024-ethiopia-egypt-and-south-africa-pursuing-relationships-within-and-beyond-brics-analysis/

17. OECD (2024) OECD Economic Surveys: Egypt 2024. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/af900de2-en. URL:www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-egypt-2024_af900de2-en.html

18. Shkvarya L. V., Rusakovich V. I., Abou Zahr Dias Malik A. (2023) Economic cooperation of the Levant Countries: Main Directions and Opportunities // *Sustainable Development Risks and Risk Management*. Pp. 263–267. DOI: 10.1007/978-3-031-34256-1_46

19. The BRICS Wealth Report 2024. URL:www.henleyglobal.com/publications/brics-wealth-report

20. The Sphinx's enigma: testing Egypt's political and economic stability again URL:www.allianz-trade.com/en_global/economic-research/country-reports/Egypt.html

21. UNCTAD Trade and Development Report Update (2024). URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-update-april-2024>

22. UNCTADstat (2024). URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=97>

Prospects for the Egyptian economic and foreign trade: forecast estimates based on mathematical modeling

Evgeny S. Petrov,

PhD in Economics, independent expert, Moscow, Russia.

Elena A. Nikolaeva,

PhD in Economics, independent expert, Moscow, Russia.

The article presents a forecast assessment of the development of the national economy and foreign trade of the Arab Republic of Egypt until 2030, calculated by the authors on the basis of mathematical and systematic analysis of macroeconomic processes and methods of modeling these processes. The topic seems relevant due to the accession of the Arab Republic of Egypt to the BRICS alliance from 2024. Therefore, it is important to predict possible trends in the economic and foreign trade development of the Arab Republic of Egypt in the medium term, since, according to the authors, these trends are not only of paramount importance for the Arab Republic of Egypt itself, but will also have a direct impact on the economic dynamics of other BRICS countries and the association as a whole. The study is updated taking into account the continued increase in global volatility, as well as instability in the Arab region, and the emergence of new threats. The growth of the economic development of African countries, which is increasingly noticeably based on new technological opportunities, of which Egypt remains one of the leaders, also arouses scientific interest in the proposed topic. The subject is trends in the economic development of the Arab Republic of Egypt as a member of the BRICS. The purpose of the article is to develop a scientifically based forecast of the development of the economy and foreign trade of the Arab Republic of Egypt in the medium term. The article identifies potential threats to the economic development of the Arab Republic of Egypt. The statistical basis of the study was mainly data from the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). The results of the study can be used to understand the trends of socio-economic and foreign trade development of the country, adjust this development, as well as expand and enrich the theoretical concepts of the world economy. The research and author's calculations are based solely on the current circumstances and current realities, without taking into account any fundamental changes in the politics and economy of the country under study.

Keywords: *Arab Republic of Egypt, socio-economic development, national economy, foreign trade, GDP, per capita income, social sphere.*

JEL codes: *C51, C82, F01, O11, O41, O55.*

Демографические процессы и развитие рынка труда в странах ССАГПЗ

Исаев Магомед Никамагомедович¹

В статье представлен анализ взаимосвязанных между собой демографических и миграционных процессов в регионе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Демографическая ситуация оказывает огромное влияние на экономические процессы, включая производство ВВП, производительность труда, экономическую эффективность и конкурентоспособность страны на национальном и мировом рынках. Страны Залива не обладают значительными трудовыми ресурсами, несмотря на устойчивый рост населения, в силу объективных причин. Поэтому их экономическое развитие, а также состояние национального рынка труда, зависит от притока иностранной рабочей силы, т. е. международной трудовой миграции. В свою очередь, процесс международной трудовой миграции является комплексным, многоуровневым и противоречивым, и при этом оказывает неоднозначное влияние на социально-экономические алгоритмы в регионе, особенно в условиях роста глобальных вызовов. Поэтому, для поддержания фундаментальности изучения данного вопроса, его аналитические исследования остаются актуальными, в том числе и для Российской Федерации. Цель исследования — определить тенденции и особенности демографических и миграционных процессов в ССАГПЗ, их динамику и влияние государственного регулирования на современном этапе на базе анализа статистических данных и демографических показателей за 2012–2023 гг. Объектом исследования в статье выступает совокупность демографических и миграционных связей и отношений в ССАГПЗ. Предметом исследования является изучение современных тенденций и особенностей, а также взаимного влияния демографических и миграционных процессов ССАГПЗ в 2012–2023 гг. Автором для достижения исследовательских задач применялись методы статистического и компаративного анализа.

Ключевые слова: *ССАГПЗ, демографические процессы, трудовые ресурсы, международная миграция рабочей силы, государственное регулирование трудовой миграции, «национализация».*

JEL коды: *E24, F22, F66, J11, J21.*

Введение

Актуальность темы исследования объясняется тем, что на настоящий момент процессы, которые имеют место в странах ССАГПЗ, играют значимую роль в регионе Ближнего Востока и в целом в мире и, таким образом, затрагивают различные международные сферы, обеспечивая их «дееспособность». Так, страны ССАГПЗ традиционно остаются крупнейшими игроками на мировом рынке углеводородов, от действий которых (и сотрудничества с ними) в значительной степени зависит энергетическая безопасность многих государств (Глинская,

¹ *Исаев Магомед Никамагомедович* — кандидат экономических наук, ведущий специалист ООО «Связь Энерго», Москва, Россия.

2019); они выступают странами-донорами и реципиентами иностранного капитала (Шкваря, 2011); важными внешнеторговыми партнерами не региональном и мировом уровнях, причем активно развивающими свои собственные стратегии на иностранных рынках (Федорченко, Артюшкин, 2020; Шкваря, Соловьёва, 2019). Наконец, во многом именно страны ССАГПЗ прилагают серьезные усилия для обеспечения региональной безопасности как элемента глобальной стабилизации (Поплавский, 2024).

Аспекты, связанные с демографией и международной трудовой миграцией вызывают пристальный интерес, ибо эти аспекты гуманитарного плана оказывают влияние не только на экономическую сторону развития, но и на человеческий фактор, и в целом — и значительно — на страны-доноры и страны-реципиенты (Рязанцев, Ткаченко, 2010). ССАГПЗ — один из крупнейших в мире регионов — реципиентов иностранной рабочей силы (Шкваря, 2023), однако в отечественной научной литературе процессы международной трудовой миграции в регионе освещены и изучены недостаточно. Но те процессы, которые происходят в регионе — в демографическом и миграционном аспектах могут, на наш взгляд, иметь далеко идущие последствия в перспективе.

Кроме того, опыт государственного регулирования ситуации на региональном рынке труда, и особенно — в сфере международной трудовой миграции, приобретает все больше актуальности для Российской Федерации, которую также захлестывают волны иностранной рабочей силы. Опыт ССАГПЗ в миграционной сфере важно исследовать и, возможно, шире применять в России, конечно, после соответствующей адаптации.

Результаты исследования

Страны регионального интеграционного объединения Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) значительное внимание уделяют демографическим и социальным процессам и положению своих стран и региона в целом. «Социальный контракт» между правительством и населением занимает центральное место в вопросах государственного регулирования в странах Персидского залива (Malik, Nagesh, 2020). Поэтому демографические, социальные, трудовые отношения находятся на пике стратегий развития, реформ, правительственных действий.

В табл. 1 представлены данные о динамике численности населения стран ССАГПЗ за 2012–2023 гг.

Таблица 1.

Численность населения стран ССАГПЗ, 2012–2023 гг., млн человек

	2012	2015	2020	2021	2022	2023
Бахрейн	1,225	1,362	1,477	1,463	1,472	1,486
Катар	1,906	2,415	2,76	2,688	2,695	2,716
Кувейт	3,395	3,909	4,36	4,25	4,269	4,3101
ОАЭ	8,665	8,917	9,287	9,365	9,441	9,517
Оман	3,536	4,192	4,543	4,52	4,576	4,644
КСА	30,822	32,75	35,997	35,95	36,409	36,947
ССАГПЗ	49,549	53,545	58,424	58,236	58,862	59,6201
Мир	7161,7	7426,6	7841	7909,3	7975,1	8045,3
ССАГПЗ, доля в мировом показателе, %	0,69	0,72	0,75	0,74	0,78	0,74

Источник: составлено по: UNCTADstat.

За весь период исследования общая численность населения стран ССАГПЗ выросла более чем на 10 млн человек (+20,3%). К странам, лидирующим по росту численности населения в абсолютном выражении, относятся Саудовская Аравия — 6,125 млн человек (+19,87%), Оман — 1,108 млн человек (+31,33%), Кувейт — 0,915 млн человек (+26,9%). К странам, замыкающим региональный рейтинг по росту численности населения в абсолютном выражении, относятся Бахрейн — 0,261 млн человек (+21,3%), Катар — 0,81 млн человек (+42,5%), ОАЭ — 0,852 млн человек (+9,8%).

Как видно из табл. 1 и рис. 1, население ССАГПЗ растет более быстрыми темпами, чем в целом в мире и, таким образом, вносит важный вклад в общемировой показатель.

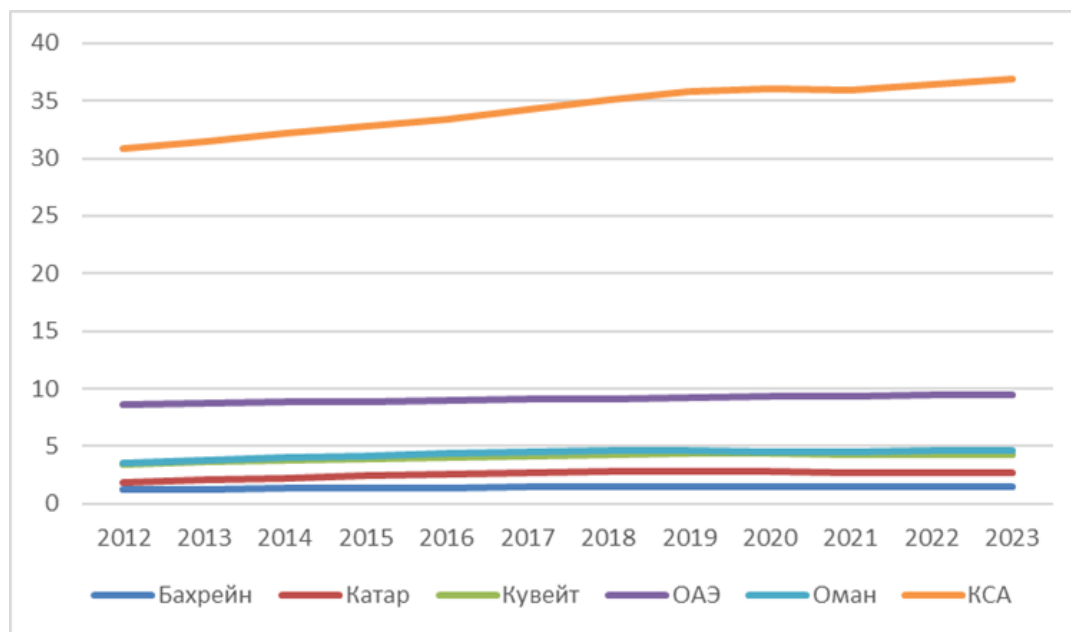

Рис. 1. Динамика населения в странах ССАГПЗ в 2012–2023 гг., млн человек.

Источник: составлено по данным табл. 1.

Так, за исследуемый период совокупное мировое население выросло в 1,23 раза (112,3%), а население ССАГПЗ — в 1,2 раза (120,3%).

Тем не менее, доля населения ССАГПЗ в мировом показателе не достигает даже 1% (табл. 1). Более того, данные табл. 1 и рис. 1 показывают, что в 2020–2021 гг. наметилась тенденция по снижению доли населения ССАГПЗ в мировом показателе и в целом сократилась численность населения в абсолютном выражении (что отразилось отрицательным образом и на экономических показателях) с последующим восстановлением. Причем на 2023 г. количество численность населения в ССАГПЗ не достигла уровня 2019 г., хотя с 2022 г. начался рост населения в рассматриваемых странах. Причиной указанного сокращения стала глобальная пандемия, которая негативно повлияла на демографические процессы в ССАГПЗ в указанный период. При этом численность населения в мире не сократилась, несмотря на пандемию.

Анализ относительных показателей стран ССАГПЗ по численности населения показывает следующее (табл. 2).

Таблица 2.

Доля стран в численности населения ССАГПЗ, 2012–2022 гг. (% от населения ССАГПЗ)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Бахрейн	2,47	2,47	2,51	2,54	2,57	2,60	2,59	2,56	2,53	2,51	2,50	2,49
Катар	3,85	3,99	4,24	4,51	4,73	4,83	4,83	4,81	4,72	4,62	4,58	4,56
Кувейт	6,85	7,15	7,20	7,30	7,38	7,35	7,53	7,61	7,46	7,30	7,25	7,23
ОАЭ	17,49	17,16	16,91	16,65	16,39	16,16	15,94	15,78	15,90	16,08	16,04	15,96
Оман	7,14	7,48	7,67	7,83	8,02	8,10	8,03	7,88	7,78	7,76	7,77	7,79
КСА	62,21	61,73	61,48	61,16	60,91	60,95	61,08	61,36	61,61	61,73	61,85	61,97

Источник: рассчитано по данным табл. 1.

Население Саудовской Аравии составляет свыше 60% от совокупной численности населения в ССАГПЗ (табл. 2 и рис. 2), т. е. это доминирующая по количеству населения страна в объединении, а 2-е место занимают ОАЭ.

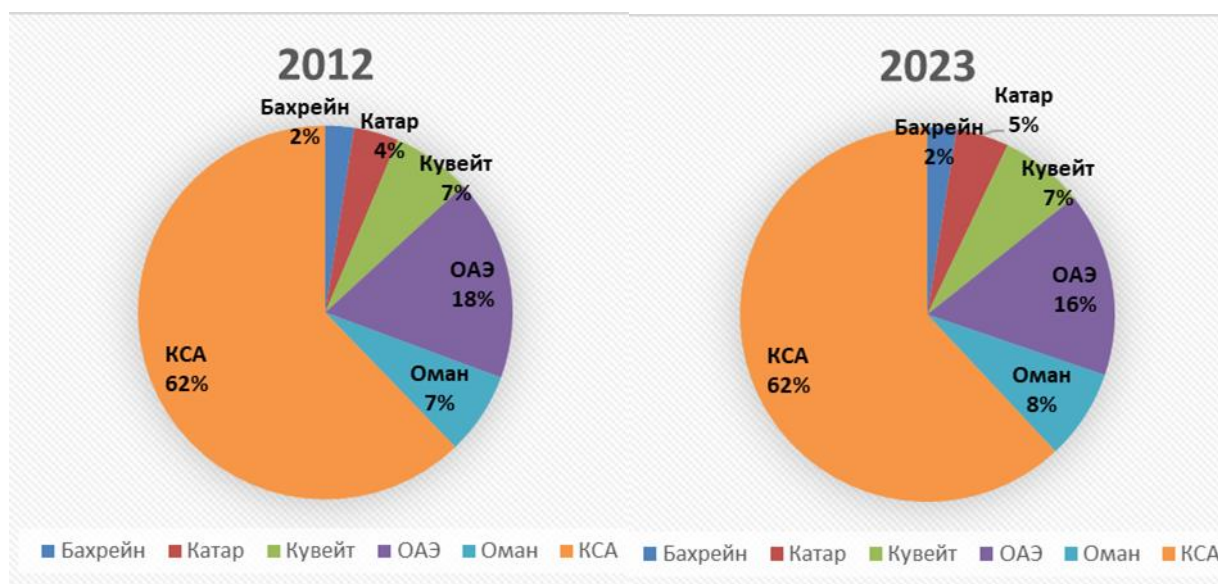

Рис. 2. Доля стран ССАГПЗ в общем количестве населения в 2012 и 2023 гг., %.

Источник: составлено по данным табл. 2.

За исследуемый период выросло население Катара и Омана и доля каждой из этих стран в совокупном показателе ССАГПЗ, но сократилась его доля в ОАЭ. К странам-лидерам по росту численности населения в долевого выражении относятся Катар (+0,73 п. п.), Оман (+0,63 п. п.), Кувейт (0,4 п. п.). К странам-аутсайдерам по росту численности населения в долевого выражении относятся Бахрейн (+0,03 п. п.), Саудовская Аравия (–0,36 п. п.), ОАЭ (–1,45 п. п.).

Как видно из представленных данных, страны ССАГПЗ довольно значительно дифференцированы по показателю численности населения, и в меньшей степени — по численности его роста; эта дифференциация сохраняется и, по-видимому, ситуация не изменится и в перспективе.

В то же время по некоторым демографическим показателям существует определенная общность. Например, это касается доли городских жителей в структуре населения стран ССАГПЗ — она традиционно высокая (табл. 3).

Таблица 3.

Доля городских жителей в общей структуре населения стран ССАГПЗ, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Бахрейн	88,76	88,84	88,91	89,00	89,09	89,19	89,29	89,39	89,51	89,62	89,74	89,87
Катар	98,7	98,79	98,87	98,94	99,01	99,08	99,14	99,19	99,24	99,28	99,32	99,35
Кувейт	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ОАЭ	84,75	85,07	85,37	85,67	85,97	86,25	86,52	86,79	87,05	87,3	87,54	87,78
Оман	77,56	78,88	80,15	81,35	82,5	83,56	84,54	85,44	86,28	87,04	87,75	88,4
КСА	82,52	82,74	82,96	83,18	83,4	83,62	83,84	84,07	84,29	84,51	84,73	84,95
ССАГПЗ	88,7	89,1	89,4	89,7	90	90,3	90,6	90,8	91,1	91,3	91,53	91,7
Мир	52,48	52,93	53,39	53,86	54,32	54,77	55,22	55,66	56,09	56,51	56,93	57,35

Источник: составлено и рассчитано автором по данным: UNCTADstat. Total and urban...

Как видно из табл. 3, в ССАГПЗ имеет место очень высокий уровень урбанизации, и он существенно выше среднемирового. Так, в Кувейте ЮНКТАД фиксирует 100%-ю урбанизацию с 2002 г., а Катар лишь немногим отстает от Кувейта по данному показателю.

Это объясняется географическими и климатическими особенностями: в существующих условиях уровень сельского хозяйства в экономиках стран ССАГПЗ минимален, и это во многом объективно (Русакевич, 2023). Стоит обратить внимание, что в Саудовской Аравии сельскохозяйственный сегмент более развит, соответственно, и доля сельских жителей самая высокая в объединении. Кроме того, городские условия обеспечивают гражданам соответствующих стран более комфортные условия проживания, что очень важно в условиях жаркого климата, доступ к социальным благам и возможностям трудоустройства.

Последнее весьма актуально по ряду причин. Во-первых, из-за роста рождаемости, следствием которого вступает преобладание молодого населения в странах ССАГПЗ (табл. 4 и рис. 3).

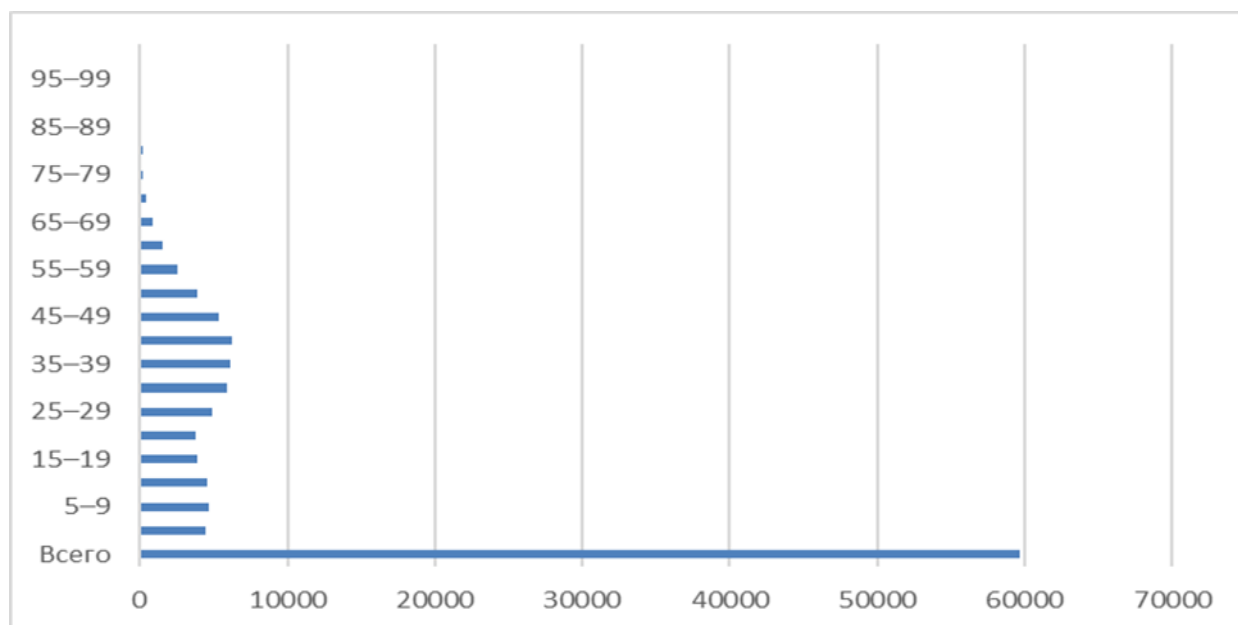

Рис. 3. Возрастная структура населения ССАГПЗ в 2023 г., тыс. человек.

Источник: составлено по табл. 4.

Таблица 4.

Возрастная структура населения в мире и в странах ССАГПЗ в 2023 г., тыс. человек и доля, %

	Всего	0–4	5–9	10–14	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
Мир, млн чел.	8045,3	656,6	682,7	671,9	635,8	607,4	591,9	602,7	577,4	523,1	474,5	
%	100	8,161	8,486	8,351	7,903	7,550	7,357	7,491	7,177	6,502	5,898	
Бахрейн	1486	90	105	100	87	77	121	177	192	156	117	
%	100	6,057	7,066	6,729	5,855	5,182	8,143	11,911	12,921	10,498	7,873	
Катар	2716	134	151	141	102	103	304	439	438	343	229	
%	100	4,934	5,560	5,191	3,756	3,792	11,193	16,163	16,127	12,629	8,432	
Кувейт	4310	230	304	333	258	198	160	192	394	530	529	
%	100	5,336	7,053	7,726	5,986	4,594	3,712	4,455	9,142	12,297	12,274	
ОАЭ	9517	478	487	483	359	507	1122	1467	1466	1177	805	
%	100	5,023	5,117	5,075	3,772	5,327	11,789	15,415	15,404	12,367	8,459	
Оман	4644	420	461	373	282	283	482	585	555	416	280	
%	100	9,044	9,927	8,032	6,072	6,094	10,379	12,597	11,951	8,958	6,029	
КСА	36947	3151	3153	3154	2786	2561	2680	3020	3103	3591	3401	
%	100	8,528	8,534	8,537	7,541	6,932	7,254	8,174	8,399	9,719	9,205	
ССАГПЗ	59620	4503	4661	4584	3874	3729	4869	5880	6112	6213	5361	
%	100	7,553	7,818	7,689	6,498	6,255	8,167	9,862	10,252	10,421	8,992	
		50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85–89	90–94	95–99	100+
Мир, млн чел.	462,4	414,7	336,4	288,2	218,9	140,3	88,3	47,9	18,9	4,37	0,678	
%	5,747	5,155	4,181	3,582	2,721	1,744	1,098	0,595	0,235	0,054	0,008	
Бахрейн	88	66	48	29	16	8	4	2	1	0	0	
%	5,922	4,441	3,230	1,952	1,077	0,538	0,269	0,135	0,067	0	0	
Катар	150	87	51	24	10	5	2	1	0	0	0	
%	5,523	3,203	1,878	0,884	0,368	0,184	0,074	0,037	0	0	0	
Кувейт	452	296	200	122	63	27	16	6	1	0	0	
%	10,487	6,868	4,640	2,831	1,462	0,626	0,371	0,139	0,023	0	0	
ОАЭ	517	307	164	79	40	23	16	15	4	1	0	
%	5,432	3,226	1,723	0,830	0,420	0,242	0,168	0,158	0,042	0,011	0	
Оман	181	116	81	55	37	21	10	5	1	0	0	
%	3,898	2,498	1,744	1,184	0,797	0,452	0,215	0,108	0,022	0	0	
КСА	2501	1700	1020	557	248	150	102	53	14	3	0	
%	6,769	4,601	2,761	1,508	0,671	0,406	0,276	0,143	0,038	0,008	0	
ССАГПЗ	3889	2572	1564	866	414	234	150	82	17	1	0	
%	6,523	4,314	2,623	1,453	0,694	0,392	0,252	0,138	0,029	0,002	0	

Источник: составлено по UNCTADstat Population structure...

Как видно из рис. 3 и табл. 4, в ССАГПЗ преобладает трудоспособное население в возрасте от 20 до 59 лет (64,8% в 2023 г.), в частности, молодежь от 15 до 40 лет, и на долю последних приходится 41% населения от общего количества граждан ССАГПЗ.

Соответственно, этим людям важно, помимо наличия таких социальных благ, как образование, медицина, жилье и др., также и трудоустройство и в целом состояние рынка труда на страновом и региональном уровнях.

Рынок труда стран ССАГПЗ обладает несколькими характеристиками: это трудоустройство граждан ССАГПЗ преимущественно в государственном секторе, сохраняющиеся гендерные и возрастные различия в возможностях трудоустройства, а также значимое влияние международной трудовой миграции и, соответственно, значительное количество иностранной рабочей силы (рис. 4), причем трудовые мигранты востребованы преимущественно в частном секторе ССАГПЗ, в то время как для граждан рабочих мест на частных предприятиях не хватает, как отмечают эксперты (Shayah, Zehou, 2018).

Рис. 4. Соотношение граждан стран ССАГПЗ и трудовых мигрантов в 2023 г., %.
Источник: HR Trends & Practices, Annual Report, 2024.

В регионе существует высокая конкуренция на рынке труда, при этом ведущие компании Саудовской Аравии и ОАЭ конкурируют за привлечение иностранных специалистов, которые составляют большинство их рабочей силы (рис. 4).

Талантливые женщины составляют около 29% рабочей силы, и эту цифру пытаются увеличить многие страны региона. В частности, ОАЭ приложили серьезные усилия к увеличению представленности женщин на руководящих должностях, в то время как другие страны отстали.

Если говорить о географии иностранной рабочей силы, то она достаточно разнообразна, сложилась традиционно под влиянием географических, экономических, исторических, религиозных и иных факторов. Как правило, рынок труда ССАГПЗ привлекает «избыточное» население из бедных стран «Глобального Юга», т. е. людей, которые не могут найти работу — вообще или достойную — в национальных экономиках. Например, исследователи отмечают, что «Индийцы, приезжающие в эти страны для бизнеса, работы и других целей, были очень старым явлением. Даже в до-нефтяную эпоху тысячи индийцев

отправлялись зарабатывать на жизнь в страны ССАГПЗ, и многие из них оседали там навсегда. Однако массовый выезд индийцев на заработки в эти страны стал явлением «нефтяной эры» после 1973 г.» (Azhar, 2016).

Индийцы представляют самую большую группу иностранных граждан, работающих в регионе Персидского залива, за ними следуют местные граждане, а египтяне занимают 3–е место (рис. 5) (Study.... 2024).

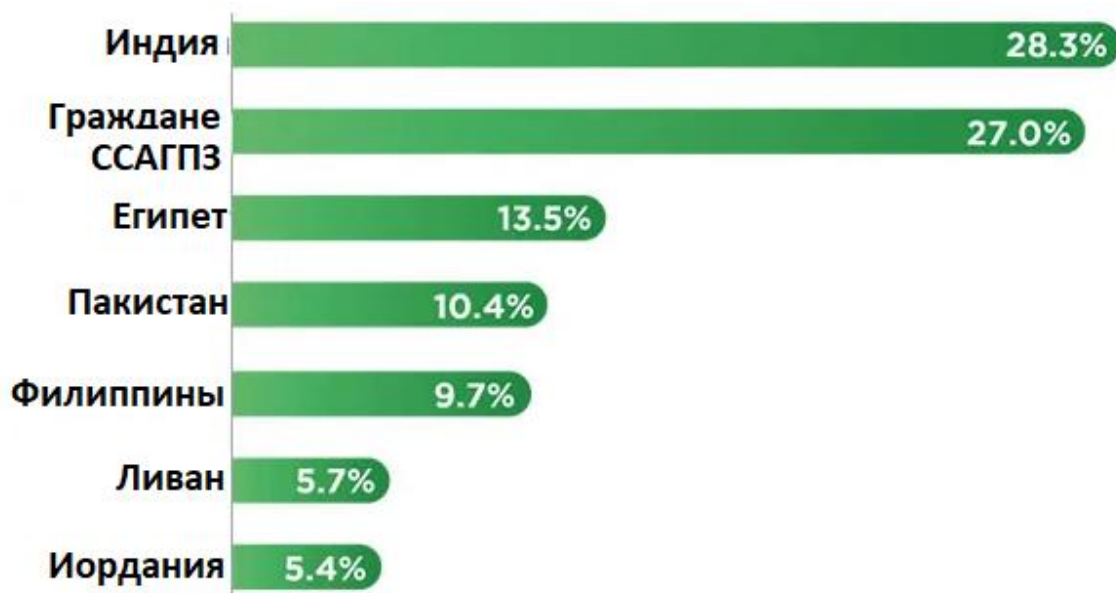

Рис. 5. Подбор персонала и кадровое планирование: географический анализ (люди, ищущие работу в странах ССАГПЗ в 2023 г., по национальности), % от общего количества.

Источник: Study..., 2024.

Кроме того, рынок труда в странах ССАГПЗ, по сути, региональный, так как сформированный в интеграционном объединении таможенный союз как этап его развития предполагает возможность свободного перемещения рабочей силы между всеми странами.

Наконец, на состояние рынка труда и его основные характеристики все более активное влияние оказывает цифровизация экономики (The labor market..., 2022), а технологии остаются наиболее активным сектором для найма: 77% организаций увеличили численность персонала за 2023 г. благодаря постоянным местным и иностранным прямым инвестициям в ключевые области, такие как данные, кибербезопасность и облачные решения (GCC labor market strong; new jobs being created: report, 2023).

Эти факторы влияют на уровень производительности труда в странах региона, который остается невысоким, а также на общий уровень занятости (безработицы) (Arab States Employment and Social Outlook — Trends, 2024). Безработица, особенно среди молодежи, остается одной из серьезных проблем региона ССАГПЗ, что отмечают многие авторы (Alam, et al., 2023; Shayah, Zehou, 2018).

В дополнение к этим факторам, правительственные инициативы, направленные на реформирование рынка труда, также играют важную роль в формировании и обеспечении роста рынка труда ССАГПЗ. Они включают политику, направленную на содействие занятости среди граждан, известную как «национализация» («саудизация» в контексте Саудовской

Аравии, «эмиратизация» в контексте ОАЭ и др.), т. е. установление квот на найм граждан ССАВПЗ на предприятиях. Эта политика уже привела к значительному увеличению числа граждан на рынке труда, способствуя его общему росту. Согласно Весеннему обзору экономики стран Персидского залива (*GEU*), опубликованному Всемирным банком, стратегия эмиратизации подкрепляется новым бюджетом в размере 1,74 млрд долларов, направленным на интеграцию 36 000 граждан в частный сектор к 2024 г. (*Gulf Economic Update*, 2024). Работодатели ОАЭ работают над соблюдением эмиратских квот и диверсификацией своей рабочей силы.

Уровень безработицы в странах ССАВПЗ относительно невысокий: по данным на 2023 г. в Саудовской Аравии он достигал 4,8%, в ОАЭ — 2,71%, в Кувейте — 2,08%, в Омане — 1,46%, в Бахрейне — 1,16%, в Катаре — 0,13%, и это самый низкий показатель в мире в 2023 г. (*Unemployment rate — Cassation of countries*, 2023).

Прогнозируется, что рынок труда стран Персидского залива вырастет в среднем на 2,60% в период с 2023 по 2028 гг. Ожидается, что к 2028 г. рынок значительно увеличится благодаря растущему спросу на рабочую силу для стимулирования экономического и промышленного развития и благоприятному трудовому законодательству в регионе (*GCC Labour Market Report and Forecast 2023–2028*, 2023).

Заключение

В заключении проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в странах ССАВПЗ демографические и миграционные процессы остаются тесно взаимосвязанными в силу высокой рождаемости и необходимости создания новых и высокооплачиваемых рабочих мест для граждан, прежде всего молодых, стран ССАВПЗ, но преимущественно в государственном секторе, что на сегодня обеспечить все сложнее, несмотря на усилия государств. В то же время высокая урбанизация, как показывает мировой опыт, ведет к снижению рождаемости, что в определенной мере имеет место уже и в регионе ССАВПЗ.

Во-вторых, потребности развития экономики и частного сектора ССАВПЗ, а последнее остается важной задачей государственного регулирования, требуют привлечения иностранной рабочей силы в значительных объемах, зачастую превышающих количество трудоустроенных граждан соответствующих стран региона. Здесь стоит отметить объективный рост рабочей силы в регионе и политику государственную «национализации», проводимую в регионе, что может способствовать трудоустройству граждан ССАВПЗ. С другой стороны, этому может содействовать тенденция к диверсификации национальных и региональной экономики под влиянием цифровизации и других современных глобальных тенденций. Однако реализация этого сценария требует значительного времени и целенаправленных и скоординированных усилий стран региона.

В-третьих, на наш взгляд, государственная политика в сфере международной трудовой миграции, в частности, в привлечении иностранной рабочей силы, показала свою высокую эффективность, что наводит на мысль о возможности шире использовать практику стран ССАВПЗ в этой сфере для обеспечения интересов Российской Федерации в современных условиях и в перспективе.

Список литературы

1. Глинская М. В. (2019) Развитие новых энергетических технологий в рамках международного сотрудничества России с перспективными странами-партнерами / В сборнике: Инвестиции и цифровые инновации. Сборник материалов Международного форума. Отв. редактор И. А. Айдрус. 2019. С. 14–31. [Glinskaya M. V. (2019) Development of new energy technologies in the framework of international cooperation between Russia and promising partner countries / In the collection: Investments and digital innovations. Collection of materials of the International Forum. Editor-in-chief I. A. Aidrous. 2019. Pp. 14–31. (In Russian).]
2. Поплавский С. П. (2024) Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность / В сборнике: Проблемы развития социально-экономических систем. Материалы VIII Международной научной конференции молодых учёных и студентов. Донецк. С. 403–405. [Poplavsky S. P. (2024) Trends in the development of the geopolitical situation in the world and international economic security / In the collection: Problems of the development of socio-economic systems. Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Donetsk. Pp. 403–405. (In Russian).]
3. Русакович В. И. (2023) Сельское хозяйство Султаната Оман: современные особенности и роль современных технических возможностей развития // Сегодня и завтра Российской экономики. № 116. С. 52–62. [Rusakovich V. I. (2023) Agriculture of the Sultanate of Oman: modern features and the role of modern technical development capabilities // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 116. Pp. 52–62. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-05
4. Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. (2010) Мировой рынок труда и международная миграция. Москва, 2010. [Ryazantsev S. V., Tkachenko M. F. (2010) The world labor market and international migration. Moscow, 2010. (In Russian).]
5. Федорченко А. В., Артюшкин В. Ф. (2020) Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 26–33. [Fedorchenko A. V., Artyushkin V. F. (2020) Economic penetration into Africa of the Persian Gulf countries // Asia and Africa today. No. 4. Pp. 26–33. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750009089-9
6. Шкваря Л. В. (2023) Страны Западной Азии в процессах международной трудовой миграции: особенности XXI века // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 4 (36). С. 5–19. [Shkvarya L. V. (2023) The countries of Western Asia in the processes of international labor migration: features of the XXI century // International trade and Trade policy. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 5–19. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-5-19
7. Шкваря Л. В. (2011) Иностраный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 39–46. [Shkvarya L. V. (2011) Foreign capital in the Persian Gulf countries // Asia and Africa today. 2011. No. 2 (643). Pp. 39–46. (In Russian).]
8. Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В. (2019) Трансфер технологий и инновационное развитие: Тенденции и перспективы стран Персидского залива. М.: Ленанд. 384 с. [Shkvarya L. V., Solovieva Yu. V. (2019) Technology Transfer and Innovative Development: Gulf Trends and Prospects. Moscow: Lenand, 384 p. (In Russian).]
9. Alam Sh., Ansari Ya., Sha N. (2024) The influence of unemployment and labor force participation rates on economic development in GCC countries: A cointegration approach // Journal of Infrastructure Policy and Development. Vol. 8. Is. 2. DOI: 10.24294/jipd.v8i2.2962

10. Arab States Employment and Social Outlook — Trends 2024. Promoting social justice through a just transition. URL:www.ilo.org/publications/major-publications/arab-states-employment-and-social-outlook-trends-2024-promoting-social
11. Azhar M. (2016) Indian migrant workers in GCC countries // *Diaspora Studies*. Vol. 9. Is. 2. Pp. 100–111. DOI: 10.1080/09739572.2016.1183890
12. HR Trends & Practices, Annual Report 2024 from Procapita Group. URL:www.khaleejtimes.com/kt-network/procapita-annual-report-2023-2024-an-in-depth-analysis-of-labour-market-trends-and-practices-in-the
13. GCC labor market strong; new jobs being created: report. (2023) URL:<https://uaetimes.ae/gcc-labor-market-strong-new-jobs-being-created-report/>
14. GCC Labour Market Report and Forecast 2023–2028. (2023) URL:www.researchandmarkets.com/reports/5897972/gcc-labour-market-report-forecast
15. Gulf Economic Update — Unlocking Prosperity: Transforming Education for Economic Breakthrough in the GCC (2024) URL:<https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099611105142433639/idu18aa68e891ea20146a119b9512b9f6b39facc>
16. Malik M, Nagesh T. (2020) GCC fiscal reforms and labor market policies / *The political economy of the Middle East*. Chapter 10. Pp. 255–279.
17. Shayah H., Zehou S. (2018) Employment in the Gulf Cooperation Council (GCC) Countries — Current Issues and Future Trends / *Conference: Proceedings of the 2nd International Conference on Social Science, Public Health and Education (SSPHE 2018)* DOI: 10.2991/ssphe-18.2019.94
18. Study: Key trends & developments in GCC's labor market. (2024) URL:www.consultancy-me.com/news/8103/study-key-trends-developments-in-gccs-labor-market
19. The labor market in the digital era: What matters for the Gulf Cooperation Council countries? (2022). URL:www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2022.959091/full
20. UNCTADstat Total and urban population, annual, UNCTAD: URL:<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopTotal>
21. UNCTADstat Population structure by gender and age-group, annual, UNCTAD: URL:<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopAgeStruct>
22. Unemployment rate — Cassation of countries. URL:https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Unemployment_rate/MENA/

Demographic processes and labor market development in the GCC countries

Magomed N. Isaev,

PhD in economics, Leading Specialist, Svyaz Energo LLC.

The article presents an analysis of interrelated demographic and migration processes in the region of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf. The demographic situation has a huge impact on economic processes, including GDP production, labor productivity, economic efficiency and competitiveness of the country in the national and international markets. The Gulf countries do not have significant labor resources, despite steady population growth, for objective reasons. Therefore, their economic development depends on the influx of foreign labor, i.e.

international labor migration. In turn, the process of international labor migration is complex, multilevel and contradictory, and at the same time has an ambiguous impact on socio-economic algorithms in the region, especially in the context of growing global challenges. Therefore, in order to maintain the fundamental nature of the study of this issue, its analytical research remains relevant, including for the Russian Federation. The purpose of the study is to determine the trends and features of demographic and migration processes in the GCC, their dynamics and the impact of state regulation at the present stage based on the analysis of statistical data and demographic indicators for 2012–2023. The object of the research in the article is a set of demographic and migration ties and relations in the GCC. The subject of the study is the study of current trends and features, as well as the mutual influence of demographic and migration processes of the GCC in 2012–2023. The author used methods of statistical and comparative analysis.

Keywords: *GCC, demographic processes, labor resources, international labor migration, state regulation of labor migration, "nationalization".*

JEL codes: *E24, F22, F66, J11, J21.*

Внешнеторговый потенциал российских регионов в условиях внешних ограничений

Андреева Елена Леонидовна¹,
Ратнер Артем Витальевич²

Актуальность исследования заключается в том, что значительное сокращение странами Запада торгово-инвестиционных отношений с Российской Федерацией с 2014, и особенно с 2022 гг., вынуждает отечественную экономику, государство и частных субъектов хозяйствования различного уровня и из разных регионов страны активизировать торгово-экономическое партнерство со странами с развивающимися рынками, прежде всего азиатских. При этом возникает ряд исследовательских вопросов: каковы масштабы и границы потребности в активизации таких отношений и каков имеющийся задел в этих отношениях? Для ответа на данные вопросы целесообразно поставить цель исследования — оценить долю дружественных (на 2022 г.) стран в географической структуре российской внешней торговли, причем, в связи с территориальным разнообразием экономики — на уровне регионов — для выявления региональных особенностей этого процесса. В статье авторами проводится оценка географии внешнеторговой деятельности регионов Российской Федерации по следующим показателям: валовой (по всем товарам) экспорт, импорт и внешнеторговый оборот; топливно-энергетический экспорт; импорт машин, оборудования и транспортных средств, — по данным за 2021 г., так как более поздние достоверные данные на момент проведения анализа отсутствовали. В целях проведения объективного исследования авторами взяты ведущие по вышеобозначенным показателям срединный и приграничные (западный и восточный) регионы. Проведенные авторами анализ показал, что географическое положение, в частности, географическое тяготение к дружественным Российской Федерации странам, в большинстве случаев играет важную роль. Дружественные страны обеспечивали в существенную долю российской внешней торговли, что представляет значимую основу для развития отношений с ними.

Ключевые слова: сохраняющийся потенциал, внешняя торговля, географически различные регионы, товарные группы.

JEL коды: F13, F14, F51.

¹ Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; Екатеринбург, Россия.

² Ратнер Артем Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; Екатеринбург, Россия.

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что значительное сокращение странами Запада торгово-инвестиционных отношений вынуждает российскую экономику активизировать партнерство с развивающимися странами Глобального Юга. При этом возникают следующие исследовательские вопросы: каковы масштабы потребности в активизации этих отношений? И каков имеющийся задел в торгово-экономических отношениях с дружественными странами?

Для ответа на эти вопросы целесообразно оценить долю дружественных стран в структуре отечественной внешней торговли. Однако, так как национальное хозяйство Российской Федерации территориально и географически весьма разнообразно, актуализируется необходимость исследовать уровень экономического и внешнеторгового потенциала регионов на примере различных территорий. Поэтому цель исследования заключается в оценке доли современных дружественных по отношению к Российской Федерации государств в географической структуре отечественной внешней торговли на примере отдельных регионов. Гипотеза: доля сохраняющегося в новых мирохозяйственных условиях экспорта и импорта остается значительной, и это свидетельствует о том, что есть большие перспективы в расширении ассортимента и объема торговли России с дружественными странами.

Из имеющейся научной литературы следует, что оценивать экономический потенциал, сохраняющийся в условиях санкций, очень важно, поскольку они могут влиять, в конечном итоге, на уровень дохода (Шкваря, Фролова, 2023. С. 138). Также из литературы (Сычева, 2024. С. 145) следует, что понимание объема изменения внешней торговли необходимо для уяснения того, в каких регионах, по каким товарным категориям и в каком объеме развивать внешнюю торговлю с дружественными странами. И эффект от санкций для национальной экономики анализируется, в том числе в отраслевом разрезе, для разнообразных внутриэкономических показателей (Меланьина, 2020). Так, уже к марту 2018 г. Энергетическим центром бизнес-школы «Сколково» сделан прогноз снижения экспортной выручки в контексте санкций в отношении российской нефтедобывающей промышленности (Лукашин, Рахлина, 2020. С. 11–14). В литературе анализируется изменение валового показателя импорта и экспорта страны в годы санкций, товарная и географическая структура экспорта и импорта страны (Лукашин, Рахлина, 2020. С. 15–16; Широкова, 2019. С. 90–92; Ушкалова, 2022; Гарифуллина, 2019), динамика импорта страной необходимой техники (Шпалтаков, 2018. С. 59–60); в условиях активизации импортозамещения в ведущих отраслях отечественной экономики (Глинская, 2024). Т. е. внешнеторговый потенциал в условиях санкций оценивался и раньше.

Возникает вопрос: зачем измерять такой потенциал для внутристрановых регионов, если достаточно оценить его для национальной экономики в целом? Но ведь важно не только осуществление страной экспортной (импортной) деятельности, но и наличие в ней (в лице тех или иных регионов) международно конкурентоспособных центров роста (Сапир, Карачев, 2014. С. 45). И понять это можно, оценив после возникновения ограничений потенциал в региональном разрезе — в первую очередь, взяв ведущие прежде регионы.

Внешняя торговля российских регионов в условиях санкций 2022 г. в литературе анализируется, однако при этом, как правило, рассматриваются регионы одного федерального округа (Красных, 2022. С. 722). Таким образом, ввиду разнообразия российских регионов,

оценка сохраняющегося внешнеторгового потенциала в товарном разрезе с учётом санкций 2022 г. в масштабах региона страны — и при этом на примере географически разных (но ведущих во внешней торговле) регионов — остается актуальной.

Очевидно, что для проведения анализа этого потенциала важен методологический навигатор. И данным навигатором выступает понимание того, что для российской экономики существует целый ряд зарубежных дружественных экономик, обладающих большими сырьевыми, трудовыми, производственными ресурсами (Андреева, Ратнер, 2015. С. 114): российский экспорт сырья, от которого отказались страны-санкционеры, может быть востребован развивающимися странами, и ими же может быть восполнен российский импорт машинотехнической продукции. А потому и целесообразно оценить, какая доля экспорта сырья и какая доля импорта машинотехнических товаров в условиях внешних ограничений сохранилась, а какой объем актуален для замещения.

Методы и данные

Представленный анализ был проведен в июне 2022 г., но описание его результатов оформилось окончательно только сейчас. Статистика для анализа была взята с веб-сайта ФТС РФ (2022а, 2022б).

Оценить необходимо долю дружественных стран в следующих показателях:

– валовой (по всем товарам) экспорт, валовой (по всем товарам) импорт и внешнеторговый оборот. Отдельно здесь целесообразно рассмотреть торговлю со странами, с которыми у России налажено наиболее тесное торгово-экономическое сотрудничество, т. е. со странами — партнерами России по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), так как их значение как внешнеторговых партнеров для России растет (Ковалева, Абрамян, 2022; Пак и др., 2023);

– экспорт важнейшей товарной группы российского экспорта, от закупки которой отказались западные страны, — продукции топливно-энергетического комплекса (группа 27 товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) ЕАЭС). Здесь можно вычестить из суммарного экспорта данной группы экспорт в страны, чей отказ от закупки упоминался в прессе к моменту взятия данных (май 2022 г.), — США, Британию, Евросоюз, Австралию, Канаду, Японию;

– импорт товарной категории из числа важнейших позиций российского импорта, поставку которой прекратили западные страны: здесь целесообразно взять категорию машин, оборудования и транспортных средств (группы 84–87, 89–90 ТН ВЭД ЕАЭС — по ним на момент обращения к данным статистика публиковалась Федеральной таможенной службой России (ФТС РФ)). Представляется целесообразным взять в целом данную категорию, а также отдельно, для примера — одну из групп, в частности, группу 84: в нее входит энергогенерирующее оборудование, оборудование для добычи энергоресурсов, компьютеры, бытовая техника (стиральные машины, холодильники).

При этом целесообразно рассчитать не только долю экспорта (импорта) отдельной рассматриваемой товарной группы / категории, сохраняющуюся в условиях внешних ограничений, но и долю валового экспорта (импорта), сохраняющуюся в этих условиях.

Оценку, с целью более высокой наглядности, представляется целесообразным провести на примере разных российских регионов:

– как срединных, так и приграничных, при этом как западного приграничного, так и восточного, поскольку они находятся в зоне расположения разных стран — торгово-экономических партнеров России;

– имеющих различную отраслевую специализацию.

При этом целесообразно брать регионы, ведущие по вышеобозначенным показателям: ведущий по валовому экспорту, ведущий по валовому импорту, ведущий по экспорту нефти и т. д.

Поскольку статистика внешней торговли доступна по 2021 г., а санкции в сегодняшнем виде начали действовать в 2022 г., то методическим решением будет взять статистику 2021 г. и рассчитать в ней долю дружественных стран, определяемых путем вычета из валового (по всем странам) значения — значений стран из списка Распоряжения Правительства России № 430-р от 05.03.2022 г. (Правительства РФ веб-сайт, 2022) (52 страны). Все доли (т. е. %-е значения) в статье — расчетные значения, все ранги регионов определены авторами.

Результаты

Анализ по обозначенному выше методическому обеспечению характеризовался следующими особенностями и дал следующие результаты:

– валовой (совокупный по всем товарам) экспорт. Для оценки доли дружественных стран во внешней торговле представляется целесообразным взять из числа субъектов Федерации, занимающих ведущие места по показателю объему внешнеторгового оборота в стоимостном выражении в 2021 г.: западный субъект Федерации — г. Санкт-Петербург (2-е место по объему внешнеторгового оборота; берется не Москва, поскольку она, как столица, администрирует большой объем производственных мощностей и товарных потоков, связанных с внешнеторговой деятельностью, и следовательно, объемы ее внешней торговли несопоставимы с объемами других субъектов Федерации), срединный (срединный с точки зрения географической близости к странам-санкционерам, и не приграничный) — Кемеровскую область (7-е место по объему внешнеторгового оборота) и восточный — Сахалинскую область (11-е место) (рассчитано по (ФТС РФ, 2022b) (табл. 1);

Таблица 1.

Доля дружественных стран (по 2022 г.) в структуре валового экспорта и импорта отдельно взятых географически различных российских регионов, 2021 г.

Регион	Доля (%) из валового импорта (экспорта) (в млрд долл.)
В импорте	
Санкт-Петербург	52,2% из 26,6 млрд долл.
Кемеровская область	62,6% из 826 млн долл.
Сахалинская область	34,4% из 425 млн долл.
В экспорте	
Санкт-Петербург	40,8% из 29,9 млрд долл.
Кемеровская область	38,2% из 15,3 млрд долл.
Сахалинская область	18,5% из 11,5 млрд долл.

Источник: составлено и рассчитано по: ФТС РФ, 2022а; Правительства РФ веб-сайт, 2022.

Если вычесть страны списка Распоряжения Правительства России № 430-р от 05.03.2022 г., то остающаяся доля импорта (т. е. доля дружественных стран) составляет у Санкт-Петербурга — 52,2%, у Кемеровской области — 62,6%, у Сахалинской области — 34,4%. Доля дружественных стран в экспорте Санкт-Петербурга составляет 40,8%, в экспорте Кемеровской области — 38,2%, Сахалинской области — 18,5%. По внешнеторговому обороту в целом значения составляют 46,2%; 39,5%; 19,1% соответственно (табл. 1).

Если рассмотреть отдельно торговлю со странами–партнерами России по ЕАЭС, то доля этих стран в географической структуре импорта Санкт-Петербурга составляет 5,0%, Кемеровской области — 23,7%, Сахалинской области — 0,1%. В структуре экспорта: по Санкт-Петербургу — 10,3%, по Кемеровской области — 7,3%, по Сахалинской области — 0,001%. В целом в структуре внешнеторгового оборота доли составляют: 7,8%; 8,2%; 0,006% (составлено и рассчитано по: ФТС РФ, 2022а);

– экспорт продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27 ТН ВЭД ЕАЭС). Расчеты были проведены на примере трёх регионов страны из числа ведущих по экспорту этой группы — западного, срединного (относительно географической близости к странам–санкционерам) и восточного. 1–е место по экспорту продукции топливно-энергетического комплекса занимает Москва, но поскольку ее данный экспорт (161,5 млрд долл.) обеспечивает 60% суммарного значения страны, то она несопоставима с другими субъектами Федерации. В связи с этим, целесообразно взять субъект Федерации со 2–м местом — г. Санкт-Петербург. В качестве срединного из числа ведущих можно взять Кемеровскую область (4–е место) (полностью срединный регион, в т. ч. не приморский и не приграничный), и в качестве восточного из числа ведущих — Сахалинскую область (5–е место) (составлено и рассчитано по: ФТС РФ, 2022б).

Расчеты показывают, что в случае Санкт-Петербурга не относятся к странам–санкционерам на май 2022 г. (США, Британия, Евросоюз, Австралия, Канада, Япония) 23% из 15,7 млрд долл. экспорта топливно-энергетической продукции, или 47% валового экспорта; у Кемеровской области — 58% из 4,78 млрд долл. топливно-энергетического экспорта, или 69% валового экспорта региона; у Сахалинской области — 77% из 2,39 млрд долл. топливно-энергетического экспорта, или 79% валового экспорта (составлено и рассчитано по: ФТС РФ, 2022а);

– импорт машин, оборудования и транспортных средств (в сумме группы 84–87, 89–90 ТН ВЭД ЕАЭС, а также отдельно группа 84) (табл. 2).

Таблица 2.

Доля дружественных стран (на 2022 г.) в структуре импорта машин, оборудования и транспортных средств отдельно взятыми географически различными российскими регионами

	Доля (%) из валового импорта продукции машиностроения
Санкт-Петербург	52,0% из 12,9 млрд долл.
Новосибирская область	53,8% из 1489 млн долл.
Приморский край	68,0% из 4317 млн долл.
в т. ч. группа 84 ТН ВЭД:	
Санкт-Петербург	42,3% из 4570 млн долл.
Новосибирская область	40,1% из 826 млн долл.
Приморский край	75,3% из 1607 млн долл.

Источник: составлено и рассчитано по: ФТС РФ, 2022а; Правительства РФ веб-сайт, 2022.

В качестве регионов здесь представляется целесообразным взять 3 субъекта Федерации с наибольшим импортом машин, оборудования и транспортных средств, расположенные в разных зонах географической долготы: западный — Санкт-Петербург (3-е место по импорту; 1-е место занимает Москва, но поскольку она, как столица, администрирует много производственных мощностей и товарных потоков страны, и в связи с этим аккумулирует 46% российского импорта продукции машиностроения, то другие регионы с нею несопоставимы; 2-е место занимает Московская область, но рассматриваемые первичные показатели по ней опубликованы ФТС РФ только по 2016 г.), срединный — Новосибирскую область (приграничный, но срединный с точки зрения географической близости к странам-санкционерам) (10-е место) и восточный — Приморский край (6-е место (рассчитано по данным за 2020 г. по: Росстат, 2021. Табл. 22.2).

Расчеты по данным 2021 г. показывают: в случае группы 84 у Санкт-Петербурга сохраняется 42,3% импорта, у Новосибирской области — 40,1%, у Приморского края — 75,3%. В целом по машинам, оборудованию и транспортным средствам у Санкт-Петербурга сохраняется 52,0% импорта, у Новосибирской области — 53,8%, у Приморского края — 68,0%. При этом от валового импорта региона (т. е. от импорта всех категорий товаров из всех стран) зарубежные санкции на поставку в Россию продукции машиностроения оставляют у Санкт-Петербург — 76,7% валового импорта, у Новосибирской области — 81,7%, у Приморского края — 80,8% (табл. 2).

Обсуждение и выводы

Таким образом, анализ показал следующие особенности внешнеторгового потенциала у географически разных (при этом ведущих во внешней торговле) российских регионов:

- страны-санкционеры обеспечивали существенную часть внешней торговли у российских регионов;

- доля стран-партнеров по ЕАЭС относительно невысока. Но все же географическое положение играет важную роль: в случае регионов, относительно близко расположенных к странам ЕАЭС (Санкт-Петербург — к Беларуси, Кемеровская область — к Казахстану), доли выше и большей частью обеспечены наиболее близко расположенными странами ЕАЭС. В частности, в рамках доли стран ЕАЭС у Санкт-Петербурга большая часть — 59% — приходится на Беларусь; в случае Кемеровской области — большая часть приходится на близко расположенный Казахстан (83%) (ФТС РФ, 2022а);

- что касается экспорта топливно-энергетической продукции: чем восточнее, чем географически дальше от европейских стран-санкционеров располагается регион — экспортер энергоресурсов, тем меньший риск представляет для него эта санкция, тем больший экспортный (а следовательно, и импортный) потенциал у региона имеется;

- не всегда в случае ведущих по импорту продукции машиностроения регионов географическое положение влияет на разницу во внешнеторговом потенциале региона, сохраняющемся в условиях внешних ограничений. В частности, во взятых примерах — влияет только в случае дальневосточного региона (но не срединного), вместе с тем, это влияние — существенное;

- в случае ведущих по импорту продукции машиностроения регионов географическое положение влияет на разницу во внешнеторговом потенциале региона, сохраняющемся в

условиях внешних ограничений, не всегда: во взятых примерах в случае срединного региона — не влияет; вместе с тем, в случае дальневосточного региона — влияет, притом существенно;

Общий вывод по результатам проведенного анализа: доля сохраняющегося в новых мирохозяйственных условиях экспорта и импорта (т. е. экспорта и импорта, обеспечиваемых отношениями с дружественными странами) остается достаточно стабильной. Это свидетельствует о том, что есть большие перспективы в расширении ассортимента и объема торговли с развивающимися зарубежными экономиками: Китаем, экономками партнеров по ЕАЭС и по зоне свободной торговли с ЕАЭС, и с другими странами Большого евразийского партнёрства, Африки и Латинской Америки.

Благодарность

Публикация подготовлена во исполнение государственного задания Минобрнауки РФ для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2024 г.

Список литературы

1. Андреева Е., Ратнер А. (2015) Потенциал БРИКС и ШОС // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 111–116. [Andreeva E., Ratner A. (2015) Potential of BRICS and SCO // *World economy and international relations*. No. 4. Pp. 111–116. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-111-116
2. Гарифуллина А. Р. (2019) Экономические санкции и внешняя торговля России / В сборнике: *Новые технологии наукоемкого машиностроения. Материалы международной студенческой научно-практической конференции*. С. 130–133. [Garifullina A. R. (2019) Economic sanctions and foreign trade of Russia / In the collection: *New technologies of high-tech engineering. Materials of the international student scientific and practical conference*. Pp. 130–133. (In Russian).]
3. Глинская М. В. (2024) Антироссийские санкции в отечественной нефтегазовой отрасли: проблемы и перспективы // *Международная торговля и торговая политика*. Том 10. № 2 (38). С. 123–135. [Glinskaya M. V. (2024) Anti-Russian sanctions in the domestic oil and gas industry: problems and prospects // *International trade and trade policy*. Vol. 10. No. 2 (38). Pp. 123–135. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-123-135
4. Ковалева Э. В., Абрамян Т. А. (2022) Оптимизация системы тарифных преференций в ЕАЭС в современных условиях // *Международная торговля и торговая политика*. Том 8. № 3 (31). С. 147–162. [Kovaleva E. V., Abramyan T. A. (2022) Optimization of the system of tariff preferences in the EAEU in modern conditions // *International trade and trade policy*. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 147–162. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-147-162
5. Красных С. С. (2022) Внешнеторговая деятельность Уральского федерального округа в новых мирохозяйственных условиях // *Экономические отношения*. Т. 12. № 4. С. 719–730. [Krasnyh S. S. (2022) Foreign trade activities of the Ural Federal District in the new global economic environment // *Journal of international economic affairs*. Vol. 12. No. 4. Pp. 719–730. (In Russian).] DOI: 10.18334/eo.12.4.116425
6. Лукашин Ю. П., Рахлина Л. И. (2020) Перспективы развития российской экономики в условиях санкций // *Вестник МИРБИС*. № 1. С. 6–22. [Lukashin Yu. P.,

Rakhlina L. I. (2020) Prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions // Bulletin of MIRBIS. No. 1. Pp. 6–22. (In Russian.)] DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

7. Меланьина М. В. (2020) Внешняя торговля России и ЕС: особенности в условиях санкций и цифровизации // Экономика и предпринимательство. № 8 (121). С. 203–206. [Melanina M. V. (2020) Foreign trade between Russia and the EU: features in the context of sanctions and digitalization // Economics and entrepreneurship. No. 8 (121). Pp. 203–206. (In Russian.)] DOI: 10.34925/EIP.2020.121.8.041

8. Пак Е. В., Сорокина Е. Д., Абдуллаева З. Р. (2023) Санкционный режим в отношении России: вызовы и возможности для стран ЕАЭС // Мировое и национальное хозяйство. № 2 (62). С. 15–29. [Pak E. V., Sorokina E. D., Abdullayeva Z. R. (2023) The sanctions regime against Russia: challenges and opportunities for the EAEU countries // World and National Economy. No. 2 (62). Pp. 15–29. (In Russian.)]

9. Правительство РФ веб-сайт (2022) Распоряжение Правительства РФ № 430-р от 05.03.2022 г. [Web site of Government of Russia (2022) Disposal of Government of Russia number 430-r from the 05.03.2022. (In Russian.)] URL:<http://government.ru/docs/44745>

10. Росстат (2021) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. М. 1112 с. [Federal service of state statistics of Russia (2021). Regions of Russia. Socio-economic indicators: Statistical collection. Moscow. 1112 p. (In Russian.)]

11. Сапир Е. В., Карачев И. А. (2014) Кластерная политика как инструмент повышения международной конкурентоспособности региона // Российский внешнеэкономический вестник. № 8. С. 45–59. [Sapir E. V., Karachev I. A. (2014) Cluster policy as a tool for region's international competitiveness improvement // Russian foreign economic journal. No. 8. Pp. 45–59. (In Russian.)]

12. Сычева К. Г. (2024) Торговое сотрудничество России: формирование стратегического партнерства в условиях санкций // Международная торговля и торговая политика. Т. 10. № 1. С. 144–162. [Sycheva K. G. (2024) Russian trade cooperation: forming strategic partnership in the context of sanctions // International Trade and Trade Policy. Vol. 10. No. 1. Pp. 144–162. (In Russian.)] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-144-162

13. Ушкалова Д. И. (2022) Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 218–225. [Ushkalova D. I. (2022) Russia's foreign trade under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association. No. 3. Pp. 218–225. (In Russian.)]

14. ФТС РФ (2022а) Таможенная статистика внешней торговли: Анализ данных (Гибкие запросы). [Federal customs service of Russia (2022) Customs statistics of foreign trade: Analysis of data (Flexible requests). (In Russian.)] URL:stat.customs.ru/analysis (bi.stat.customs.gov.ru)

15. ФТС РФ (2022 б) Таможенная статистика внешней торговли: Документы. [Federal customs service of Russia (2022) Customs statistics of foreign trade: Documents. (In Russian.)] URL:<http://stat.customs.gov.ru/documents>

16. Широкова Е. Ю. (2019) Влияние санкций на внешнюю торговлю России // Научный вестник Южного института менеджмента. № 1. С. 87–94. [Shirokova E. Yu. (2019) Influence of sanctions on foreign trade of Russia // Scientific bulletin of the Southern Institute of Management. No. 1. Pp. 87–94. (In Russian.)] DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-87-94

17. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. (2023) Мьянма в мировой и региональной экономике и сотрудничество с Россией в условиях санкций // Вестник Алтайской академии экономики и

права. № 11. С. 135–141. [Shkvarya L. V., Frolova E. D. (2023) Myanmar in the global and regional economy and cooperation with Russia under sanctions // Bulletin of the Altai academy of economics and law. Vol. 11. Pp. 135–141. (In Russian).] DOI: 10.17513/vaael.3045

18. Шпалтаков В. П. (2018) Проблемы улучшения инвестиционного климата в России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 1. С. 56–66. [Shpaltakov V. P. (2018) Problems of improvement the investment climate in Russia // Herald of Omsk university. Series “Economics”. No. 1. Pp. 56–66. (In Russian).] DOI: 10.25513/1812-3988.2018.1.56-66

The foreign trade potential of Russian regions under external constraints

Elena L. Andreeva,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Regional Comparative Studies at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Yekaterinburg, Russia.

Artem V. Ratner,

PhD of Economics, Senior Researcher at the Center for Regional Comparative Studies at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Yekaterinburg, Russia.

The relevance of the study lies in the fact that a significant reduction in trade and investment relations with the Russian Federation by Western countries since 2014 and especially since 2022 forces the domestic economy, the state and private business entities of various levels and from different regions of the country to intensify trade and economic partnership with countries with emerging markets, primarily Asian ones. At the same time, a number of research questions arise: what are the scales and boundaries of the need to activate such relations and what is the existing groundwork in these relations? To answer these questions, it is advisable to set the goal of the study — to estimate the share of friendly countries (by 2022) in the structure of Russian foreign trade, and, due to the territorial diversity of the economy, at the regional level to identify regional features of this process. In the article, the authors assess the geography of foreign trade activity of the regions of the Russian Federation according to the following indicators: gross (for all goods) exports, imports and foreign trade turnover; fuel and energy exports; imports of machinery, equipment and vehicles, according to data for 2021., since there were no later reliable data at the time of the analysis. The median and border regions (western and eastern) leading according to the above indicators are taken. The analysis carried out by the authors showed that geographical location, in particular, geographical attraction to countries friendly to the Russian Federation, in most cases plays an important role. Friendly countries provided a significant share of Russian foreign trade, which is a significant basis for the development of relations with them.

Keywords: *remaining potential, foreign trade, geographically different regions, commodity groups.*

JEL codes: *F13, F14, F51.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ / GLOBAL TRENDS

Глобальные экономические тенденции и проблемы деглобализации*Шкваря Людмила Васильевна¹*

Сегодня глобальные экономические процессы переживают период структурной трансформации, сопровождающейся нарастанием дисбалансов и конфликтов в мировой экономике и международных экономических отношениях. Важно понимать, каковы пути эволюции этого процесса, его особенности, проблемы, перспективы, а также возможности для отдельных стран участия в современной деглобализующейся хозяйственной системе. Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что одним из основных факторов национального развития и обеспечения экономической безопасности отдельных государств в настоящее время выступает необходимость гибкой адаптации к динамичной и развивающейся системе международных экономических и, в частности, торговых, отношений. Цель статьи — исследовать новые глобальные тренды и их параметры. Предмет статьи — мировая экономика и международные экономические отношения, объект — направления трансформации системы международных экономических отношений и изменение основных макроэкономических параметров. В большинстве случаев развитие мировой экономики характеризуется степенью развития ведущих государств, в связи с этим были рассмотрены основные показатели, характеризующие мировую экономику мира, в том числе и ведущих мировых держав. Методологической основой исследования служат общенаучные методы исследования — исторический и логический, которые позволили провести этапизацию развития мировой экономики, метод научной абстракции, обеспечивший возможность выявить наиболее существенные характеристики мировой экономики в настоящем, научного анализа на основе изучения элементов и основных процессов изучаемого объекта и синтеза, позволившего создать целостную картину объекта. Также применялись статистический метод, наблюдения и сбор фактов. Информационно-эмпирическую основу исследования составили материалы, опубликованные в научной литературе, деловых журналах и прессе, интернет-источниках и других источниках информации. Статистической основой статьи послужили данные международной базы ЮНКТАД. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время мир проходит через новый этап экономического развития, во многом обусловленный как обострившимися и нерешаемыми в рамках существовавшей системы проблемами глобализации, так и другими глобальными тенденциями, такими как цифровизация.

Ключевые слова: мировая экономика, международные экономические отношения, глобализация, деглобализация, мировая торговля, международное разделение труда, БРИКС.

JEL коды: A12, F01, F02, F63, O11.

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Высшая школа экономики и бизнеса, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Введение

Развиваясь на протяжении столетий, мировая экономика прошла длительный путь смены различных этапов в своей эволюции, и каждая последующая стадия обеспечивала новые возможности прогресса, формируя обеспечивая устойчивость системе, отбрасывая неприемлемые аспекты, элементы, отношения, которые тормозят динамику. Сегодня также происходит очередная трансформация глобальной системы, которая у многих отечественных и зарубежных авторов, исследующих систему на протяжении ряда лет, получила название «деглобализация» (Bello, 2002; Paul, 2023; Хейфец, 2023; Корчагина и др., 2023); Комолов, 2021), глобальная дезинтеграция (Буторина, 2022) или фрагментация (Aiyar, et al., 2023). Причем количество исследований тенденции деглобализации нарастает во времени, что говорит как об усилении этой тенденции, форм ее проявления, так и о росте научно-исследовательского интереса к данной проблеме.

В то же время можно с уверенностью утверждать, что деглобализация остается весьма дискуссионным предметом в научной литературе (Smick, 2012) и категория эта все еще неустоявшаяся, как и ее трактовки, характеристики и др. Этим, собственно, и предопределяется необходимость исследования данного глобального феномена, сопровождающегося появлениями как новых основ, так и возможностей для различных стран, в том числе и для Российской Федерации (Кудрова, 2021). Особенно важно исследовать новые риски деглобализации. В этой связи отмечается, что «... понятие деглобализация может использоваться в качестве когнитивного конструкта, при помощи которого под видом деглобализации могут скрываться новые формы глобальной экспансии, направленные на незащищённые национальные экономики» (Сенюшкин, 2024), и с этим можно согласиться.

Понятие и сущность мировой экономики, основные этапы ее развития

Мировая экономика (МЭ) представляет собой сочетание и взаимодействие всех страновых экономик, объединенных системой международных экономических отношений (МЭО) на основе международного разделения труда (МРТ). МЭ объединяет сектора и отрасли, производителей и потребителей национальных экономик, взаимодействующих между собой на внешнем (мировом) рынке. По сути, это переплетение общемирового и государственного производства, распределения, обмена и потребления благ — как материальных, так и духовных.

С последней четверти XX в. в мире активизировался процесс глобализации, другими словами, общемировое хозяйство постепенно, шаг за шагом, трансформировалось в неразрывно связанный рынок традиционных и новых мобильных факторов производства (капитала, рабочей силы), а также создаваемых в мировой экономике товаров и услуг.

Эти товары и услуги в широком и разнообразном ассортименте производятся в различных странах, которым принадлежат имобилизованные факторы производства (земля, т. е. природные ресурсы) и где формируются мобильные факторы (рабочая сила определенной квалификации и в определенном количестве и капитал). В зависимости от наличия (или отсутствия) тех или иных факторов производства, т. е. имеющейся (или созданной странами с помощью целенаправленных усилий) факторной базы, у каждого государства исторически сформировались абсолютные/сравнительные преимущества (возможности) для

возникновения тех или иных производств и видов деятельности, на которых та или иная страна и специализируется.

Но поскольку есть и потребности, удовлетворять которые зачастую не представляется возможным из-за отсутствия у страны национальных возможностей, то государства осуществляют выход на мировой рынок. На мировом рынке они производят обмен собственными специализированными товарами и услугами (производимых в превышающем внутренние потребности объеме) на те, что изготавливаются в других странах в соответствии с их специализацией, и таким образом страны кооперируются. В совокупности специализация и кооперирование представляют собой две составляющие единого процесса международного разделения труда, одним из важнейших результатов которого выступает международная торговля.

У международной торговли (МТ) существуют определенные задачи, которые сформировались исторически в очень давние времена и во многом сохраняются до настоящего времени (рис. 1).

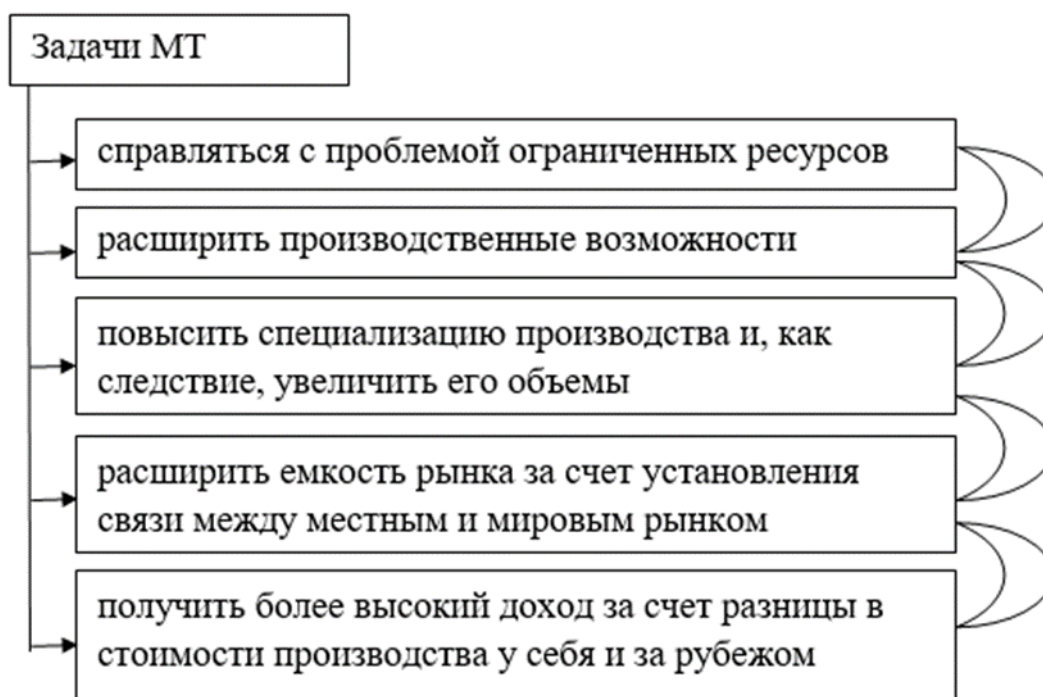

Рис. 1. Задачи мировой торговли.

Источник: разработано автором по: Шкваря, 2006.

На рис. 1 видно, что все эти задачи взаимосвязаны и каждая вытекает из другой, т. е. они комплексные.

Резюмировать вышеизложенное можно следующим образом: МТ существует для: вывоза за рубеж произведенного в стране продуктового избытка — получения там денег (валютной выручки) — приобретения недостающего в стране на эти деньги за рубежом. И удовлетворять потребности в (более) полной мере. Следовательно, МТ состоит из двух неразрывно взаимосвязанных потоков — экспорта (вывоза товаров и услуг, произведенных внутри страны в соответствии с ее специализацией в МРТ, на мировой рынок) и импорта (ввоза с мирового рынка тех товаров и услуг, которые не производятся в стране, но нужны ей для

жизни и прогресса и производятся в других странах в соответствии с их специализацией в МРТ).

Процесс МРТ, МТ и мировой рынок как система отношений между странами по поводу купли-продажи товаров и услуг на глобальном уровне, объединяют государства в определенную взаимосвязанную и весьма иерархичную систему. Причем, чем менее диверсифицированы экономики тех или иных стран и чем больше, в то же время, они потребляют импортных товаров (по объемам или по значимости для страны) на мировом рынке, тем больше они «завязаны» на этот рынок, зависят от него, порой даже в ущерб национальной экономической безопасности, как, например, африканские государства (Глинская, Крюков, 2024). Особенно если учесть, что развитые «партнеры» на фоне внешнеторговой экспансии, основы теории которой, по сути, заложил и разработал еще Адам Смит, зачастую «формируют» как потребности, так и «привязку» развивающихся стран к мировому рынку на основе этих потребностей.

Эта проблема стоит тем более остро, что существующая в мире с 1995 г. ВТО (Всемирная торговая организация) формирует достаточно агрессивные правила международной торговли, классифицирует товары, разрабатывает механизмы оплаты импорта (включая валюту платежа), контролирует «поведение» страны на мировом рынке (как продавца и как покупателя). Все страны, вступившие в организацию, а их на 2024 г. в общей сложности более 160, принимают на себя обязательства «слушаться» ВТО и выполнять ее требования и правила, даже в ущерб собственным интересам, тем более, что эти правила в первую очередь разработаны для обеспечения интересов развитых стран (Захарова, Русакович, 2016). Например, если ВТО требует от страны не производить какой-то товар внутри, а покупать его на мировом рынке (по любой причине — экология, недопустимость поддержки национального производителя, отсутствие контроля со стороны «мирового сообщества» и др.), то стране следует отказаться от такого производства, даже если это нанесет ей ущерб. В противном случае могут быть введены рестрикции и санкции.

Стоит отметить, что санкции, введенные против Российской Федерации в 2014 г., напрямую противоречат правилам ВТО и являются нелегитимными (Nevskaya, 2015; Шкваря, 2017), но кого это останавливает?

Причем инициаторами глобальной интеграции были именно «развитые» страны, нуждавшиеся как в ресурсах колоний (будучи малыми и бедными в этом отношении), так и в их рынках, где можно было сбывать произведенное из колониального сырья за достаточно высокую цену, навязывая живущим там народам «европейскую культуру» и «европейские ценности», зачастую — с помощью огнестрельного оружия, а также миссионерской (религиозной) деятельности, столь же жесткой. Как бы иначе полинезийцы, например, одели на себя привезенные из Англии штаны, произведенные из английской ткани на английских фабриках для обеспечения их доходов? Тем более, что суконная одежда не соответствует ни культурным и религиозным, ни климатическим характеристикам данной географической локации.

Ключевая характеристика мировой экономики — неразрывная, причем усиливающаяся, взаимосвязь стран, т. е. формирование устойчивой внеэкономической, а затем — экономической зависимости колоний, а сейчас — менее развитых стран — от «центра», нуждавшегося в устойчивой ресурсной базе для обеспечения стабильного развития и воспроизводства сформированной им системы выкачивания ресурсов в свою пользу, которую в определенном смысле можно назвать паутиной.

Мировая экономика как система сформировалась эволюционно, в течение ряда столетий и этапов (табл. 1).

Таблица 1.

Эволюция мировой экономики: основные этапы

№ п/п	Период	Характеристики
1.	XV–XVII вв.	Зарождение мировой колониальной системы и на этой основе — мирового капиталистического рынка (великие географические открытия, появление колонии, революция цен, мануфактурный период), МРТ. Особенности МТ — неэквивалентный обмен и внеэкономическое принуждение к торговле со стороны метрополий.
2.	XVII — 1-я половина XIX в.	Формирование и углубление резкой асимметрии роли, динамики, уровня развития «центра» и «периферии», т. е. Западной Европы (метрополий), с одной стороны, и других стран и континентов (колоний), с другой. МТ — инструмент первоначального накопления капитала и перераспределения мирового валового продукта в пользу Запада за счет неэквивалентного обмена.
3.	XIX — 1-я половина XX вв.	Формирование системы общемирового разделения труда и на этой основе всемирного хозяйства (электротехническая революция, двигатели внутреннего сгорания, экономический раздел мира, переход к монополистическому капитализму). Возникает трансконтинентальный и трансокеанский транспорт. Происходит концентрация капитала, прежде всего в тяжелой промышленности.
4.	Вторая половина XX века	Функционирование системы общемирового разделения труда, усиление взаимозависимости экономик всех стран (научно-техническая и технологическая революция, процессы интернационализации и интеграции). Данный этап мирового развития связан с глобализацией мировой экономики и переходом ключевых позиций в ее развитии к транснациональным корпорациям (ТНК) и транснациональным банкам (ТНБ), а также глобализации рынков.
5.	Начало XXI в. — н. вр.	Развитие и усиление противоречий глобализации и ее рисков, включая санкционное и другие виды политического давления на страны мира для обеспечения гегемонистских позиций мирового меньшинства и сохранения этим меньшинством экономических преимуществ.

Источник: разработано автором.

Техническую возможность формирования такой системы обеспечил НТП, создавший преимущества для динамического развития производства как источника дохода, который можно было реализовать в рамках системы мировой торговли, тоже сформированной Западом, на основе фактического «назначения» для каждой страны и/или территории ее специализации и создания системы контроля над неукоснительным выполнением поставленных требований.

Причем дальнейшее развитие НТП, сегодня имеющее проявление в Индустрии 4.0., также выступает одним из инструментов поддержания «системы зависимости» от запада, так как именно в развитых странах осуществляются ведущие на сегодня технические и технологические разработки и производятся соответствующие наиболее передовые виды техники, включая ИИ и другие цифровые факторы производства, экспортируемые (или не экспортируемые, по произволу западных стран) в те или иные государства с развивающимися рынками (Соловьёва, 2016). Цифровизация мировой экономики также несет в себе угрозы для многих стран с «Глобального Юга», в том числе и за счет углубления «цифровых разрывов» (Меланьина, Пономарева, 2021). Эта тенденция также представляет собой одну из современных угроз глобализации.

Поэтому в последние четверть века сформированная и налаженная западными странами система, функционирующая в рамках трендов глобализации, постепенно начинает давать сбои, генерировать риски и вызовы для стран и в целом глобального хозяйства (Поплавский, 2024). Развивающиеся страны усиливают свои позиции в мировой экономике и торговле, даже в мировой финансовой системе. Они осуществляют диверсификацию своей экономики, вопреки разрабатываемым для них международными организациями, такими, как МВФ и Всемирный банк, «программами развития», наращивают внешнюю торговлю, ориентированную на партнеров «Глобального Юга» для более эквивалентных и взаимовыгодных отношений, постепенно трансформируя систему мировой торговли.

Со своей стороны, развивающиеся страны все чаще ограничивают возможности коллективного Запада по безвозмездному выкачиванию мировых ресурсов, стремясь уменьшить разрывы в уровнях социально-экономического развития. Отдельным странам это удается, например, Китаю, Индии, некоторым другим государствам. Поэтому в мировой экономике нарастают проблемы и противоречия различного уровня, в том числе глобальные.

Глобальные проблемы мировой экономики как последствия глобализации

Существует достаточно много глобальных проблем мировой экономики, таких как проблема преодоления отсталости развивающихся стран, усиление проблем, связанных с национальной безопасностью стран в различных сферах, преодоление голода, болезней, охрана окружающей среды (рост экологических проблем) и многие другие.

Сегодня пул глобальных проблем пополняет рост цифровых разрывов, климатические угрозы, усиливающиеся локальные военные конфликты, которые нарушают транспортно-логистические коридоры и перемещения потоков товаров на мировой рынок, традиционно контролируемые западными странами. Глобальная пандемия в 2019–2020 гг. привела мир к экономической рецессии и затронула практически все страны МЭ. Также можно отметить рост волатильности мировой экономики и торговли, в том числе — из-за все чаще применяемых западными странами на мировых рынках санкций, рестрикций, «торговых войн». Имеют место периодические проблемы с «перегревом» финансовых рынков и т. д.

Другими словами, количество и «качество», а также «ассортимент» глобальных проблем растет с каждым десятилетием, существующая система международных институтов не справляется с их прозападным регулированием. По мнению экспертов, основной причиной этого выступает глобализация мировой экономики, качественно нарастающая с 1980-х гг. и усиливающая разбалансирование глобальной социально-экономической системы

Дело в том, что увеличивавшаяся на протяжении десятилетий глобальная экономическая интеграция, переплетение экономических интересов, интернациональный уровень хозяйственной деятельности различных субъектов, транснационализация и другие компоненты глобализации МЭ (рис. 2), будучи взаимосвязаны, приводят к тому, что негативные процессы в отдельных экономиках, например, инфляционные, «проникают» или даже «продвигаются» в экономики других стран и регионов.

Рис. 2. Компоненты глобализации мировой экономики.

Источник: Шкваря, 2008.

Практически каждый компонент глобализации порождает ту или иную (или даже несколько) глобальных проблем в МЭ, которые также взаимосвязаны между собой. Структурирование основных глобальных проблем человечества и их взаимосвязи с компонентами глобализации, представлено в табл. 2.

Таблица 2.

Взаимосвязь и взаимозависимость компонентов глобализации и глобальных проблем мировой экономики

№ п/п	Компонент глобализации	Глобальная проблемы	Сущность глобальной проблемы
Экономические проблемы			
1.	Рост интернационализации воздействия производства и	Экологическая проблема и ее негативное влияние на экономическую и социальную сферу	Истощение ископаемых и других природных ресурсов; катастрофическое загрязнение экосистемы; глобальное

	потребления на окружающую среду		потепление снижение биоразнообразия; и др.
2.	Углубление интернационализации производства	Углубление социально-экономического неравенства и рост зависимости развивающихся стран	Рост интернационализации производства может усилить зависимость стран от мирового рынка и увеличить уязвимость экономики перед внешними шоками, такими как финансовые кризисы или сбои в поставках, а также безработица. Переход влияния и контроля над экономикой отдельных стран в руки других, более сильных государств.
3.	Формирование глобальной инфраструктуры	Неравенство в доступе к этой инфраструктуре, включая цифровые разрывы	Неравномерное распределение финансовых и технологических ресурсов в разных странах может привести к тому, что развитые страны будут иметь преимущество в доступе к передовым технологиям и инфраструктуре, в то время как развивающиеся страны могут отставать и оставаться вне общемировых потоков торговли и коммуникаций.
4.	Глобализация производительных сил	Обострение конкуренции между странами	Развитые страны могут себе позволить современные технологии и оборудование, что делает их более конкурентоспособными на мировом рынке, в то время как развивающиеся страны часто остаются отсталыми и неспособными конкурировать. Это может привести к увеличению бедности и социальному неравенству в мире.
5.	Рост масштабов международной миграции рабочей силы	Обострение социально-экономических проблем	Во-первых, может привести к дискриминации и эксплуатации мигрантов – они могут оказаться без прав и социальной защиты. Во-вторых, может вызвать напряженность местного населения, из-за угроз увеличения конкуренции на рынке труда. В-третьих,

			может привести к увеличению числа беженцев и мигрантов, что создаст дополнительные нагрузки для стран, принимающих их.
6.	Углубление интернационализации капитала	Обнищание стран и населения, рост внешнего долга	Возможная дестабилизация финансовой сферы. Рост зависимости от мировых финансовых рынков и их динамики, от «программ развития» международных экономических и финансовых организаций.
7.	Углубление интернационализации обмена	Проблема отсталости развивающихся стран	Ограничение возможности диверсификации национальных экономик в отдельных странах и регионах мира.
Социальные проблемы			
8.	Нарушение прав человека в различных социальных и экономических аспектах (образование, работа, еда, медицина, отдых и др.) в развивающихся странах, увеличение разрыва в уровнях жизни	Демографическая проблема	Высокие темпы роста численности населения (демографический взрыв) в развивающихся странах, невысокие показатели рождаемости в развитых странах (демографический кризис). Нищета, голод и неграмотность населения слаборазвитых стран.
9.		Проблема здравоохранения	Углубляющееся неравенство в возможности получения медицинской помощи между развитыми и развивающимися странами.
10.		Продовольственная проблема	Углубляющееся неравенство в возможности получения продовольствия между развитыми и развивающимися странами.

Источник: разработано автором.

Глобализация мировой экономики на протяжении ряда десятилетий выступала наиболее важной тенденцией, определяющей мировое развитие. Анализ закономерностей глобализации остается важной исследовательской задачей. Одной из важнейших особенностей глобализации мировой экономики служит ее системный характер.

В контексте системной глобализации современная мировая экономика характеризуется ускорением изменений в ее структуре. Изменение в структуре мировой экономики связано с появлением региональных экономических объединений и активизации деятельности межгосударственных альянсов различного значения, например, Африканский Союз, ОПЕК и др. Под влиянием процессов глобализации меняется содержание уже функционирующих

институтов мировой экономики и формируются новые институциональные структуры, например БРИКС и его институты, такие, как банк БРИКС.

Существует различное отношение экономистов и политиков к процессу и проблемам глобализации мировой экономики. Одни ученые, в основном, западные, в том числе и эксперты международных организаций, традиционно обосновывают точку зрения, что все проблемы глобализации — это просто «трудности роста», и они связаны с нежеланием отдельных стран, например Китая и России, поддерживать «порядок, основанный на правилах» (Overview, 2024).

В соответствии с этими подходами осуществляются и определенные экономические и политические шаги на мировом уровне, которые предпринимают западные страны, и шаги эти направлены на поддержание существующего миропорядка, т. е. глобализации. Этой целью широко применяются разнообразные и многочисленные санкции и другие негативные явления в мире.

Другие авторы утверждают, что мировой «порядок, основанный на правилах» постепенно уходит в прошлое, так как «Глобальный сдвиг в экономическом и производном от него политическом влиянии трансформирует международный порядок, установленный после Второй мировой войны, приводя к возникновению полицентричного порядка, а не порядка, в котором доминирует Запад» (Нежданов, 2022).

Современные тенденции развития мировой экономики: деглобализация

Ведущей тенденцией со второй половины XX века можно назвать глобализацию, то есть процесс усиления экономической интеграции между странами, приводящая к слиянию отдельных национальных рынков в один всемирный рынок товаров работ и услуг

Кроме того, одной из ключевых тенденций нынешнего развития МЭ можно назвать рост неравномерности социально-экономического развития стран мира. Но на данном этапе он проявляется не столько в усилении общего разрыва экономического положения между странами с развитой рыночной экономикой (объединенных в международную Организацию экономического содействия развитию, ОЭСР), с одной стороны, и государствами с развивающимися рынками (развивающимися странами), с другой. Сегодня ситуация складывается таким образом, что именно страны «Глобального Севера» (ГС) стали проигрывать «экономическое соревнование государствам «Глобального Юга» (ГЮ).

Это проявляется, например, в том, что «Глобальный Север» постепенно уступает «Глобальному Югу» в динамике и стоимостных объемах производства ВВП и других макроэкономических показателях. Таким образом, что сегодняшний рейтинг стран мира по ВВП отражает этот процесс, продолжающийся, как минимум, на протяжении последних 10-ти лет, в достаточно полной мере (рис. 3).

Как видно из рис. 3, в ТОП–5 государств мира по объему произведенного ВВП, по данным за 2022 г., входят не только «традиционные лидеры» мировой экономики (США, Германия, Япония), но Китай и Индия, что противоречит экономическому духу «порядка, основанного на правилах». При этом, если в США, КНР и Индии динамика производства ВВП в стоимостном выражении имеет тенденцию к росту, то в Германии и Японии эта динамика диаметрально противоположная, что позволяет говорить о том, что перспективы возможности поддержания этими странами своих глобальных экономических позиций весьма неустойчивы.

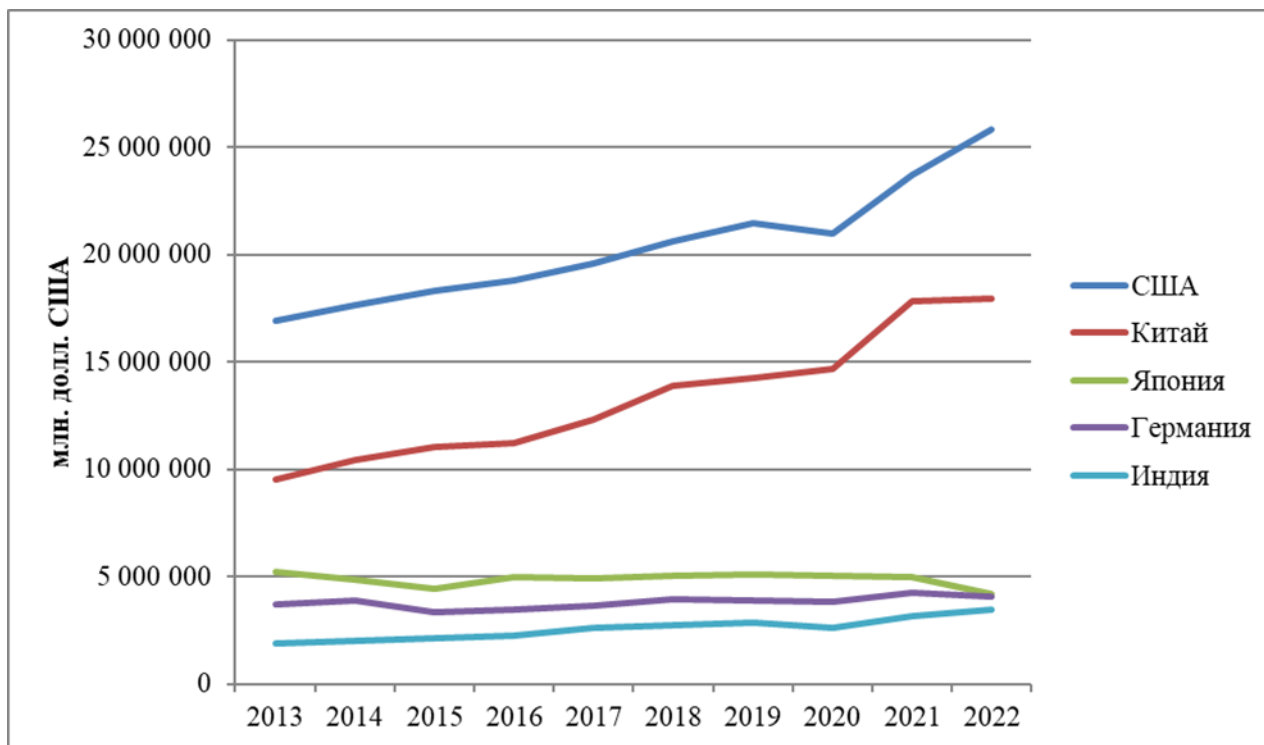

Рис. 3. Ведущие страны мира по объему ВВП в 2013–2022 гг., млн долларов.

Источник: составлено по UNCTADstat.

Этот вывод отчасти был подтвержден по итогам 2023 г., когда Мировой банк признал Российскую Федерацию 5-й экономикой мира.

В то же время, как видно из рис. 4, в мировой экономике не происходит резкого краха и коллапса по этому поводу, она развивается достаточно поступательно, что говорит о росте объемов ВВП в странах Глобального Юга, в том числе Ближнего Востока, стран АСЕАН, государств Африки (Египет, Нигерия и др.).

Падение глобальной экономической динамики в 2014 г., затронувшее многие страны мира, в том числе — Японию и Германию (см. рис. 3 и 4), было связано с попытками политического и экономического давления стран «Глобального Севера» на Российскую Федерацию посредством введения против нашей страны антироссийских санкций в связи с возвращением полуострова Крым в «родную гавань», что имело место на основе проведения демократического референдума. Эта процедура, предусмотренная международным правом, не соответствует «порядку, основанному на правилах». В этой связи «коллективный Запад» предпринял попытку подорвать с помощью санкций экономику России и ее хозяйственный потенциал.

Но Россия, хоть и не является очень крупным экспортером, остается, однако, экспортером стратегических сырьевых ресурсов, продовольствия, топлива и др. Поэтому давление на российскую внешнеэкономическую сферу привело к ухудшению глобальной конъюнктуры на многих рынках и нанесло глобальный же ущерб в мировой экономике в целом.

Только в 2016 г. начался экономический рост в мировой экономике (рис. 4).

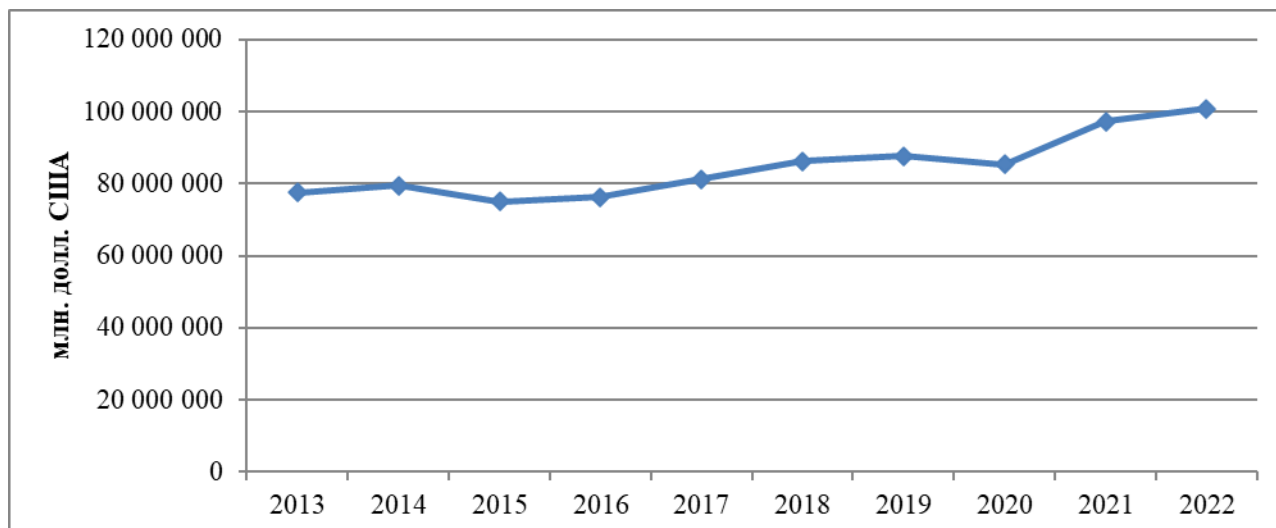

Рис. 4. Динамика объема ВВП по всему миру в 2013–2022 гг., млн долларов.
Источник: составлено по UNCTADstat.

Однако он был нарушен в определенной степени началом «торговой войны» США против КНР в 2018 г., а также наступившей практически сразу после этого глобальной ковидной пандемией 2019-2020 гг., которая внезапно разразилась, охватив подавляющее большинство стран и нанесла им экономический и демографический ущерб вследствие уменьшения производства и потребления, в том числе — падения объемов мирового и странового экспорта и импорта, сокращения транспортно-логистических процессов, потоков международного туризма и др.

А поскольку основной пострадавшей от пандемии страной стал Китай, то сократились объемы его производства (рис. 3), внешней торговли, уменьшились и другие составляющие международного сотрудничества КНР. Это, в свою очередь, негативно отразилось и на государствах-партнерах Китая. А поскольку КНР сегодня является крупнейшим мировым производителем и экспортером промышленной продукции широкого ассортимента, востребованной на многих национальных рынках, то в мировой экономике запустилась «цепная реакция» негативных рецессивных процессов. «По прогнозам МВФ, темпы роста мировой экономики к 2030 г. снизятся до уровня чуть выше 3%, что на 1 процентный пункт меньше, чем до пандемии» (Глава МВФ заявила..., 2024). Причиной этого специалисты МВФ называют «фрагментацию», т. е. отказ стран от глобализации.

В результате названных выше процессов, во многом спровоцированных целенаправленными и осознанными действиями западных стран, в мировой экономике активизировались дисбалансы и вызовы в различных сферах. Одной из таких сфер выступает инфляция, существенно усилившаяся, по данным ЮНКТАД, в том числе — в крупнейших экономиках мира (рис. 5).

Как известно, инфляция существенно нарушает «экономическое здоровье» в стране, где она нарастает: ухудшаются возможности для производства и торговли, снижаются спрос и предложение, замедляется экономический рост. В 2022 г. рост инфляции в западных странах оказался для них неожиданным процессом. Она была спровоцирована как «отложенной» реакцией на нарушения в экономиках, вызванное глобальной пандемией, так и ростом цен на

основных сырьевых рынках, вызванное очередным витком санкционной войны против России и усилением политической нестабильности в мире.

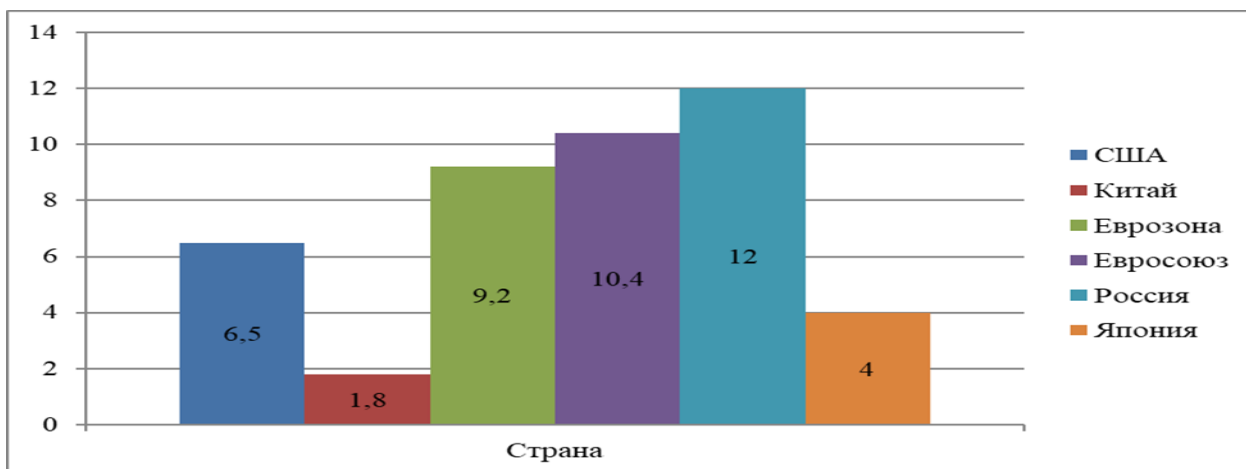

Рис. 5. Уровень инфляции в крупнейших мировых странах в 2022 г., %.
 Источник: составлено по UNCTADstat.

Далее рассмотрим показатели государственного долга в мире за 2022 г. Государственный долг — это сумма обязательств, возникающих в результате заимствований правительства для покрытия дефицита бюджета и на прочие цели.

На рис. 6 представлен рейтинг стран по уровню государственного долга на душу населения.

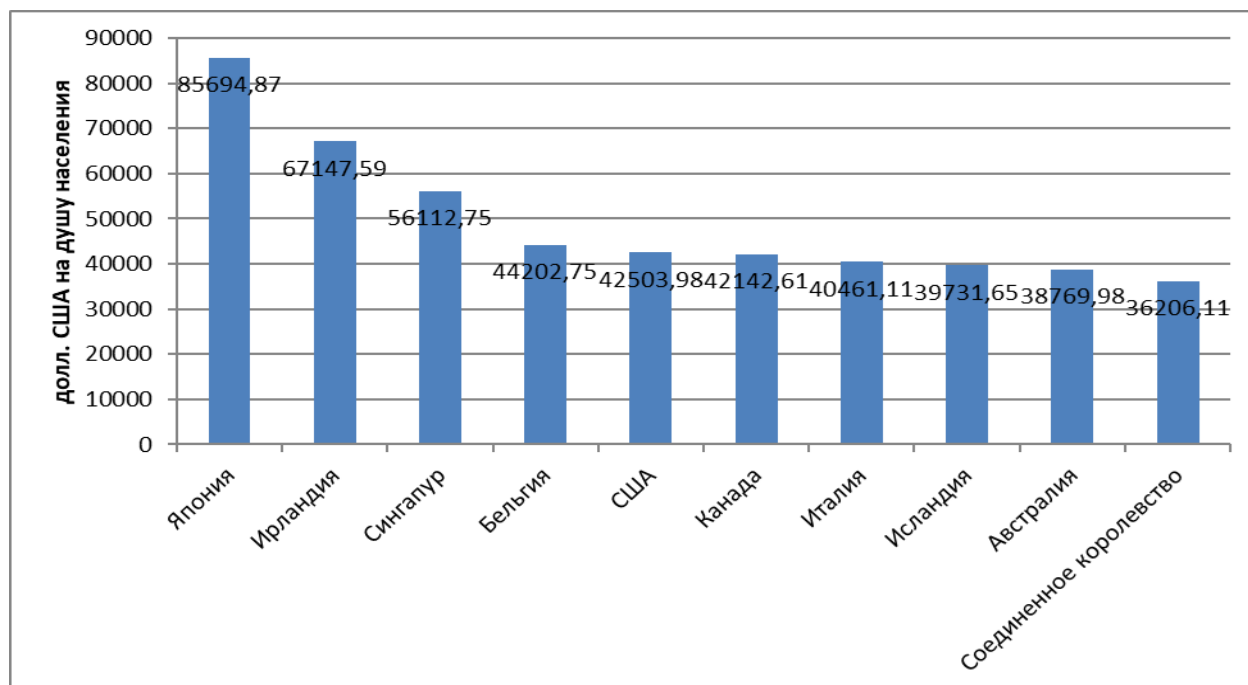

Рис. 6. Рейтинг стран по уровню государственного долга на душу населения в 2022 г., долларов.

Источник: составлено по UNCTADstat.

Япония, страна с наибольшим количеством задолженности на душу населения, на каждого японца приходится 85 694,87 долл. госдолга Японии, гораздо больше, чем в любой другой стране. В Ирландии также высокий уровень госдолга, показатель равен 67 147,59 долл. Другие страны, где показатель велик, это развитые страны: США, Бельгия, Австрия, Великобритания, Италия, Германия и другие, так как к развитым странам доверие инвесторов выше.

Страны с наименьшим объемом государственного долга — это относительно бедные страны. Бедные страны, как правило, не имеют возможности взять на себя большой государственный долг.

Еще одними показателями, характеризующими мировую экономику, выступают стоимостные объемы и динамика экспорта и импорта. Экспорт и импорт — это основные формы международной торговли, которые обеспечивают конкурентоспособность страны на мировой арене. Проанализируем объем товарного экспорта и импорта в мире за последние 10 лет.

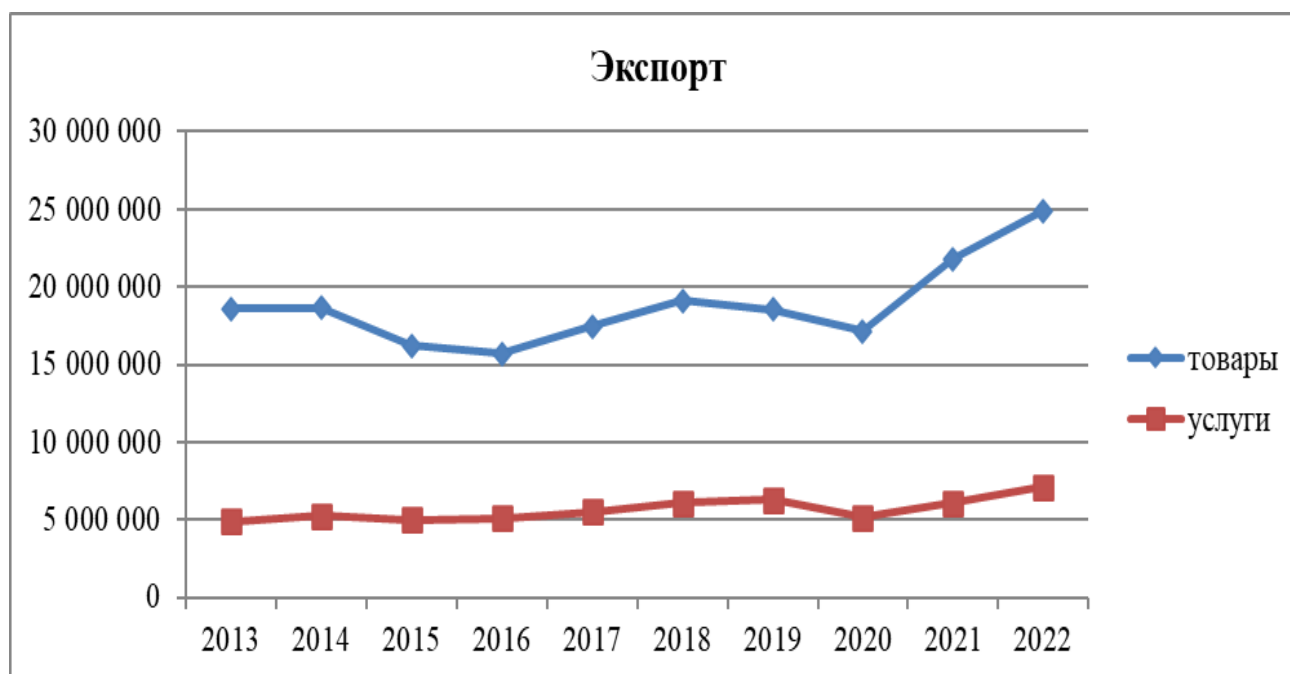

Рис. 7. Объемы экспорта в мире, 2013–2022 гг., млн долларов.

Источник: составлено по UNCTADstat.

По данным с 2013 по 2022 гг. (рис. 7) видно, что в мире наблюдается динамика роста объемов экспорта товаров и услуг. По итогам 2022 г. объем экспорта товаров составил 24 926 251 млн. долл., объем экспорта услуг 7 127 056 млн долл. Показатели увеличились по сравнению с 2013 г. на 33,9% и 45,7% соответственно. Проанализируем объем импорта страны за 2011–2021 гг. По данным с 2013 по 2022 г. (рис. 8) видно, что в мире наблюдается динамика роста объемов импорта товаров и услуг.

По итогам 2022 г. объем экспорта товаров составил 25 670 141 млн долл., объем экспорта услуг — 6 601 510 млн долл. Показатели увеличились в 2022 г. по сравнению с 2013 г. на 42,1% и 39,6% соответственно.

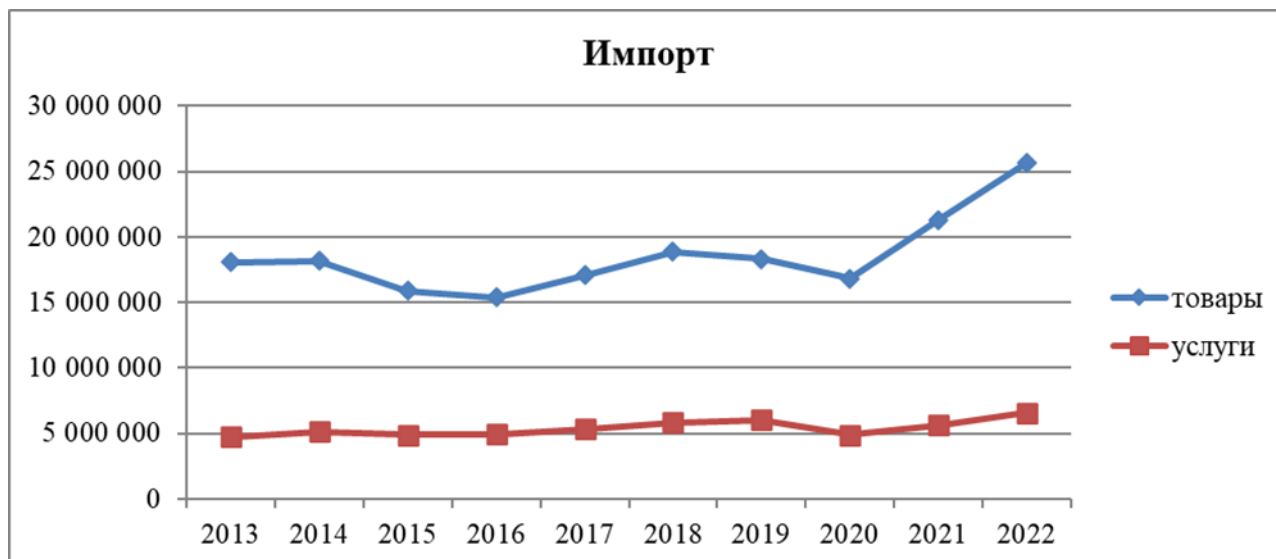

Рис. 8. Объемы импорта в мире, 2013–2022 гг., млн долларов.

Источник: составлено по UNCTADstat.

Одной из причин и одновременно последствий волатильности в сфере мировой экономики выступает рост ограничений, вводимых национальными государствами, в том числе и развивающимися, в международной торговле и вывозе капитала. Так, «Количество торговых ограничений в мировой экономике увеличилось в 4 раза за последние годы, заявила Кристилина Георгиева, директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ). Она также признала, что подобный механизм негативно сказывается на глобальной экономической ситуации. Глава МВФ рассказала, что количество принятых ограничений в рамках промышленной политики достигло 2,5 тысяч за последние годы. По ее словам, 70% из них оказывают разрушительное воздействие на торговлю» (Глава МВФ заявила..., 2024).

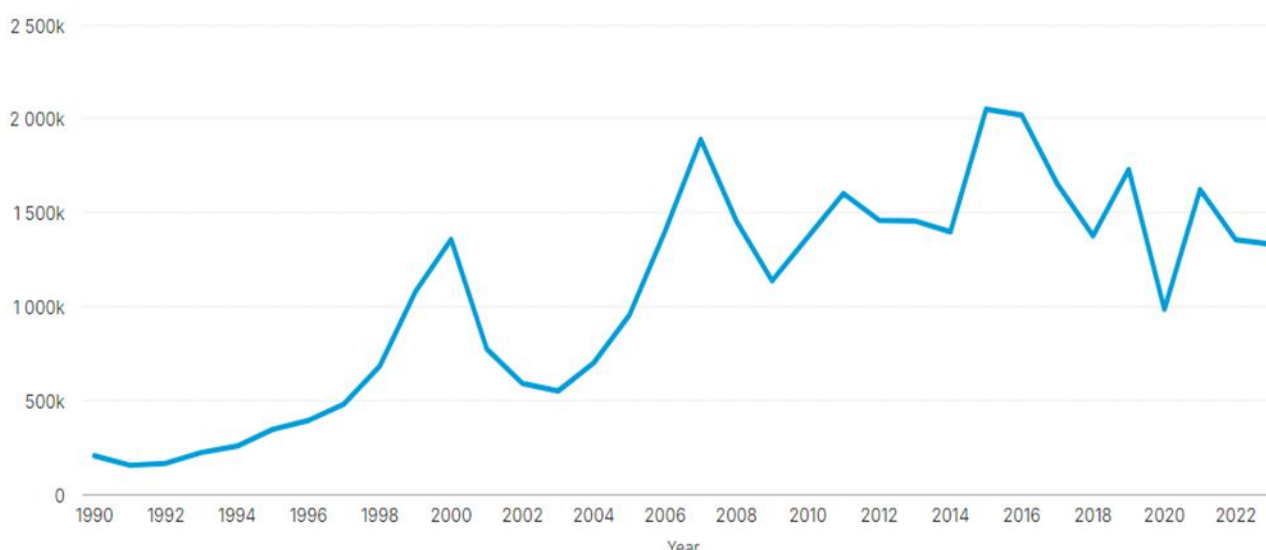

Рис. 9. Динамика глобальных ПИИ в 1990–2022 гг., млн долларов.

Источник: World Investment Report, 2024.

Доклад ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2024 г. фиксирует сокращение мировых ПИИ на 2% до 1,3 трлн долларов в 2023 г. на фоне замедления экономического роста и роста геополитической напряженности (рис. 9).

В докладе прямо отмечается причины этого явления: «Кризисы, протекционистская политика и региональные перестановки разрушают мировую экономику, приводя к фрагментации торговых сетей, нормативно-правовой базы и глобальных цепочек поставок» (World Investment Report, 2024). Но в наименее развитые страны приток ПИИ в 2023 г. вырос на 17%, что говорит о росте значимости этой группы государств и о возможности усиления процесса деглобализации.

Это подтверждает и сокращение количества подписанных и действующих международных инвестиционных соглашений (МИС) (рис. 10).

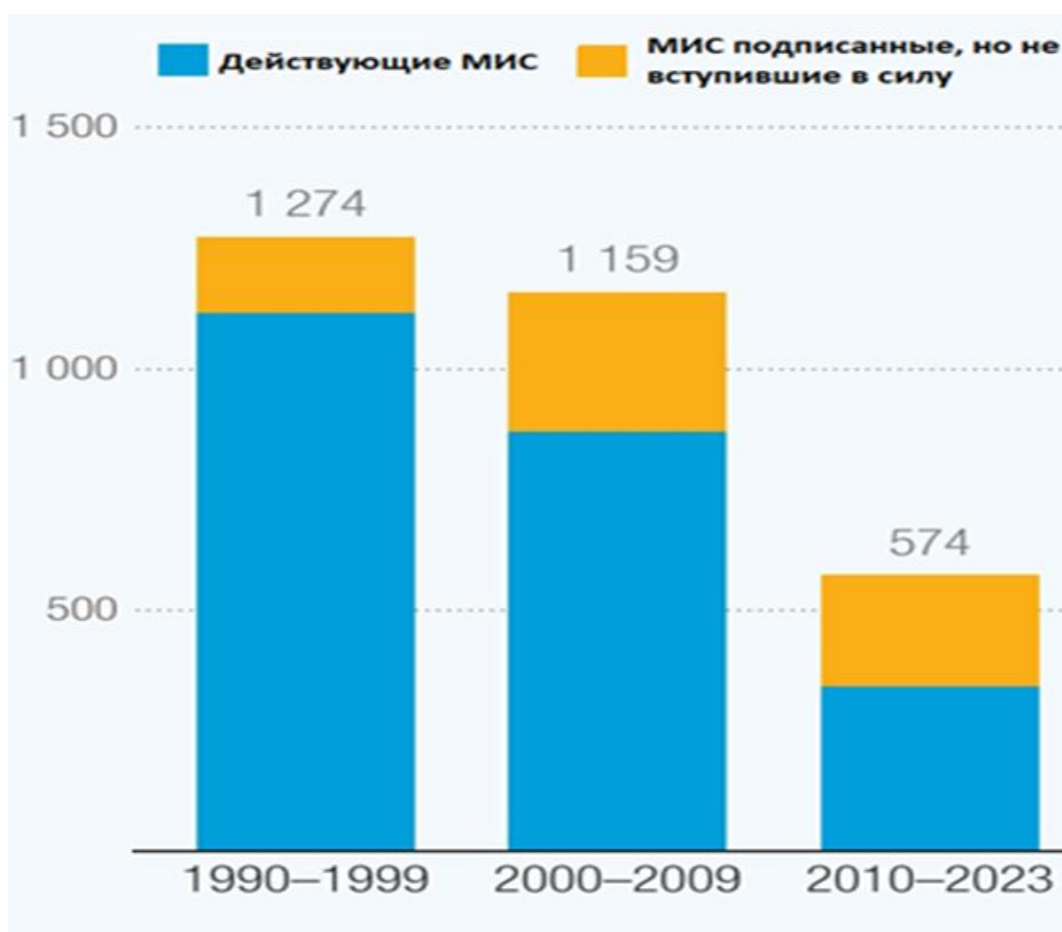

Рис. 10. Количество подписанных и действующих международных инвестиционных соглашений (МИС) с указанием даты подписания, 1990–2023 гг.

Источник: World Investment Report, 2024.

В 2023 г. было заключено 29 новых международных инвестиционных соглашений (МИС), их количество сократилось практически в 2 раза (рис. 10), менее половины из которых составляли традиционные двусторонние договоры.

В то же время, количество и качество порталов по содействию инвестициям растут (рис. 11), особенно в странах с развивающимися рынками.

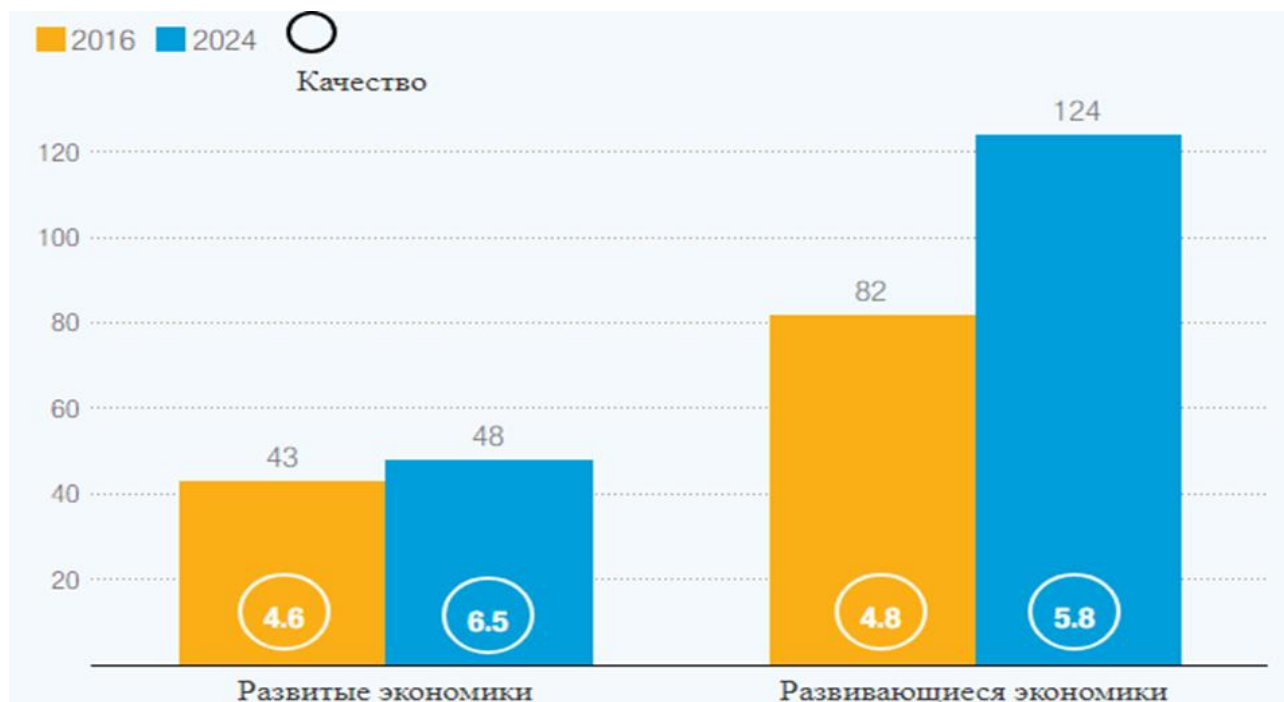

Рис. 11. Информационные порталы для регистрации предприятий, количества проектов и качества (0–10), 2016 и 2024 гг.

Источник: World Investment Report, 2024.

Это происходит, в том числе, с опорой на цифровые процессы, включая «цифровое правительство». Стоит отметить, что произошел рост инвестиций в реальный сектор экономики. Факт сокращения финансиаризации мировой экономики и сокращения роли доллара в мировой экономике подтверждает, в том числе, и факт деглобализации как тренда мирового развития, который, по нашему мнению, обречен на укрепление.

Заключение

Таким образом, мировая экономика — это сложная система, сформированная во многом усилиями западных стран и поддерживаемая их усилиями на протяжении более чем полтысячелетия усилиями с помощью прозападных коалиций и институтов, которые менялись на протяжении этого периода. Сегодня, помимо национальных хозяйств стран мира, МЭ включает также систему контролирующих и регулирующих международных институтов, как ВТО, МВФ и др. И эволюция этой системы осуществлялась в направлении исключительно интересов западных стран на основе соответствующих усилий — дипломатических, экономических, военных, культурных и образовательных («мягкая сила») и др.

Ведущей тенденцией с начала XXI в. является, с одной стороны, процесс усиления глобальной экономической интеграции между странами, приводящая к слиянию отдельных национальных рынков в один всемирный рынок товаров работ и услуг. С другой стороны, происходит процесс трансформации экономического потенциала, удельного веса и положения различных стран в мировой экономике и международных экономических отношениях. К современным тенденциям также можно отнести опережающий рост международной торговли

в сравнении с ростом ВВП. В мировой экономике нарастают проблемы и противоречия различного уровня, в том числе глобальные.

Одновременно в рамках противодействия современным глобальным вызовам сегодня в мировой экономике формируются (или усиливаются) новые тенденции, которые знаменуют новые возможности в различных аспектах — экономических, социальных, технических, даже климатических и других — для различных стран мира. Они, на наш взгляд, формируют новый этап (или новую модель?) мировой экономики и международных экономических отношений — деглобализацию, что проявляется во все более массовом и глубоком отходе от норм и правил международных организаций и требований «порядка, основанного на правилах».

Эта модель представляется более эффективной и выгодной странам с развивающимися рынками и в более полной мере отвечает их национальным интересам и национальной безопасности.

Список литературы

1. Буторина О. (2022) Интеграция vs дезинтеграции: что сильнее? // Мир перемен. № 3. [Butorina O. (2022) Integration vs disintegration: Which is stronger? // The world of change. No. 3. (In Russian).] DOI: 10.51905/2073-3038_2022_3_22
2. Глава МВФ заявила о четырехкратном росте числе торговых ограничений в мире (2024) [The head of the IMF announced a fourfold increase in the number of trade restrictions in the world (2024) (In Russian).] URL:<https://profile.ru/news/economy/glava-mvf-zayavila-o-chetyrehkratnom-roste-chisla-torgovyh-ogranichenij-v-mire-1491691/>
3. Глинская М. В., Крюков А. Н. (2023) Перспективы экономического развития государств Африканского континента и новые технологические возможности // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 4. С. 48–56. [Glinskaya M. V., Kryukov A. N. (2023) Prospects for the economic development of the states of the African continent and new technological opportunities // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 4. Pp. 48–56. (In Russian).] DOI: 10.26653/2076-4650-2023-04-04
4. Захарова Е. В., Русакович В. И. (2016) Вступление России в ВТО: ограничения и возможности на современном этапе. Москва. 160 с. [Zakharova E. V., Rusakovich V. I. (2016) Russia's accession to the WTO: limitations and opportunities at the present stage. Moscow. 160 pp. (In Russian).]
5. Комолов О. О. (2021) Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116). С. 34–47. [Komolov O. O. (2021) Deglobalization: new trends and challenges to the world economy // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. Vol. 18. No. 2 (116). Pp. 34–47. (In Russian).] DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47
6. Корчагина Е. В., Рыбас А. Л., Ефимова Е. Г. (2023) Анализ трендов глобализации и деглобализации мировой экономики на современном этапе // Проблемы современной экономики. № 3 (87). С. 108–114. [Korchagina E. V., Rybas A. L., Efimova E. G. (2023) Analysis of trends in globalization and deglobalization of the world economy at the present stage // Problems of modern economics. No. 3 (87). Pp. 108–114. (In Russian).]
7. Кудрова Е. М. (2021) Экспортные отрасли России в условиях деглобализации / В сборнике: Мировая экономика и мировые финансы: проблемы и перспективы развития.

Сборник научных статей студентов по результатам проведения XV Всероссийского Фестиваля науки, секции Факультета международных экономических отношений Финансового университета. Москва. С. 225–232. [Kudrova E. M. (2021) Export industries of Russia in the context of globalization / In the collection: World economy and world finance: problems and prospects of development. A collection of scientific articles by students based on the results of the XV All-Russian Science Festival, a section of the Faculty of International Economic Relations of the University of Finance. Moscow. Pp. 225–232. (In Russian).]

8. Меланьина М. В., Пономарева В. С. (2021) Цифровое общество в странах Ближнего Востока и Северной Африки: новые возможности // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 10 (118). С. 190–196. [Melanina M. V., Ponomareva V. S. (2021) Digital society in the Middle East and North Africa: new opportunities // Economics and Management: problems, solutions. Vol. 1. No. 10 (118). Pp. 190–196. (In Russian).]

9. Нежданов В. Л. (2022) Китай в глобализированном мире: новая эра политики реформ и открытости // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 77–80. [Nejdanov V. L. (2022) China in a globalized world: a new era of reform and openness policy // Asia and Africa today. No. 2. Pp. 77–80. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750016643-9

10. Поплавский С. П. (2024) Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность / В сборнике: Проблемы развития социально-экономических систем. Материалы VIII Международной научной конференции молодых учёных и студентов. Донецк. С. 403–405. [Poplavsky S. P. (2024) Trends in the development of the geopolitical situation in the world and international economic security / In the collection: Problems of the development of socio-economic systems. Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Donetsk. Pp. 403–405. (In Russian).]

11. Сенюшкин Е. А. (2024) Управление рисками в условиях деглобализации / В сборнике: Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей. Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума. Симферополь. С. 277–281. [Senyushkin E. A. (2024) Risk management in the context of globalization / In the collection: Political space and social time: dialectics of goals and values. Collection of scientific papers of the XLII International Charak Forum. Simferopol. Pp. 277–281. (In Russian).]

12. Соловьёва Ю. В. (2016) Страны АТЭС: передача технологий как фактор развития // Азия и Африка сегодня. № 8 (709). С. 42–47. [Solovieva Yu. V. (2016) APEC countries: technology transfer as a factor of development // Asia and Africa today. No. 8 (709). Pp. 42–47. (In Russian).]

13. Хейфец Б. (2023) Глобализация и деглобализация мировой экономики в эпоху перемен. Некоторые дискуссионные вопросы // Общество и экономика. № 10. С. 22–40. [Kheyfets B. (2023) Globalization and the globalization of the world economy in an era of change. Some controversial issues // Society and Economics. No. 10. Pp. 22–40. (In Russian).] DOI: 10.31857/S020736760027077-3

14. Шкваря Л. В. (2006) Мировая экономика в вопросах и ответах. учеб. пособие / Сер. Полный курс за три дня. Москва. [Shkvarya L. V. (2006) The world economy in questions and answers. studies. the manual / Ser. The full course in three days. Moscow. (In Russian).]

15. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 25. № 2. С. 189–198. [Shkvarya L. V. (2017) Russian-European investments: dynamics and

structure under sanctions // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 25. No. 2. Pp. 189–198. (In Russian).]

16. Aiyar Sh., Ilyina A., et al. (2023) Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC. 42 p.

17. Bello W. (2002) Deglobalisation: Ideas for a New World Economy. New York: Zed Books. 132 p.

18. Nevskaya A. (2015) Russia–EU economic relations: Assessing two years of sanctions. URL:[www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI\(2015\)569020_EN.PDF](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI(2015)569020_EN.PDF)

19. Overview — World Economic Situation and Prospects 2024. URL:www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2024/01/overview-world-economic-situation-and-prospects-2024/

20. Paul T. (2023) The Specter of Deglobalization // Current History. Vol. 122 (840). Pp. 3–8. URL:<https://online.ucpress.edu/currenthistory/article/122/840/3/195020/The-Specter-of-Deglobalization>.

21. Smick D. (2012) Could globalization crack up? // International Economy. Vol. 26. Is. 4. Pp. 1–18.

22. World Investment Report, 2024. Investment facilitation and digital government. URL:<https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>

23. UNCTADstat. URL:<http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Global economic trends and challenges of deglobalization

Lyudmila V. Shkvarya,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory of International Economic Relations, Professor of the Department of World Economics, Higher School of Economics and Business, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Today, global economic processes are undergoing a period of structural transformation, accompanied by an increase in imbalances and conflicts in the global economy and international economic relations. It is important to understand what the ways of evolution of this process are, its features, problems, prospects, as well as opportunities for individual countries to participate in the modern deglobalizing economic system. The relevance of studying this topic is due to the fact that one of the main factors of national development and ensuring the economic security of individual states currently is the need for flexible adaptation to a dynamic and developing system of international economic and, in particular, trade relations. The purpose of the article is to explore new global trends and their parameters. The subject of the article is the world economy and international economic relations, the object is the directions of transformation of the system of international economic relations and changes in the main macroeconomic parameters. In most cases, the development of the world economy is characterized by the degree of development of the leading states, in this regard, the main indicators characterizing the world economy of the world, including the leading world powers, were considered. The methodological basis of the research is general scientific research methods — historical and logical, which allowed for the stage-setting of the

development of the world economy, the method of scientific abstraction, which made it possible to identify the most significant characteristics of the world economy in the present, scientific analysis based on the study of the elements and main processes of the studied object and synthesis, which allowed to create a complete picture of the object. Statistical method, observations and fact-gathering were also used. The information and empirical basis of the study was based on materials published in scientific literature, business journals and the press, Internet sources and other sources of information. The statistical basis of the article was the data from the international database of UNCTAD. The author concludes that the world is currently going through a new stage of economic development, largely due to both the aggravated and unsolvable problems of globalization within the existing system, as well as other global trends such as digitalization.

Keywords: *world economy, international economic relations, globalization, deglobalization, world trade, international division of labor, BRICS.*

JEL codes: *A12, F01, F02, F63, O11.*

«Зеленая» энергетика как тренд развития в мире и в России: перспективы и возможности

Соловьёва Юлиана Владимировна¹
Бадалзода Сиёвуи²

Современное состояние климата планеты остро ставит вопрос перехода к возобновляемой, чистой энергетике, способной стать залогом безопасного будущего Земли. Энергия, которая лежит в основе большинства экологических проблем, является одновременно и ключом к их решению. В статье исследуются возможности развития глобальной системы возобновляемых источников энергии в мире и в Российской Федерации и перспективы этого процесса. Цель статьи — анализ тенденций развития возобновляемой энергетики, а также выявления ключевых препятствий энергетического перехода и обзор основных сценариев энергетического перехода XXI в. Для достижения целей и задач исследования использовались общенаучные подходы (анализ, синтез, сравнение и др.) с применением знаний и принципов экономической теории, а также эмпирической экономической науки. С целью проведения эффективного сравнения различных аспектов рассматриваемой тематики применялся метод компаративного анализа. В структуре методологии научные принципы обеспечиваются следующими подходами: объективность, логичность, системность и критическое мышление. Научная новизна исследования заключается прежде всего в анализе возможных перспектив развития сектора ВИЭ, как и передовых практик различных стран, в том числе Российской Федерации, по активизации деятельности сегмента «зеленой» энергетики, инициированных как государством, так и частным структурами. В статье дается оценка текущим показателям рынка возобновляемого топлива с учетом современных реалий и глобальных тенденций. Авторы обосновывают точку зрения, что рост глобальной торговли топливом, производимым с помощью «зеленых» технологий, может стимулировать дальнейшее развитие глобальной энергетики в данном направлении в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии (ВИЭ), «зеленая» энергетика, экономическое развитие, энергетический кризис, энергоэффективность, энергетическая перспектива, климатические обязательства, энергетическая политика.

JEL коды: F01, F2, F53, F64, N7, Q42.

Введение

«Зеленая» энергетика привлекает все более пристальное внимание в мире и в России исследователей и практиков. С одной стороны, это вызвано жизненно важной задачей

¹ Соловьёва Юлиана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Российского экономического университета имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

² Бадалзода Сиёвуи — магистрант Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

устойчивого экономического роста стран мира и в целом глобальной экономики в условиях, когда энергетика остается важнейшим фактором производства (Глинская, 2019), оказывают влияние на ее эффективность и конкурентоспособность (Соловьёва, Черняев, 2019) и элементом обеспечения экономической безопасности (Глинская, 2009), что особенно важно в условиях продолжающейся дестабилизации мировой экономики (Поплавский, 2024; Шкваря, 2017).

С другой стороны, будучи объективно ограниченным и невозобновляемым ресурсом, углеводороды не могут обеспечить стабильное развитие в долгосрочной перспективе, что требует поиска новых возможностей для обеспечения энергетической безопасности (Чиниев, 2010). Наконец, как традиционная, так и «зеленая» энергетика выступает важным сегментом для наращивания международного сотрудничества, инвестиций, НИОКР, что безусловно, также обеспечивает возможности экономического и социального прогресса (Айдрус, 2015). Следовательно, попытки найти или разработать новые энергетические источники дают толчок развитию Индустрии 4.0 и цифровизации (Цифровое государство..., 2022).

Расширению рынка возобновляемой энергии, темпы роста которого с каждым годом увеличиваются, во многом способствует вектор глобального развития, ориентированный на минимизацию выбросов CO_2 и иных парниковых газов и смягчение последствий климатических изменений (Yergin, 2021). Также стимулирует рост рынка спрос со стороны потребителей и предприятий, которые стремятся уменьшить свое воздействие на окружающую среду и использовать устойчивые энергетические решения, следуя *ESG*-принципам (Zeren, Akkus, 2022).

Несмотря на наличие многочисленных трудов на тему возобновляемой энергетики, существует потребность в постоянном мониторинге процесса энергетического перехода, обнаружении ключевых проблем и разработке мер для ускорения достижения целей, обозначенных в ЦУР ООН, Парижском соглашении по климату 2015 г. и иных международных документах. Поэтому важно продолжить исследования в данной сфере.

Теоретическую базу статьи составили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные теме возобновляемой энергетике и связанных с ней экономических и климатических аспектов. Главным образом в ходе исследования делался акцент на иностранной литературе, поскольку она дает возможность более обширного и всестороннего анализа современного состояния сектора возобновляемой энергетики в мире, а также новейших технологических достижений в области ВИЭ, препятствий и перспектив развития отрасли.

Базовыми источниками проведенного исследования стали отчеты и другие документы различных международных организаций: Всемирного банка, Международного энергетического агентства (*IEA*), Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (*IRENA*), организаций системы ООН (*UNESCO*, *WTO*, *UNCTAD* и др.), Межправительственной группы экспертов по изменению климата, некоторых других НПО, региональных органов власти некоторых стран, в том числе и России.

Ключевые тенденции и прогнозы развития «зеленой» энергетики в мире

На современном этапе выработка возобновляемых источников энергии становится все более важным фактором экономического развития и эффективности национального хозяйства. В 2023 г. глобальные мощности по производству электроэнергии из ВИЭ показали самый

быстрый темп роста за последние 3 десятилетия. При условии сохранения данной тенденции, вполне вероятно, что мир сможет достичь цели по утроению мощностей глобальной возобновляемой энергетики к 2030 г. По прогнозам МЭА, к 2028 г. количество солнечных фотоэлектрических и солнечных электростанций увеличится практически в 2,5 раза по сравнению с показателями 2022 г. и достигнет 710 ГВт. Однако прирост мощностей в области гидроэнергетики и биоэнергетики будет ниже, чем за последние 5 лет, что объясняется замедлением темпов развития стран с развивающейся экономикой (к примеру, Китая) (Renewables, 2023). Это указывает на потребность ускорения усилий по наращиванию использования ВИЭ в мире для реализации этих целей (рис.1).

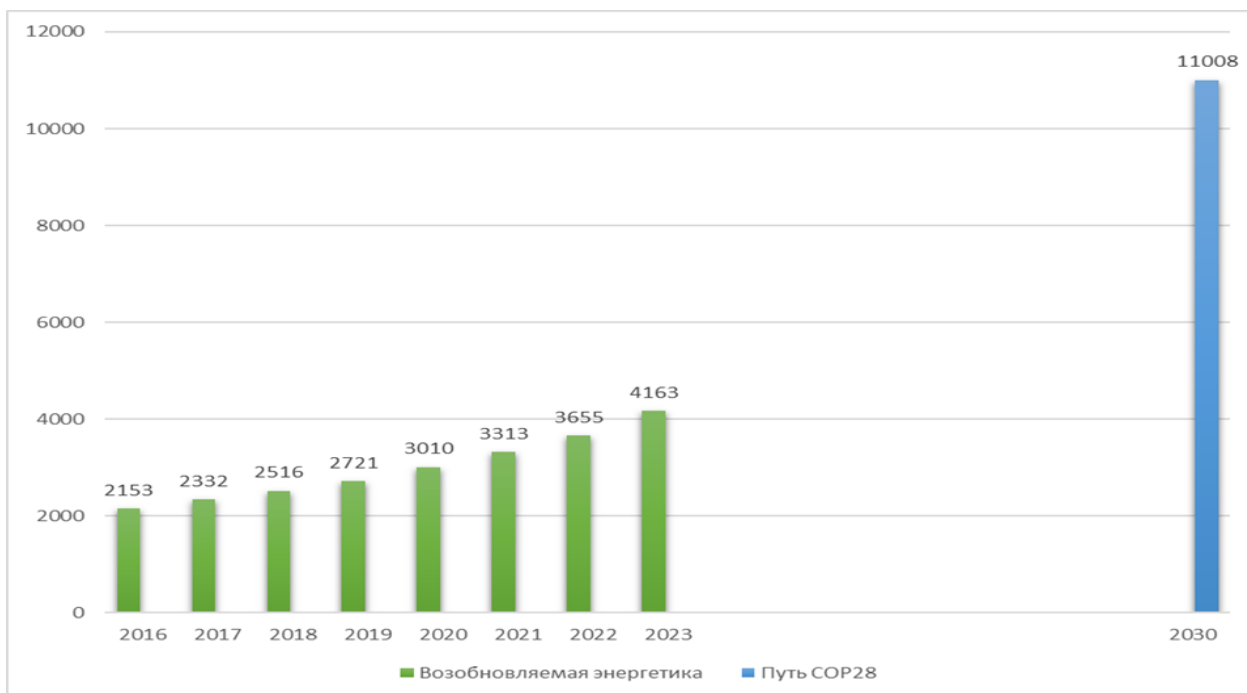

Рис. 1. Глобальный потенциал возобновляемых источников энергии и путь COP28 (к 2030 г.), ГВт.

Источник: составлено по: Global renewable energy..., 2024.

Для достижения поставленной цели требуется удвоение энергоэффективности к 2030 г. Энергоэффективность играет важную роль с точки зрения энергетической безопасности и доступности энергии, а также более быстрого перехода к использованию чистой энергетики, в связи с чем ей уделяется пристальное внимание со стороны политиков. Согласно данным МЭА, с 2020 г. практически 700 млрд долл. было направлено на поддержку инвестиций в энергоэффективность, при этом более 70% от этой суммы приходится всего на 5 стран: США, Италию, Германию, Норвегию и Францию. К примеру, Закон о снижении инфляции в США от 2022 г. предусматривает выделение 86 млрд долл. на поддержание мер по повышению энергоэффективности (Inflation Reduction Act Guidebook), а Евросоюз в качестве меры по снижению спроса на энергию ужесточил свою Директиву по энергоэффективности, обязывая страны коллективно обеспечить сокращение энергопотребления на 11,7% к 2030 г. по сравнению с базовым сценарием 2020 г. (The Green Deal Industrial Plan).

В 2022 г. прогресс в области энергоэффективности был наиболее значительным и составил 2,2%, что практически вдвое превышает средний показатель за последние 5 лет.

Однако в 2023 г., согласно последним данным МЭА, энергоэффективность возросла примерно на 1,3%, что значительно ниже целевого показателя в 4%, обозначенного на COP28 (Energy Efficiency, 2023) (рис. 2).

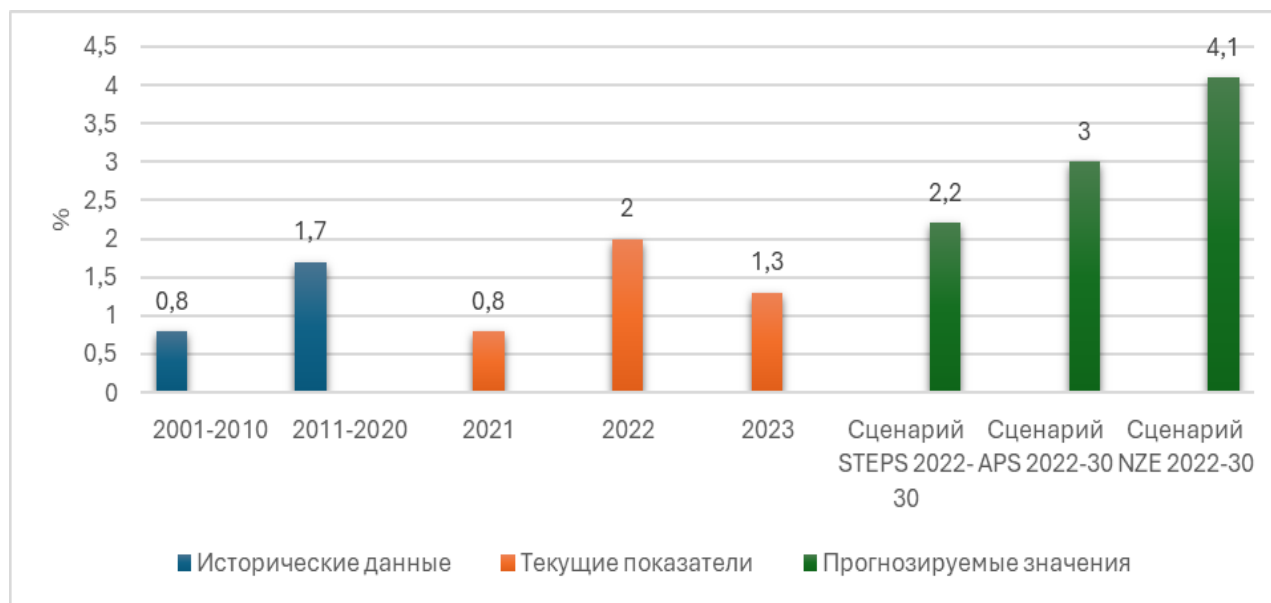

Рис. 2. Ежегодное повышение интенсивности первичной энергии в 2001–2023 гг. и прогнозируемые показатели по трем сценариям, %.

Источник: Annual primary energy intensity improvement, 2001–2023.

На представленном рис. 2 показана динамика интенсивности первичной энергии в 2001–2023 гг. и ее изменение согласно трем отслеживаемым МЭА сценариям глобальной энергетической перспективы — *STEPS* (*The Started Policies scenario*), *APS* (*Announced pledges scenario*) и *NZE* (*Net Zero Emissions by 2050 Scenario*). Так, прогноз *STEPS* основывается на текущих параметрах политики и уже действующих мерах в секторах энергетики, а также на политиках, находящихся в разработке, и планируемых на данный момент мощностях ВИЭ. Этот сценарий служит для анализа потенциальных достижений и ограничений в климатической и энергетической политиках. Прогноз *APS* опирается на то, что все климатические обязательства, которые приняты странами (по состоянию на август 2023 г.), включая также определяемые на национальном уровне вклады (*NDC*) и долгосрочные цели по чистым нулевым выбросам будут реализованы в полном объеме и в указанный срок. Данный сценарий отражает то, насколько нынешние обязательства приближают человечество к цели ограничения глобального потепления на 1,5°.

Сценарий *NZE*, который был полностью обновлен в 2023 г., представляет собой дорожную карту по достижению нулевых выбросов углекислого газа к 2050 г., при этом всеобщий доступ к электроэнергии и «чистому» приготовлению пищи должен быть реализован к 2030 г. *NZE* показывает, что необходимо в ключевых секторах различным субъектам и к какому сроку этого нужно достичь для реализации цели по нулевым выбросам CO_2 в энергетической отрасли к 2050 г., параллельно реализовывая другие ЦУР, связанных с энергетикой (например, всеобщий доступ к энергии) (Global Energy and Climate model, 2023). Отметим, что нормативным является именно сценарий *NZE*, так как он предназначен для достижения конкретных результатов.

Энергетический кризис XXI в. стал катализатором для принятия правительствами различных стран более энергичных мер по ускорению энергетического перехода. По мнению исследователей, и с этим можно согласиться, новая политика на основных энергетических рынках поможет увеличить ежегодные инвестиции в чистую энергетику более чем на 2 трлн долл. к 2030 г. в рамках *STEPS*, что более чем на 50% больше нынешнего показателя. Возобновляемая энергетика представляет собой хорошую возможность для роста и создания новых рабочих мест, но также становится основным рынком международной экономической конкуренции (Смирнов, 2024).

Многие государства мира, как ведущие, так и другие, прилагают значительные усилия для формирования и улучшения своей политики в области ВИЭ. Так, в США, во многом благодаря Закону о снижении инфляции (*Inflation Reduction Act Guidebook*), к 2030 г. ежегодно ежегодное наращивание мощности солнечной и ветряной энергетики составит 2,5 раза относительно нынешнего уровня, а продажи электромобилей вырастут в 7 раз. Китай, который стал уже одним из мировых лидеров в сфере ВИЭ, посредством разработки и реализации современных климатических целей стимулирует и развитие «зеленой» энергетики. В Евросоюзе ускорение внедрения возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности может уже в 2020-е гг. обеспечить снижение спроса на нефть и газ на 20%, а на уголь — на 50%, что является положительным фактором, учитывая необходимость, стоящую перед европейскими странами ввиду прекращения российских поставок сырья, найти новые источники энергии. Индия продолжает добиваться успехов в достижении поставленных целей по внутренней мощности чистых источников энергии в 500 ГВт к 2030 г. Ожидается, что ВИЭ будет обеспечивать порядка 2/3 спроса на электроэнергию в стране. В Японии принята программа «Зеленой трансформации» (*Green Transformation*), которая будет стимулировать инвестирование ряда «зеленых» технологий, в том числе ядерных и водородных. Республика Корея ставит своей целью наращивание атомной энергии. Таким образом, правительства действуют по-разному: некоторые движутся к увеличению или диверсификации поставок нефти и газа; однако большинство стремится к структурным изменениям в энергетическом секторе (*World Energy Investment*, 2024).

В связи с этим эксперты МЭА полагают, что потребление в мире углеводородов начнет сокращаться, достигнув пикового значения на рубеже 2020–2023-х гг. (*Global Energy and Climate model*, 2023).

Согласно текущим прогнозам экспертов, при действующей политике и рыночных условиях к 2028 г. глобальная мощность ВИЭ достигнет 7 300 ГВт, что к 2030 г. приведет к увеличению в 2,5 раза по сравнению с нынешним уровнем. Для того, чтобы приблизиться к намеченной цели — утроению мощностей ВИЭ к 2030 г. — и увеличить глобальную мощность чистой энергетики до 11 000 ГВт, необходимо преодолеть имеющиеся проблемы и быстрыми темпами реализовать цели действующих политик. На данный момент проблемы стран в области энергетики разделить на несколько категорий: во-первых, политическая неопределенность и запоздалая политическая реакция на изменившуюся макроэкономическую среду; во-вторых, недостаточное финансирование в сетевую инфраструктуру, препятствующее ускоренному переходу на чистые источники энергии; в-третьих, громоздкие административные барьеры и сложные процедуры, а также проблемы общественного признания; в-четвертых, недостаток финансирования в некоторых странах с формирующейся экономикой (*Renewables*, 2023). Нивелирование названных проблем

способно привести к увеличению темпов роста ВИЭ на 21%, что приблизит мир к намеченной цели по утроению мощностей (рис. 3).

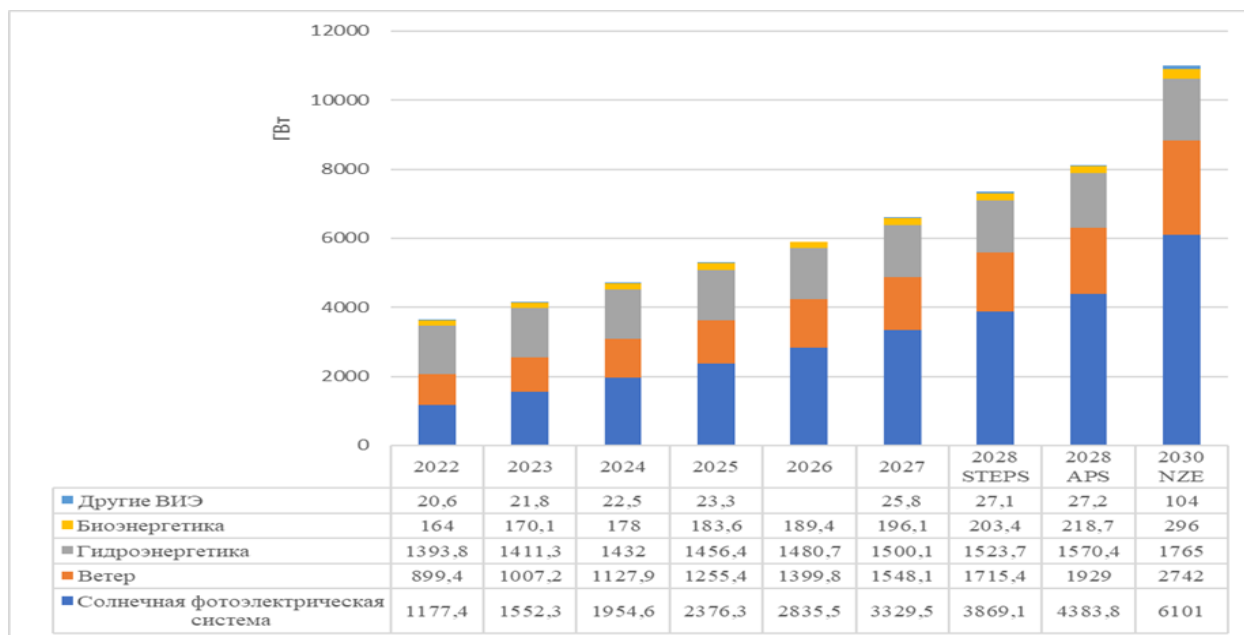

Рис. 3. Прогноз совокупной мощности ВИЭ в 2022–2030 гг. по трем базовым сценариям МЭА, ГВт.

Источник: составлено по: Renewables, 2023.

Таким образом, прогнозы в сфере развития ВИЭ достаточно оптимистичны, так как сложившийся энергетический кризис способен ускорить дальнейшую эволюцию ВИЭ и стать драйвером глобального энергоперехода. Однако для этого требуется активизация практических действий как со стороны правительств различных стран, так и частного сектора.

Возможности развития возобновляемой энергетики в России: вклад в мировой рынок ВИЭ

В Российской Федерации, как и в большинстве стран мира, проводится множество исследований и разрабатываются различными ведомствами программы по расширению использования ВИЭ, хотя сегодня страна ориентируется больше на ископаемое топливо.

На сегодняшний день сектор возобновляемой энергетики активно поддерживается со стороны государственной власти Российской Федерации. Первая в стране попытка закрепления ключевых принципов и целевых показателей чистой энергетики на законодательном уровне была предпринята в 2009 г. (Распоряжение, 2009). Полноценное функционирование механизма стимулирования сектора «зеленой» энергетики началось с 2013 г. с принятием Постановления Правительства России «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на оптовом рынке электрической энергии и мощности» (Постановление, 2013). С 2015 г. этот механизм получил применение и на розничных рынках электроэнергии.

Правительством были установлены конкретные целевые показатели для ввода объемов установленной мощности генерирующих объектов по видам возобновляемых источников энергии до 2024 г. (рис. 4).

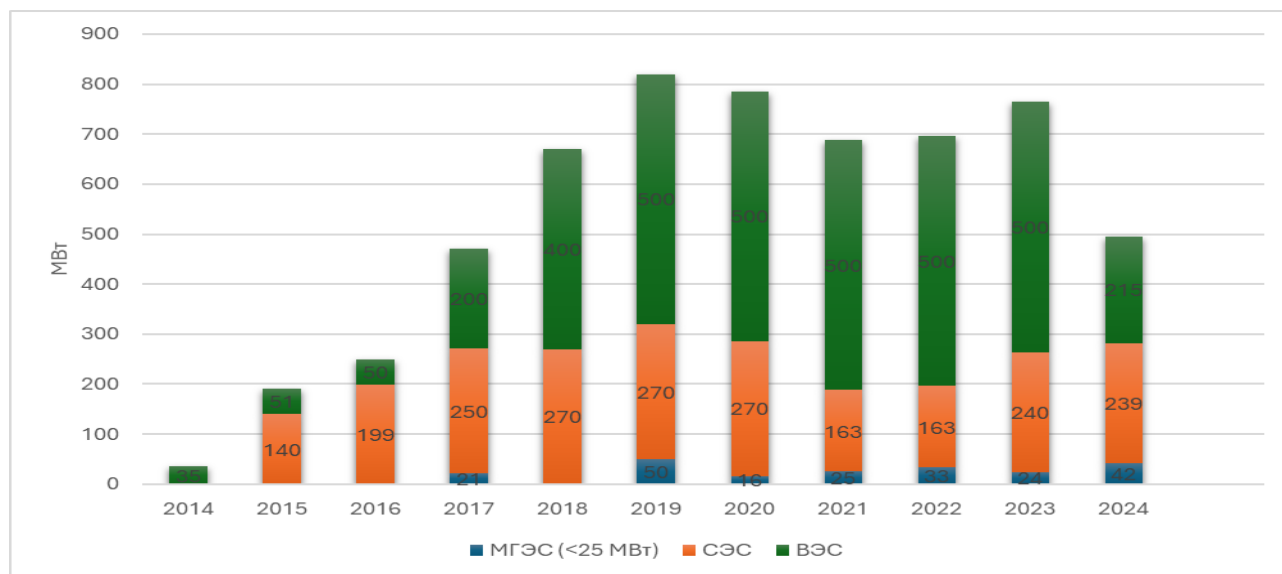

Рис. 4. Целевые показатели величин объемов ввода установленной мощности генерирующих объектов по видам возобновляемых источников энергии.

Источник: составлено по: Распоряжение, 2009.

Возобновляемая энергетика в России развивалась не так стремительно, как в странах Западной Европы, которые придерживались «зеленой» экономики, что особенно стало заметно в последние годы ввиду форсирования европейскими странами перехода к ВИЭ. По данным Ассоциации развития возобновляемой энергетики России «общая установленная мощность возобновляемой энергии в стране в 2024 г. составляет 6,11 ГВт. Большая часть «зеленой» энергии вырабатывается ветровыми и солнечными электростанциями (2,6 и 2,2 ГВт мощности соответственно) и гидроэлектростанции мощностью до 50 МВт (1,3 ГВт). Также в России эксплуатируются электростанции, функционирующие на основе биомассы, биогаза, свалочного газа и геотермальной энергии, совокупной мощностью до 100 МВт» (Статистика ВИЭ).

Доля чистых источников энергии общем объеме потребления электроэнергии в России очень мала — по данным на 2024 г., она равна 1,09%. Согласно текущим планам и политике России, возобновляемая энергия может достичь около 5% в энергетическом балансе страны к 2030 г., но власти намерены реализовать эту цель гораздо раньше. Для достижения этой цели стране потребуется 5,5 ГВт возобновляемых источников и *ESS* (*Energy Saver System* — система накопления / хранения энергии) для компенсации перебоев в выработке ветровой и солнечной энергии. Однако разработанная *IRENA* дорожная карта по удвоению возобновляемых источников энергии в глобальной энергетической структуре (*REmap*), которая предполагает ускоренное увеличение доли зеленой энергетики в российском энергетическом секторе, отражает возможность увеличения доли ВИЭ в конечном потреблении составит 11,3% (*REmap* 2030).

В 2022 г. Минэнерго России сообщало, что к 2030 г. выработка энергии на основе ВИЭ достигнет 28,1 млрд кВт/ч, или 2% от совокупной выработки в стране (Руданец, 2023. С. 103). О том, что Россия придерживается курса на «зеленую» экономику замкнутого цикла, расширяет использование чистых источников энергии и стремится к распространению ESG-принципов в сфере бизнеса, свидетельствуют слова Президента РФ Путина В. В., который указал на необходимость «создания стимулов для бизнеса и внедрения «зеленых» технологий, перехода на экономику замкнутого цикла» (Послание Президента, 2024) в ходе ежегодного послания Федеральному собранию в феврале 2024 г.

Россия реализует лишь незначительную часть своего потенциала в области возобновляемой энергии, несмотря на наличие значительных и разнообразных ВИЭ (солнечной, ветровой, геотермальной, гидроэнергии и биомассы). Рост конкурентоспособности России в условиях энергетического перехода XXI в. можно объяснить рядом положительных факторов: значительными запасами ископаемого топлива, которое какое-то время еще будет пользоваться спросом на энергетических рынках, следовательно, страна какое-то время будет сохранять позиции лидерства по поставкам нефти и природного газа; развитым ядерным сектором. К примеру, в 2020 г. госкорпорация «Росатом» создала дочернюю компанию *Renera*, специализирующуюся на производстве литий-ионных тяговых аккумуляторов для электромобилей, систем накопления энергии для ВИЭ, электроснабжения и сглаживания нагрузки (Kakade, 2023).

Россия стремится к достижению технологического суверенитета для автомобильной промышленности, что связано с санкциями ЕС на экспорт продуктов и услуг в области аккумуляторных технологий, включая электромобили. Так, по данным МЭА, в рамках «Концепции по производству и использованию электромобилей в России до 2030 г.» (Концепция, 2021) инвестирует в разработку аккумуляторных и водородных автомобилей в общей сложности 591 млрд руб.

Что касается регионального распределения, развитие ВИЭ, то по объему мощности ВИЭ в РФ лидируют Оренбургская область, Астраханская область, Республика Алтай, Ульяновская область, Самарская область и Республика Крым (рис. 5).

Рис. 5. Региональное распределение действующих генерирующих объектов ВИЭ в 2023 г., %.

Источник: составлено по: Статистика ВИЭ, 2024.

Отметим, что при проведении сравнительного анализа планов в области «зеленой» энергетики в России и в мире, наиболее явственным становится их отличие. В 2022 г. Россия заняла 4-е место в мировом рейтинге по объему производства атомной энергии (после США, Франции и Китая), благодаря 37 действующим ядерным реакторам с общей генерирующей мощностью 28 ГВт. В том же году РФ заняла 5-е место по величине потребления гидроэлектроэнергии в мире, а гидроэнергетика — основной источник ВИЭ в стране, и на ее долю приходится 17% установленной мощности по производству электроэнергии. При этом РусГидро — крупнейшая корпорация российской гидроэнергетики — владеет около 70% установленной мощности и большинством крупным отечественных ГЭС (Country Analysis Brief: Russia 2024).

Принимая во внимание рассмотренные выше показатели, можно заключить, что при сохранении нынешних тенденций, к 2035 г. в стране будет реализован «план-минимум» в сфере ВИЭ. Что касается прогнозирования дальнейшего развития, то интерес представляют 3 сценария до 2035 г., которые были предложены специалистами Сколково и РАНХиГС: инерционный, базовый и оптимистичный. Первый, инерционный, сценарий предполагает сохранение всех основных параметров отрасли ВИЭ (капитальных и операционных расходов по проектам, установленной мощности, стоимости капитала и др.). Этот прогноз предполагает достижение к 2035 г. доли ВИЭ в установленной мощности в 4%, а в генерации — в 1,5% (рис. 6).

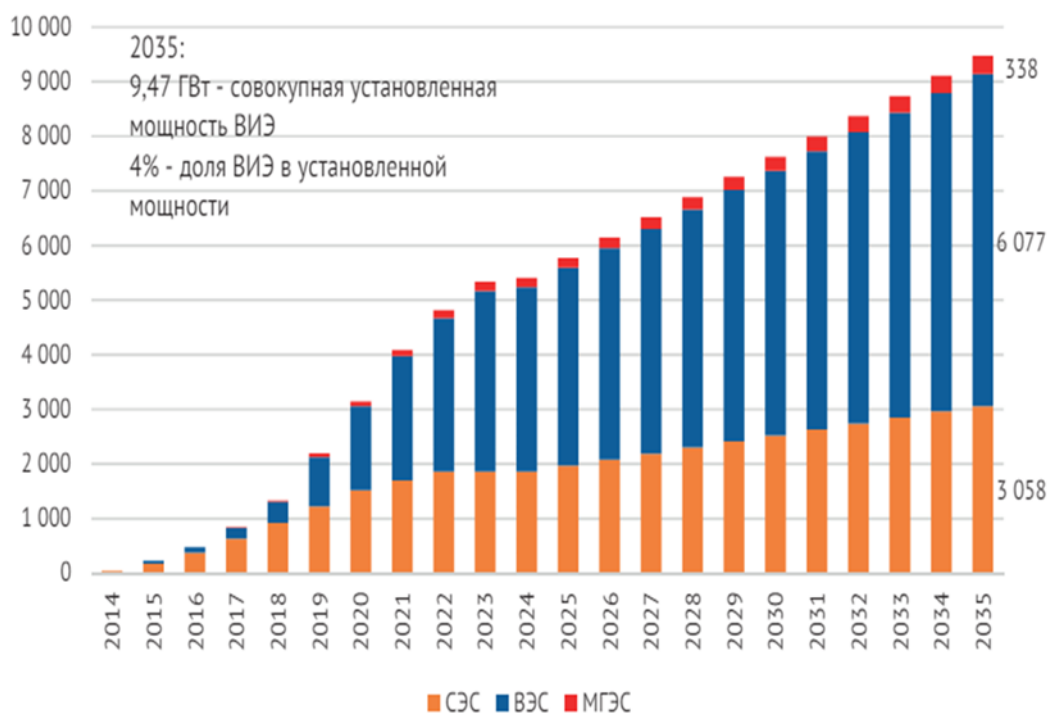

Рис. 6. Инерционный сценарий развития ВИЭ в России на период до 2035 г.

Источник: Ланьшина, 2019.

При таком сценарии развития «зеленой» энергетики в совокупной установленной мощности России доля ВИЭ достигнет 4,7% в 2035 г., а доля в генерации — 2,3% (рис. 7).

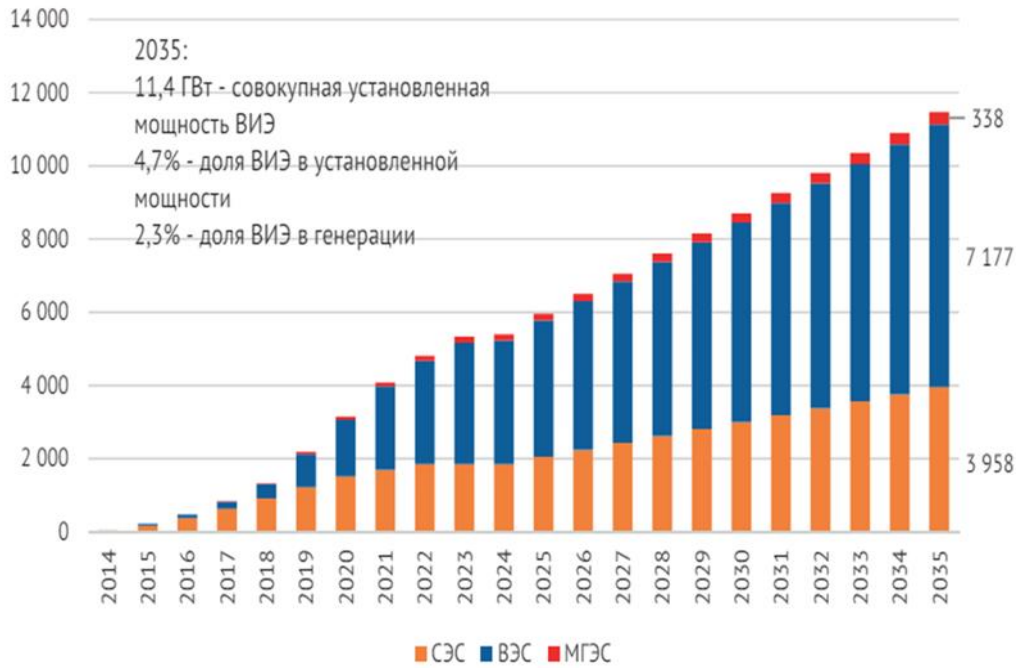

Рис. 7. Базовый сценарий развития ВИЭ в России на период до 2035 г.
 Источник: Ланьшина, 2019.

Наконец, согласно оптимистичному сценарию, в нашей стране активизируется масштабное внедрение возобновляемой энергии. В результате реализации данного прогноза к 2035 г. доля зеленой энергии в установленной мощности достигнет 20% (рис. 8).

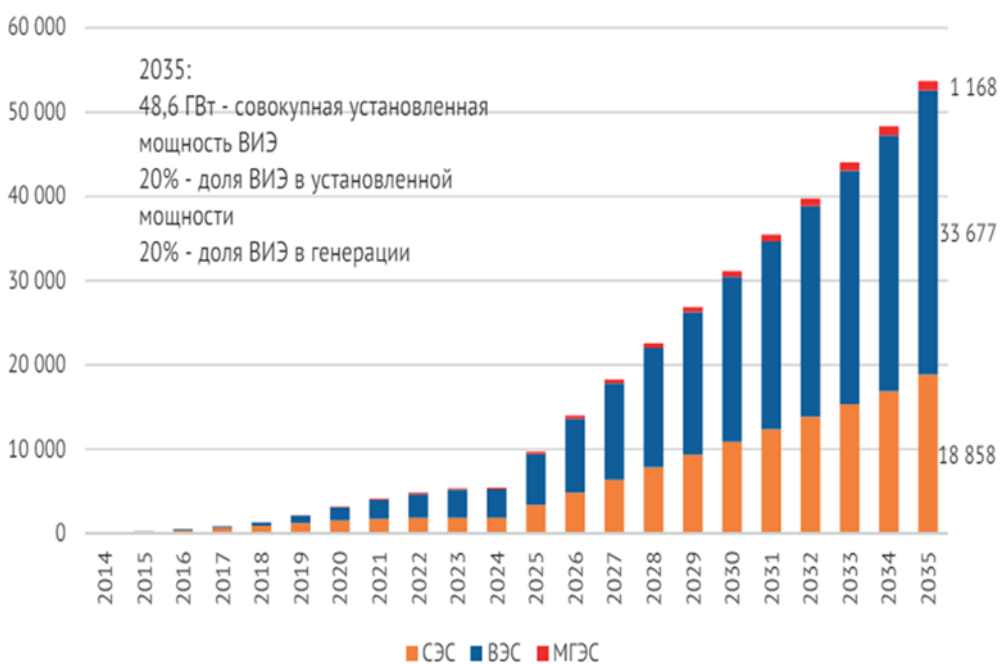

Рис. 8. Оптимистичный сценарий развития ВИЭ в России на период до 2035 г.
 Источник: Ланьшина, 2019.

Резюмируя, отметим, что Россия, учитывая принятые и находящиеся в разработке меры политики, движется по пути к осуществлению описанного ранее базового сценария. Благоприятными факторами для развития «зеленой» энергетики в РФ остается государственная поддержка сектора, а также ресурсный потенциал экосистем в стране. Безусловно, для российской экономики существует ряд рисков, связанных в первую очередь с ориентированностью страны на ископаемое топливо в течение долгого периода.

Заключение

Обзор глобальных прогнозов в области ВИЭ показал, что большинство сценариев и климатических планов государств говорят о стремлении мира к нулевым выбросам. На последней конференции ООН по изменению климата — *COP28* — были поставлены цели по утроению глобальных мощностей ВИЭ, но текущие рыночные условия и климатические политики государств к 2030 г. приведут к увеличению в 2,5 раза по сравнению с нынешним уровнем. Для достижения цели утроения (увеличения глобальной мощности чистой энергетики до 11000 ГВт) необходимо устранить имеющиеся проблемы государств в области энергетики (увеличить инвестиции в сетевую инфраструктуру и финансирование ВИЭ в развивающихся странах, устранить громоздкие административные процедуры и барьеры и др.). Одним экономически выгодных сценариев может стать межконтинентальная торговля возобновляемым топливом, которая имеет преимущества с точки зрения более низких затрат на приобретение возобновляемой энергии, чем на запуск собственных проектов по ВИЭ; создания новых потоков доходов для компаний, которые смогут продавать излишки произведенной электроэнергии; активизации «зеленых» инвестиций и др.

В России ВИЭ развивались не так стремительно, как в странах Западной Европы, что связано с ориентированностью экономики страны на экспорт ископаемого топлива. Нынешняя доля «зеленой» энергии в российском конечном энергопотреблении составляет 1,09%, тогда как, согласно *REmap* — глобального сценария *IRENA* по удвоению ВИЭ в мировой энергетической структуре, доля возобновляемых источников в конечном потреблении к 2030 г. должна достичь 11,3%. Действующая российская политика и принимаемые меры в области расширения использования ВИЭ менее амбициозны, чем сценарий *IRENA*, и предполагают увеличение доли чистой энергии до 5% к 2030 г.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что сегодня человечество стало свидетелем быстрого роста экологических проблем, от которых не застрахована ни одна страна. Расширение использования возобновляемой энергетики и постепенная минимизация применения ископаемого топлива служит одним из способов смягчения последствий климатических изменений. Нынешний энергетический переход — это исключительная глобальная возможность для человечества создать устойчивое будущее для следующих поколений и новые перспективы экономического роста.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. (2015) Развитие международного сотрудничества Бахрейна в нефтегазовой сфере и роль внешнего фактора // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 5–15. [Aidrous I. A. Z. (2015) The development of Bahrain's international cooperation

in the oil and gas sector and the role of the external factor // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 5. Pp. 5–15. (In Russian).]

2. Альтернативная энергетика 2021: перспективы развития рынка ВИЭ в России / DelovoyProfil. [Alternative energy 2021: prospects for the development of the renewable energy market in Russia / Delovoy Profil. (In Russian).] [URL:https://delprof.ru/press-center/open-analytics/alternativnaya-energetika-perspektivy-razvitiya-rynka-vie-v-rossii/](https://delprof.ru/press-center/open-analytics/alternativnaya-energetika-perspektivy-razvitiya-rynka-vie-v-rossii/)

3. 2. Альтернативная энергетика 2021 [Alternative energy 2021 (In Russian).] [URL:https://rreda.ru/industry/statistics/?ysclid=m0w71n97ul27655539](https://rreda.ru/industry/statistics/?ysclid=m0w71n97ul27655539)

4. Глинская М. В. (2019) Развитие новых технологий в рамках международного сотрудничества России с перспективными странами-партнерами / В сборнике: Инвестиции и цифровые инновации. Сборник материалов Международного форума. Отв. редактор И. А. Айдрус. С. 14–31. [Glinskaya M. V. (2019) Development of new technologies in the framework of international cooperation between Russia and promising partner countries / In the collection: Investments and digital innovations. Collection of materials of the International Forum. Editor-in-chief I. A. Aidrous. Pp. 14–31. (In Russian).]

5. Глинская М. В. (2009) Регулирование процессов обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации / диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва. [Glinskaya M. V. (2009) Regulation of the processes of ensuring energy security of the Russian Federation / dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow. (In Russian).]

6. Концепция по производству и использованию электромобилей в России на период до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 23.08.2021 г. №2290-р). [The concept for the production and use of electric vehicles in Russia for the period up to 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/23/2021 No. 2290-r). (In Russian).] [URL:http://static.government.ru/media/files/bW9wGZ2rDs3BkeZHf7ZsaxnlbJzQbJJt.pdf](http://static.government.ru/media/files/bW9wGZ2rDs3BkeZHf7ZsaxnlbJzQbJJt.pdf)

7. Ланьшина Т. (2019) Прогноз развития ВИЭ до 2035 года // Научный вестник ИЭП им. Е. Т. Гайдара. № 9. С. 40–47. [Lanshina T. (2019) Forecast of renewable energy development until 2035 // Scientific Bulletin of the E. T. Gaidar IEP. No. 9. Pp. 40–47. (In Russian).]

8. Послание Президента Федеральному собранию от 29.02.2024 г. / Государственная Дума РФ. [Message of the President to the Federal Assembly dated 02/29/2024 / The State Duma of the Russian Federation. (In Russian).] [URL:http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/](http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/)

9. Поплавский С. П. (2024) Тенденции развития геополитической обстановки в мире и международная экономическая безопасность / В сборнике: Проблемы развития социально-экономических систем. Материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Донецк. С. 403–405. [Poplavsky S. P. (2024) Trends in the development of the geopolitical situation in the world and international economic security / In the collection: Problems of the development of socio-economic systems. Materials of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Donetsk. Pp. 403–405. (In Russian).]

10. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на оптовом рынке электрической энергии и мощности». [Decree of the Government of the Russian Federation No. 449 dated May 28, 2013 "On the mechanism for stimulating the use of renewable energy sources

(RES) in the wholesale market of electric energy and capacity". (In Russian.)] URL: <http://static.government.ru/media/files/41d469c366920ef19ca2.pdf>

11. Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 г. № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии». [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1-r dated January 8, 2009 "On the main directions of state policy in the field of improving the energy efficiency of the electric power industry based on the use of renewable energy sources". (In Russian.)] URL: <http://static.government.ru/media/files/nthMKeFTloAfD4MAI2bR4pNQ1lsdce0M.pdf>

12. Распоряжение Правительства РФ от 18 апреля 2020 г. № 1081-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 г. №1-р» // Консорциум Кодекс. [Decree of the Government of the Russian Federation dated April 18, 2020 No. 1081-r "On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated January 8, 2009 No. 1-r" // Consortium Codex. (In Russian.)] URL: <https://docs.cntd.ru/document/564725266>

13. Руданец В. С. (2023) Современные тенденции ВИЭ в мире и России // Российский внешнеэкономический вестник: Мировая экономика. № 8. С. 99–109. [Rudanets V. S. (2023) Current renewable energy trends in the world and Russia // Russian Foreign Economic Bulletin: World Economy. No. 8. Pp. 99–109. (In Russian).]

14. Смирнов Е. Н. (2024) Международная торговля: вызовы современных геополитических конфликтов // Международная торговля и торговая политика. Т. 10. № 1 (37). С. 20–35. [Smirnov E. N. (2024) International trade: challenges of modern geopolitical conflicts // International trade and trade policy. Vol. 10. No. 1 (37). Pp. 20–35. (In Russian.)] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-20-35

15. Соловьёва Ю. В., Черняев М. В. (2019) Энергоемкость экономики и энергоэффективность: проблемы и перспективы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 6. С. 118–130. [Solovieva Yu. V., Chernyaev M. V. (2019) Energy intensity of the economy and energy efficiency: problems and prospects // STAGE: economic theory, analysis, practice. No. 6. Pp. 118–130. (In Russian.)] DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10127

16. Статистика ВИЭ / АРВЭ. [RES / ARVE statistics. (In Russian.)] URL: <https://rreda.ru/industry/statistics/>.

17. Цифровое государство и цифровая экономика / Меланьина М. В., Рузина Е. И., Пономаренко Е. В., Рассказов Д. А., Налбандян А. А., Шкваря Л. В., Тыркба Х. В., Оганесян А. А., Вереникина А. Ю. Москва, 2022. 195 с. [Digital state and digital economy / Melanyina M. V., Ruzina E. I., Ponomarenko E. V., Rasskazov D. A., Nalbandian A. A., Shkvarya L. V., Tyrkba Kh. V., Oganesyana A. A., Verenikina A. Yu. Moscow, 2022. 195 p. (In Russian).]

18. Чиниев Д. Б. (2010) Экономическая безопасность Республики Таджикистан в условиях глобализации / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российский университет дружбы народов. Москва. [Chinieva D. B. (2010) Economic security of the Republic of Tajikistan in the context of globalization / abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (In Russian).]

19. Шкваря Л. В. (2017) Стратегические подходы к развитию энергетического сотрудничества России и ЕС и необходимость обеспечения энергетической безопасности в условиях многофакторного кризиса // Экономика и предпринимательство. № 8–1 (85). С. 29–

33. [Shkvarya L. V. (2017) Strategic approaches to the development of energy cooperation between Russia and the EU and the need to ensure energy security in a multifactorial crisis // Economics and entrepreneurship. No. 8–1 (85). Pp. 29–33. (In Russian).]
20. Annual primary energy intensity improvement, 2001–2023, and by scenario, 2022–2030 / IEA. URL:www.iea.org/data-and-statistics/charts/annual-primary-energy-intensity-improvement-2001-2023-and-by-scenario-2022-2030.
21. Country Analysis Brief: Russia 2024 / EIA. URL:www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Russia/pdf/russia.pdf
22. Cozzi L., Frankl P., et al. (2023) Tripling renewable power capacity by 2030 is vital to keep the 1,5C goal within reach / IEA. URL:www.iea.org/commentaries/tripling-renewable-power-capacity-by-2030-is-vital-to-keep-the-150c-goal-within-reach
23. Energy Efficiency 2023 / IEA. URL:<https://iea.blob.core.windows.net/assets/dfd9134f-12eb-4045-9789-9d6ab8d9fbf4/EnergyEfficiency2023.pdf>
24. Global renewable energy capacity and COP28 pathway, 2024 / IEA. URL:www.iea.org/data-and-statistics/charts/global-renewable-energy-capacity-and-cop28-pathway-2030
25. Global Energy and Climate model 2023 / IEA. URL:<https://iea.blob.core.windows.net/assets/ff3a195d-762d-4284-8bb5-bd062d260cc5/GlobalEnergyandClimateModelDocumentation2023.pdf>
26. Guo F., van Ruijven B. J., Zakeri B., et al. (2022) Implications of intercontinental renewable electricity trade for energy systems and emissions // Nature Energy. Vol. 7. Pp. 1144–1156. DOI: 10.1038/s41560-022-01136-0
27. 5. Inflation Reduction Act Guidebook / The White House. URL:www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/
28. Kakade S. (2023) No looking back: Energy transition in Russia / ETN. URL:<https://etn.news/buzz/no-looking-back-energy-transition-in-russia>
29. Renewables 2023: Analysis and forecast to 2028 / IEA. URL:https://iea.blob.core.windows.net/assets/96d66a8b-d502-476b-ba94-54ffda84cf72/Renewables_2023.pdf.
30. REmap 2030: Renewable energy prospects for the Russian Federation / IRENA. URL:www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2017/Apr/IRENA_REmap_Russia_paper_2017.pdf?rev=2aea478535c546c3ba6143e37efc5640
31. Renewable energy trading 2024: Definition, market overview, trends, benefits, and challenges. URL:www.luxoft.com/blog/latest-renewable-energy-trading-trends-benefits-opportunities-and-challenges
32. The Green Deal Industrial Plan: Putting Europe’s net-zero industry in the lead / European Commission. URL:https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/green-deal-industrial-plan_en#:~:text=The%20Green%20Deal%20Industrial%20Plan%20enhances%20the%20competitiveness,products%20required%20to%20meet%20Europe%27s%20ambitious%20climate%20targets
33. World Energy Investment 2024. URL:www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024/china
34. Yergin D. (2021) New map: Energy, Climate, and the Clash of Nations / New York, NY: Penguin Press. 524 p.

35. Zeren F., Akkus H. T. (2021) The relationship between renewable energy consumption and trade openness: New evidence from an emerging economies // *Renewable Energy*. Vol. 147. Pp. 322–329. DOI: 10.1016/j.renene.2019.09.006

"Green" energy as a development trend in the world and in Russia: prospects and opportunities

Yuliana V. Solovieva,

PhD in Economics, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia.

Sievush Badalzoda,

Graduate student of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The current state of the planet's climate acutely raises the issue of transition to renewable, clean energy, which can become the key to a secure future for the Earth. Energy, which underlies most environmental problems, is also the key to solving them. The article explores the possibilities of developing a global system of renewable energy sources in the world and in the Russian Federation and the prospects for this process. The purpose of the article is to analyze trends in the development of renewable energy, as well as identify key obstacles to the energy transition and review the main scenarios of the energy transition of the XXI century. To achieve the goals and objectives of the research, general scientific approaches (analysis, synthesis, comparison, etc.) were used using knowledge and principles of economic theory, as well as empirical economics. In order to effectively compare various aspects of the subject under consideration, the comparative analysis method was used. In the structure of the methodology, scientific principles are provided by the following approaches: objectivity, logic, consistency and critical thinking. The scientific novelty of the study lies primarily in the analysis of possible prospects for the development of the renewable energy sector, as well as best practices of various countries, including the Russian Federation, to activate the activities of the "green" energy segment initiated by both the state and private structures. The article provides an assessment of the current indicators of the renewable fuel market, considering modern realities and global trends. The authors substantiate the point of view that the growth of global trade in fuels produced using "green" technologies can stimulate further development of global energy in this direction soon.

Keywords: *renewable energy sources (RES), "green" energy, economic development, energy crisis, energy efficiency, energy perspective, climate commitments, energy policy.*

JEL коды: *F01, F2, F53, F64, N7, Q42.*